

АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ

3 (33) 2018
ISSN 2411-8753

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ

ХАБАРШЫСЫ

«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және
АЙМАҚТАНУ» сериясы

Алматы
«Полилингва» баспасы
2018

© «Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті» Акционерлік қоғамының «Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ Хабаршысы-Известия» ғылыми журналының «Халықаралық қатынастар және аймақтану» сериясы таралымы, Қазақстан Республикасының Инвестициялар мен даму жөніндегі министрліктің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген. Тіркелу күәлігі 10.04.2015 жылғы № 15196-Ж

Бас редактор

Құнанбаева С.С., филология ғылымдарының докторы, профессор,
ҚР ҰҒА академигі, Алматы, Қазақстан

Жауапты редактор

Шаймарданова З.Д., тарих г.д., доцент, Абылай хан атындағы
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Шығарылымға жауапты

Исалиева А.М., магистр, оқытушы, Абылай хан атындағы
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Редакция алқасы мүшелері

Әбсаттаров Ғ.Р., саяси г.к., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Байсұлтанова К.Ш., саяси г.к., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Бүлекбаев С.Б., филос.г.д., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Галиев А.А., т.г.д., профессор, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Мукан С., PhD, Халықаралық бизнес университеті, Алматы,
Қазақстан

Шабаль П. (Chabal P.), PhD, Гавр Университеті, Франция / Le
Havre University, France, Гавр, Франция

Зиркер Д. (Zirker D.), PhD, Вайкато Университеті, Жаңа
Зеландия / Waikato University, Hamilton, New Zealand

Хорак С. (Horak S.), PhD, Карлов Ун-ті, Прага, Чех Республикасы,
Charles University, Prague, Czech Republic

МакКленнен С. (McClennen S.), PhD, Пенсильвания Университеті,
Филадельфия, АҚШ / University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

shaimardanova.z@ablaikhan.kz

© Научный журнал «Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «Международные отношения и регионоведение» Акционерного общества «КазУМОиМЯ имени Абылай хана» зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № 15196-Ж от 10.04.2015 г.

Главный редактор

Кунанбаева С.С., ректор КазУМОиМЯ им. Абылай хана, доктор филологических наук, академик НАН РК, Алматы, Казахстан

Ответственный редактор

Шаймарданова З.Д., д.ист.н., доцент, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Ответственные за выпуск

Исалиева А.М., магистр, преподаватель, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Члены редакционной коллегии

Абсагтаров Г.Р., к.полит.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Байсултанова К.Ш., к.полит.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Булекбаев С.Б., д.филос.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Галиев А.А., д.и.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Мукан С., PhD, Университет международного бизнеса, Алматы, Казахстан

Шабаль П. (Chabal P.), PhD, Университет Гавра, Франция / Le Havre University, France, Гавр, Франция

Зиркер Д. (Zirker D.), PhD, Университет Вайкато, Новая Зеландия / Waikato University, Hamilton, New Zealand

Хорак С. (Horak S.), PhD, Карлов Ун-т, Прага, Чешская Республика, Charles University, Prague, Czech Republic

МакКленнен S. (McClennen S.), PhD, Пенсильванский Университет, Филадельфия, США / University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

© Scientific journal «Bulletin» of Ablai khan KazUIR&WL. Series «International Relations and Regional Studies» of JSC “Ablai khan Kazakh University of International Relations and World Languages” is registered in Communication, Informatization and Information Committee of Ministry for Investment and Development, Republic of Kazakhstan. Certificate N 15196 – G, 10.04.2015.

Editor in chief

Kunanbayeva S.S., *Doctor of Philology, Professor, Academician of NAS of the RK, Almaty, Kazakhstan*

Executive Editor

Shaymardanova Z.D., *d. of hist. sc., associate professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Responsible for issue

Isakiyeva A.M., *master, teacher, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Editorial team members

Absattarov G.R., *cand.of polit.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Baysultanova K.Sh., *cand.of polit.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Bulekbaev S.B., *d. of philos.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Galiev A.A., *d. of hist.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Mukan S., *PhD, UIB, Almaty, Kazakhstan*

Chabal P., *PhD, Le Havre University, France*

Horak S., *PhD, Charles University, Prague, Czech Republic*

McClennen S., *PhD, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA*

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

I БӨЛІМ. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ САЯСИ ӨМІР

РАЗДЕЛ I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ I PART. INTERNATIONAL RELATIONS AND POLITICAL LIFE

- Амребаев А.** Казахстан и стратегическое партнерство с Китаем в контексте возрождения Великого шелкового пути7-24
Amrebayev A. Kazakhstan and strategic partnership with China in the context of revival the Silk Road7-24
- Байдаров Е.** Казахстан и исламский мир сегодня: основные направления и специфика влияния, риски и возможности25-32
Baydarov E. Kazakhstan and the Islamic world today: the main directions and specifics of influence risks and opportunities25-32

II БӨЛІМ. АЙМАҚТАНУ БОЙЫНША ЗЕРТТЕУЛЕР

РАЗДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕГИОНОВЕДЕНИЮ

II PART. REGIONAL STUDIES RESEARCH

- Алгадаева Ж.А.** Влияние арабской весны на территории ближнего востока и северной Африки33-40
Algadayeveva Zh.A. Influence of the Arab spring in the territory of the Middle East and North Africa33-40
- Галиева А.Т.** ООН и региональные конфликты: достоинства и просчеты.....40-49
Galiyeva A.T. UN and regional conflicts: advantages and settlements40-49
- Нұрмұхамбет Б.Х.** Центральная Азия как объект интересов стран НАТО.....49-60
Nurmukhambet B. Central Asia as an object of interest of NATO countries.....49-60

III БӨЛІМ. ДӘРІСТЕР, СЕМИНАРЛАР, САБАҚТАРҒА АРНАЛҒАН МАТЕРИАЛДАР

РАЗДЕЛ III. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЛЕКЦИЙ, СЕМИНАРОВ, ЗАНЯТИЙ

III PART. MATERIALS FOR LECTURES, SEMINARS, CLASSES

- Шаймарданова З.Д.** Основные направления зарубежных исследований о Казахстане61-66
Shaimardanova Z.D. The main directions of foreign research about Kazakhstan.....61-66

IV БӨЛІМ. БІРІККЕН ЖӘНЕ ШЕТЕЛДІК ЗЕРТТЕУЛЕР

РАЗДЕЛ IV. СОВМЕСТНЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

IV PART. JOINT AND FOREIGN RESEARCHES

- Nurgaliyeva L.K.** The economic influence of China on Kazakhstan through the Silk Road Economic Belt67-74
Нурғалиева Л.К. Экономическое влияние Китая на Казахстан через экономический пояс Шелкового пути67-74

V БӨЛІМ. ЖАС ҒАЛЫМДАР ЗЕРТТЕУЛЕРІ

РАЗДЕЛ V. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

V PART. RESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS

- Муслим А.** «Центральная Азия» проблемы интеграции на современном этапе75-80
Muslim A. «Central Asia» problems of integration at the present stage75-80

Муслим А. «Большая игра» новая большая игра в Центральной Азии и ее влияние на интеграционные процессы в регионе	80-85
Muslim A. «Big game» new big game in Central Asia and its impact on integration processes in the region	80-85
Туякбаева А.Б. Концепция национальной безопасности Казахстана как гарант обеспечения устойчивого развития страны	85-92
Tuyakbayeva A.B. The concept of national security of Kazakhstan as guarantee of providing sustainable development of the country	85-92
Клыгов Д.В. Проблемы формирования национальной идентичности в контексте контр-пропаганды против терроризма и религиозного экстремизма в республике Казахстан	92-106
Klygov D.V. Problems of formation of national identity in the context of counter-propaganda against terrorism and religious extremism in the republic of Kazakhstan	92-106
Байгушкарлова А.Ж. Медиа образы Соединённых Штатов Америки и Китая в СМИ	106-110
Baigushkarova A.Zh. Media images of the United States of America and China in the media	106-110
Кубашев А.Е. Анализ освещения вопросов мировой политики и международных отношений на примере отечественной и зарубежной литературы 2016-2017	111-115
Kubashev A.E. Analysis of coverage of issues of world politics and international relations on the example of domestic and foreign literature 2016-2017	111-115
Бектемисова К.Т. Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития Евразийских государств	116-120
Bektemissova K.T. The Silk road economic belt and the priorities of the Eurasian states' joint development	116-120
Ускенбаева У.М. Основные факторы влияния на развитие современной мировой политики... ..	120-126
Uskenbayeva U.M. Main factors of influence on the development of modern world politics	120-126
Сагынай Д. Всемирная ассоциация казахов как механизм реализации публичной дипломатии Казахстана	126-132
Sagunay D. The world association of Kazakhs as a mechanism for implementation of public diplomacy of Kazakhstan	126-132
Булатов Д. «Хизмет» - транснациональная духовная империя Фетхуллаха Гюлена	132-137
Bulatov D. «Hizmet» - transnational spiritual empire of Fethullah Gulen	132-137

1 БӨЛІМ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ САЯСИ ӨМІР
РАЗДЕЛ 1 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
1 PART INTERNATIONAL RELATIONS AND POLITICAL LIFE

**KAZAKHSTAN AND STRATEGIC PARTNERSHIP WITH CHINA IN THE
CONTEXT OF THE REVIVAL OF THE GREAT SILK ROAD**

Amrebaev A.¹,

¹ cand.of phil.sc.,

Department of International Relations,
Kazakh Ablai Khan University of International
Relations and World Languages,
Almaty, Kazakhstan, aidar.amrebayev90@gmail.com

Kazakhstan has always paid special attention to the development of economic and political relations with neighboring countries, and China, as one of the most dynamically developing economies, has always occupied and holds a key place in the trade and economic relations of our country. Of particular importance for the expansion of trade and economic cooperation between Kazakhstan and China is proclaimed in September 2013 in Astana, the initiative of the President of the People's Republic of China, Xi Jinping, to establish the Economic Belt of the Silk Road.

At the same time, Eurasian integration is being further developed and shaped. Kazakhstan signed the Treaty on the creation of the EAEU with Russia and Belarus and from January 1, 2015. is a member of this organization. In general, the current time is characterized by active dynamics of economic processes, requiring adjustment of interstate economic relations, including in the field of Kazakhstan-China cooperation. The “Ukrainian crisis” and Western sanctions against Russia have a definite impact on the positioning of Kazakhstan in the EAEU.

Keywords: Kazakhstan, China, Silk Road, strategic partnership.

УДК 32

МРНТИ 11.25

**КАЗАХСТАН И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО С КИТАЕМ В
КОНТЕКСТЕ ВОЗРОЖДЕНИЯВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ**

Амребаева.А.¹

¹ к.ф.н., кафедра международных отношений,

КазУМОиМЯ им. Абылай хана,

Алматы, Казахстан, aidar.amrebayev90@gmail.com

Казахстан всегда уделял особое внимание развитию экономических и политических отношений с приграничными странами, а Китай, как одна из самых динамично развивающихся экономик, всегда занимал и занимает ключевое место в торгово-экономических связях нашей страны. Особое значение для расширения торгово-экономического сотрудничества между Казахстаном и Китаем играет

провозглашенная в сентябре 2013г. в г.Астане инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина о налаживании Экономического Пояса Шелкового Пути.

Одновременно с этим получает свое дальнейшее развитие и оформление евразийская интеграция. Казахстан подписал Договор о создании ЕАЭС с Россией и Беларусью и с 1 января 2015г. является членом этой организации. В целом настоящее время характеризуется активной динамикой экономических процессов, требующей корректировки межгосударственных экономических отношений, в том числе в области казахстанско-китайского сотрудничества. «Украинский кризис» и санкции со стороны Запада в отношении России оказывают определенное влияние на позиционирование Казахстана в ЕАЭС.

Ключевые слова: Казахстан, Китай, Шелковый путь, стратегическое партнерство.

Казахстан отстаивает в организации позицию, отражающую внешнеполитический характер организации. Казахстан выступает с однозначной поддержкой инициативы Китая по Экономическому Поясу Шелкового Пути, как в двустороннем режиме, так и по линии ШОС, выступая за расширение экономического сотрудничества между странами ШОС. Казахстан и Китай выступают с общих позиций по проблемам «Украинского кризиса» (территориальная целостность Украины и мирное разрешение конфликта). В сфере региональной безопасности Китай поддерживает инициативу Казахстана по созыву Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии и становится новым председательствующим в организации. Казахстан присоединяется к инициативе Китая по созданию Азиатского Банка Инфраструктурных Инвестиций.

В рамках участия Казахстана в ЭПШП по итогам визита Премьер-министра Китая в Казахстан в декабре 2014г. Был подписан большой пакет Соглашений на общую сумму в 14 млрд долларов США, включающий:

- Совместное заявление по итогам второй регулярной встречи Глав Правительств Республики Казахстан и Китайской Народной Республики;
- Протокол о внесении изменений и дополнений в Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о регулировании деятельности МЦПС «Хоргос»;
- Соглашение между Национальным банком РК и Народным банком КНР по взаимным расчетам в национальных валютах;
- Соглашение между Национальным банком Республики Казахстан и Народным банком Китая по валютному СВОПу казахстанской тенге/китайский юань;

- Меморандум о взаимопонимании по углублению сотрудничества в сфере ядерной промышленности между Министерством энергетики и Управлением по атомной энергии КНР;

- Меморандум о взаимопонимании между Министерством национальной экономики РК и Государственным комитетом по развитию и реформам Китайской Народной Республики по совместному продвижению создания «Экономического пояса Шелкового пути»;

- План между Министерством финансов РК и Главным таможенным управлением КНР по сотрудничеству о взаимном признании уполномоченных операторов;

- Рамочное Соглашение по освоению ресурсов калийных месторождений Казахстана между МИР РК, Торгово-промышленным банком КНР, СИТИК и ТОО «Казахстан поташ корпорейшн». Также по результатам переговоров было решено, что Китай перенесет ряд своих предприятий в Казахстан, а также построит более 20 предприятий по производству стекла и цемента, а также по переработке сельхозпродукции. В ноябре 2014 года Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в своем ежегодном послании народу страны объявил о начале реализации с 2015 г. Новой Экономической Программы «Нурлы жол» («Светлый путь»). Ее главная задача – реализация масштабной инфраструктурной программы. Новая экономическая политика Казахстана должна стать двигателем роста экономики республики в ближайшие годы, практически кризисные годы для мировой экономики. К примеру, в рамках новой политики предстоит создать современную транспортную инфраструктуру. Решая этот давний назревший вопрос, будут созданы новые рабочие места (в области строительства дорог - более 200 тысяч рабочих мест), построены объекты социальной инфраструктуры и пр. Как сказал Президент Казахстана «Нурлы жол» произведет мультипликативный эффект для других отраслей экономики Казахстана». Стоит учесть, что ежегодно в течение нескольких лет из Национального фонда (общий объем накоплений на 1 ноября 2014 г. – свыше 105 млрд. долл. США) будет выделяться по 3 млрд. долл. США дополнительно на реализацию приоритетных проектов в таких сферах, как энергетическая, индустриальная и социальная инфраструктура. В частности, в инфраструктуру жилищно-коммунального хозяйства предполагается инвестировать около 2 трлн. тенге, что в ежегодных показателях составит не менее 200 млрд. тенге до 2020 г.

В целом план по развитию инфраструктуры рассчитан на пять лет и совпадает со второй пятилеткой реализации программ индустриально-

инновационного развития страны, где должны участвовать более 100 зарубежных стран. Инвестиционный портфель оценивается в 6 трлн. тенге или порядка 40 млрд. долл. США, при этом доля государства должна составить всего 15%, а большую часть средств образуют инвестиции. Преодолевая кризисное состояние экономики, негативную конъюнктуру цен на энергоносители и резкое замедление темпов экономического роста Казахстан планирует опереться на развитие инфраструктуры, в первую очередь, дорожного строительства. В эту отрасль предполагается привлечение дополнительных объемов иностранных инвестиций, и, конечно, главными потенциальными инвесторами в ближайшие годы могут стать государства Азиатско-Тихоокеанского региона, в т. ч. непосредственно Китай. Инициатива по налаживанию ЭПШП как нельзя кстати оказывается в данных условиях, представляя новые ресурсы для развития. Как отметил экс премьер-министр Казахстана Карим Масимов, Программа «Нурлы Жол» и инициатива Экономического Пояса Шелкового Пути – «взаимодополняемые проекты», так как они имеют, во многом, общую инфраструктурную базу, основанную на развитии транспортной логистики и дальнейшего стимулирования взаимной торговли. Кроме того, Казахстан предполагает использовать в общих целях новые транспортные коридоры, которые построены и будут строиться совместно с другими странами-соседями. К примеру, недавно введенную в строй железнодорожную ветку из Казахстана через Туркменистан в Иран (Персидский залив) можно рассматривать как часть Экономического Пояса Шелкового Пути.

За 2013 г. взаимная торговля между Казахстаном и Китаем выросла на 18 процентов по сравнению с предыдущим годом. Однако в данный момент наблюдается серьезный спад и в связи с этим предполагается нарастить объемы внешней торговли между двумя странами и, в первую очередь, качественно изменить ее структуру. Сейчас она базируется, в основном, на энергетическом секторе, но в будущем необходим перенос акцента в несырьевые сектора экономики, а именно в следующие направления:

- обрабатывающую промышленность (в рамках государственной программы индустриально-инновационного развития Казахстана (ГПФИИР);
- транспортно-логистическую (охват всеми видами перевозок (автомобильными, железнодорожными, трубопроводными и др.);
- производство и экспорт сельскохозяйственной продукции;
- производство минеральных удобрений;

- строительную отрасль (жилищное строительство и запуск производств, выпускающих строительные материалы);

- образование, совместные научные исследования, разработки высокотехнологичной продукции;

- поддержки малого и среднего бизнеса, приграничной торговли.

Развитие этих отраслей может стать предметом поддержки со стороны китайских финансовых организаций и инвесторов. В последние несколько лет существенно возросло значение и роль энергоресурсов Казахстана для китайской экономики. Перспективы экономического роста в Китае в значительной мере связаны с тем, насколько успешно страна сможет решить проблемы с обеспечением энергоносителями в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Так как нефть, экспортируемая в Китай, в основном, доставляется и востребована в северных регионах страны, граничащих с Казахстаном, то это положительно влияет на их социально-экономическое положение внутри самого Китая. Казахстан получает прибыль за счет прямого транзита нефти к нашим соседям и налогов в бюджет. Кроме этого в рамках строительства газопровода - с запада Казахстана в Китай - была решена проблема газификации южных регионов Казахстана. Тем самым с помощью китайских инвесторов совместно решена важная социальная проблема - обеспечение теплом и газом населения страны.

Несмотря на широкое плодотворное сотрудничество в сфере традиционной энергетики между Казахстаном и Китаем, существуют большие резервы и по другим направлениям энергетического сотрудничества.

В-первую очередь, это атомная энергетика, где у Казахстана имеются огромные запасы урана, необходимого для функционирования атомных электростанций в Китае (в самом Казахстане в ближайшее время планируется строительство двух атомных электростанций);

Во-вторых, в развитии ветровой энергетики, где у Китая накоплен значительный опыт в ее получении и использовании в народном хозяйстве;

В-третьих, в производстве экологически чистых видов топлива (биоэтанола и др.);

В-четвертых, в финансировании и строительстве тепло- и гидро- электротехнических станций в Казахстане (с учетом нехватки электроэнергии для промышленного использования и дальнейшего экономического развития).

В этой связи необходимо скорейшим образом разрешить вопросы

рационального и справедливого распределения трансграничных водных ресурсов, теснее сотрудничать в сфере соблюдения высоких экологических стандартов (качества воды; при добыче, транспортировке углеводородного сырья). Также Китай мог бы активизировать свое участие в программе развития нефтехимического комплекса, функционирующего в западных областях Казахстана.

Как известно, отношения между Казахстаном и Китаем носят стратегический характер, еще в июне 2011 года между руководителями двух стран была подписана Совместная декларация Республики Казахстан и Китайской Народной Республики о развитии всестороннего стратегического партнерства [1]. С самого начала провозглашения инициативы налаживания Экономического Пояса Шелкового Пути официальной позицией Республики Казахстан была всеобъемлющая поддержка данной инициативы и стремление присоединиться к налаживаемому транспортному коридору.

Это характеризует отличие позиции нашей страны от, например, точки зрения Российской Федерации, которая достаточно долго изучала и присматривалась к данной инициативе (эволюционировала от начального неприятия до разработки собственной стратегии, названной “сопряжением интересов”). Как известно, только после известных событий, связанных с украинским кризисом 2014 года и острой фазой конфронтации с Западом, приведшей к экономической изоляции и взаимному санкционному режиму, Россия “развернулась в Азию” и поддержала Китай в разработке им своей геостратегической концепции “Один пояс, один путь”, и в частности, сформировала свою позицию в отношении налаживания континентальной стратегии строительства Экономического Пояса Шелкового Пути, названную стратегией сопряжения. При этом, Российская Федерация в мае 2015 года в Москве самостоятельно заключила Соглашение с КНР о сопряжении ЕАЭС с ЭПШП. Это было единоличным решением Владимира Путина вне первичного согласования и присутствия других лидеров ЕАЭС (принятие согласованного решения по сопряжению ЕАЭС с ЭПШП лидеры стран евразийского объединения приняли спустя год на Саммите глав-государств в г.Астане).

Согласно мнению экс-премьера Казахстана Карима Масимова участие Казахстана в ЭПШП реализуется в нескольких форматах:

1) Через реализацию адаптированной к проекту ЭПШП новой Экономической Программы “Нурлы Жол” /Светлый Путь, которая рассматривается в части транспортно-логистического развития страны

частью большого транспортного коридора из Азии в Европу и страны Ближнего Востока на котором Республике Казахстан отводится роль транспортного хаба Евразии;

2) Через реализацию широкомасштабной Программы двустороннего экономического сотрудничества Республики Казахстан и Китайской Народной Республики, предусматривающей инвестиционное сотрудничество, промышленную кооперацию, активизацию двусторонней торговли и взаимную политическую стратегическую поддержку;

3) Через участие Республики Казахстан в стратегии сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

Первые два формата представляют собой двусторонний формат взаимодействия, третий - многосторонний. Следует отметить, что для Республики Казахстан двусторонний формат является предпочтительным и более эффективным. Именно благодаря реализации двусторонних соглашений Казахстан является наиболее активным участником ЭПШП на постсоветском пространстве. Стратегия сопряжения в этом отношении представляется скорее стратегией сдерживания Китая и согласования позиций двух Великих держав, - России и Китая, чем “дорожной картой” реализации инициативы ЭПШП. Однако разумеется, Казахстан в силу объективных причин не может игнорировать это сопряжение интересов и позиционирования двух стран. В интересах нашей страны использовать преимущества скоординированного взаимодействия и синергии двух крупных Казахстана. При этом необходимо заметить, что казахстанскому руководству пока удастся избежать ситуации выбора между двумя глобальными “игроками” на поле Евразии, также конструктивно выстраивая отношения со странами Запада (например, через расширенное Партнерство с Европейским Союзом и участие в формате “С5+1”). Таким образом, особенностью официального позиционирования Казахстана в нынешних условиях является стремление стать “честным дилером” во взаимоотношениях между глобальными силами, прагматично используя возможности и желания каждой из них. Удобное геостратегическое местоположение Казахстана на перекрестке актуальных транспортных коридоров между Востоком и Западом, Севером и Югом, создают условия для становления Казахстана в качестве регионального транспортно-логистического хаба.

Стратегические направления и план состыковки

Участие Казахстана в ЭПШП носит всесторонний характер и сегодня охватывает несколько взаимосвязанных сфер. Их условно можно разделить на политико-идеологический уровень поддержки (1); транспортно-логистическая состыковка (2); финансово-инвестиционное сотрудничество (3); промышленная кооперация (4); торгово-экономическое разноформатное согласование (5).

Первая сфера предусматривает политическую поддержку и совместное продвижение проекта ЭПШП в разных форматах. Это касается как его актуализации в двустороннем формате отношений, так и продвижение проекта в многостороннем формате, например, в рамках ЕАЭС и ЭПШП, ШОС и ЭПШП. Казахстан здесь выступает стабильным партнером и союзником КНР.

На втором уровне Казахстан с самого первого дня высказался в поддержку данной инициативы и далее конкретизировал свои подходы, уже в ноябре 2013 года президент Нурсултан Назарбаев в своем Ежегодном Послании выдвинул Новую Экономическую Программу “Нурлы Жол” /Светлый путь, которая предусматривала широкое реформирование, строительные работы и инвестирование в транспортно-логистическую сферу Казахстана, сориентированные на присоединение к транспортным коридорам Китая в западном направлении. Таким образом, Казахстан на официальном уровне начал работу по состыровке транспортно-логистических стратегий двух стран, направленное на развитие транзитного транспортного коридора, создание логистических центров на территории Казахстана и упрощение процедур (таможенных, налоговых, финансовых и т.д.) в целях расширения объемов взаимной торговли. Цель забрать часть потока товарооборота между Китаем и Европой.

В настоящее время активно реализуются проекты, связанные с созданием инфраструктуры.

Самый крупный проект – завершение в 2016 г. строительства международного транзитного автомобильного коридора «Западная Европа – Западный Китай» (берет начало в Санкт-Петербурге, конечная точка Ляньюнган). Правда, на сегодняшний день стало очевидно, что этот срок будет сорван. Проблема в том, что 49 фрагментов дороги не соответствуют нормам утвержденных ТЭО, а на ряде участков работы даже не начинались, не говоря уже о серьезном превышении сметной стоимости строительства. Но главная проблема – отсутствие российского участка дороги, без которого весь проект теряет смысл.

Эта тема обсуждалась недавно в Астане на Форуме приграничного сотрудничества с участием Глав государств России и Казахстана.

Второе — железнодорожный транспорт. Завершение строительства железной дороги Хоргос – Алматы – Тараз – Шымкент – Кызылорда – Актау и ветки Боржакты Ерсай, являющейся инфраструктурной основой паромного комплекса Курык мощностью 4 млн. тонн грузов в год на берегу Каспийского моря. Большим подспорьем для продвижения железнодорожного коридора в южном направлении является запуск железнодорожной ветки Казахстан - Туркменистан - Иран, что позволяет наладить транспортировку железнодорожных грузов из Китая в страны Персидского залива через Казахстан.

Конечная цель создания железнодорожной инфраструктуры — увеличение объемов транзитных грузоперевозок через Казахстан до 35 млн. тонн ежегодно. Кроме того, планируется до 2020 г. обновить 650 локомотивов, порядка 20 тыс. грузовых и 1138 пассажирских вагонов и капитально отремонтировать 302 железнодорожных вокзала.

Третье модернизация морского порта Актау, расположенного на Каспии. Сейчас в Актау осуществляется ряд проектов по модернизации и расширению перевалочных мощностей, чтобы к 2020 г. увеличить пропускную способность порта до 19 млн. тонн.

Осуществление мероприятий по строительству и развитию логистической инфраструктуры Свободной Экономической Зоны МЦПС “Хоргос”. Объем осваиваемых средств около 500 млн долларов США.

Однако следует отметить, что пока работа по созданию логистических центров на территории Казахстана осуществляется достаточно медленно и практически ничего не делается в плане упрощения таможенных и визовых процедур, что не требует больших финансовых затрат, но формирует условия для снижения стоимости экспортно-импортных операций и увеличения объемов двусторонней торговли [2].

Третье направление финансово-инвестиционного сотрудничества характеризуется динамизмом и деловой активностью двух сторон. Казахстан является безусловным лидером по привлечению китайских инвестиций на постсоветском пространстве. По итогам визита Н. Назарбаева в Китай в мае 2014 г. оговоренная сумма китайских инвестиций в экономику Казахстана составила 10 млрд. долл. Во время визита премьер-министра Госсовета Ли Кэцзяна в Казахстан в декабре 2014 г. были подписаны контракты на сумму 14 млрд. долларов. Во время визита Н.

Назарбаева в Китай в сентябре 2015 г. сумма подписанных контрактов составила 24 млрд. долл. Во время визита К. Масимова в декабре 2015 г. сумма подписанных контрактов составила 10 млрд. долл. Только за два последних года Казахстан подписал с Китаем контрактов на 48 млрд. долларов, а общий объем китайских инвестиций в экономику Казахстана превысил 70,6 млрд. долларов.

Как сообщило «Синьхуа»: «По статистике Министерства коммерции Китая, в 2015 году инвестиции китайских предприятий в 49 странах, расположенных вдоль «пояса и пути», составили 14,82 млрд. у.е., что на 18,2% больше, чем годом ранее. В основном инвестиции были направлены в Сингапур, Казахстан, Лаос, Индонезию и Россию, а также в этот список вошел Тайланд». Объемы инвестиций направлены в основном на сферу разведки и добычи углеводного сырья, модернизацию инфраструктуры и строительство транспортного коридора. В целевом проекте налаживания ЭПШП Казахстан сотрудничает с такими финансовыми институтами как Фонд Шелкового Пути с объемом в \$40 млрд и Азиатским Банком Инфраструктурных Инвестиций с капиталом в \$100 млрд.

Четвертое направление связано с промышленной кооперацией. Одно из основных направлений «дорожной карты» состыковки ЭПШП и «Нурлы жол», наполнения их реальным товарным содержанием является осуществление совместных индустриальных и агропроектов. Как известно, Казахстаном и Китаем будут реализованы 52 инвестиционных проекта на общую сумму 26 млрд долларов в рамках совместной инвестпрограммы по переносу производственных мощностей из КНР в РК. В первую группу входят около 45 проектов, по 25 из них уже подписаны соглашения на общую сумму в 23 млрд. долларов. По словам вице-министра по инвестициям и развитию РК Е. Хаирова, все эти проекты «представляют собой уникальные производства с использованием современных технологий» и позволят создать порядка 15 тыс. рабочих мест, а также существенно повысить квалификацию казахстанских специалистов. Они будут реализованы в обрабатывающем секторе и в сфере инфраструктуры, а именно в металлургии, переработке нефти и газа, химической промышленности, машиностроении, энергетике, легкой промышленности, переработке сельскохозяйственной продукции, транспорте и логистике, новых технологиях и производстве товаров народного потребления.

Пятое направление связано с торгово-экономическим разноформатным взаимодействием.

Предполагается особое внимание уделить сфере наукоемких отраслей и секторов высоких технологий. Здесь с Китаем обсуждается вопрос о выборе одного-двух направлений, по которым Казахстан и Китай будут проводить кооперацию как на уровне научных институтов, вузов, так и в области создания совместных производств. Пока конкретные проекты, которые предполагается реализовать на данном направлении, не согласованы. Во всяком случае, информации по ним нет. Скорее всего, они будут касаться тех приоритетных направлений, которые определены Китаем на 13-ю пятилетку и, несомненно, интересны Казахстану. Главный вопрос – обеспеченность будущих предприятий кадрами.

Важным перспективным направлением сотрудничества является агросектор. Уже сегодня в агросекторе Казахстана Китай реализует 19 проектов на 1,7 млрд. долларов. Кроме того, в последнее время согласованы проекты создания еще нескольких крупных совместных проектов в сфере сельского хозяйства.

Компания RifaHoldingGroup будет инвестировать средства на строительство в восточно-казахстанской области (ВКО) мясокомбината с годовой мощностью 17 тыс. тонн баранины и говядины, и возведение откормочных площадок на 50 тыс. голов МРС и 1000 голов КРС. 80% продукции предприятия ориентировано на экспорт в Китай. Стоимость проекта оценивается в 7,9 млрд. тенге.

Корпорация CITIC подписала соглашение с холдингом «Байтерек» по реализации проектов касающихся создания откормочных площадок и бройлерных птицефабрик.

Промышленная группа AILU совместно с TotalImprex будет реализовывать в СКО проект по глубинной переработке масличных и зерновых культур на сумму 58 млн. долларов. Проектная мощность завода составит 80 тыс. тонн растительного масла, 200 тыс. тонн муки и 200 тыс. тонн кормов в год.

Производство и переработка томатов в Казахстане стало приоритетным направлением сотрудничества для компании SOFCO, которая совместно с «Евразия Агрохолдинг» намерена инвестировать в создание кластеров по выращиванию помидоров и производство томатной пасты сразу в нескольких регионах республики – Кызылординской области, ВКО и ЗКО. Стоимость этих проектов оценивается в сумму более чем 80 млн. долларов. Производственная мощность – 120 тыс. тонн продукции в год.

Финансовая группа из Гонконга OrientalPatronсобирается вложить

средства в развитие казахстанской компании «Казэкспортастык» для развития в РК глубокой переработки сельхозпродукции для дальнейшей ее поставки на рынки Китая. Общая сумма инвестиций около 500 млн. долл.

Представляется важным оживление торгово-экономических отношений, поскольку не смотря на создание и модернизацию инфраструктуры Казахстана в последнее время наблюдается спад объемов взаимной торговли. Одна из проблем сегодняшних казахстанско-китайских отношений заключается в том, что, несмотря на динамичное развитие экономических контактов между двумя странами, объемы двусторонней торговли в последние годы сократились вдвое. Причем, как по импорту китайских товаров, так и по экспорту казахстанских товаров. А это означает, что заявленное на высшем уровне увеличение объемов двусторонней торговли к 2020 г. (ранее планировалось к 2015 г.) до 40 млрд. долл., по-видимому, невыполнимая задача.

Торговые операции КНР с Казахстаном в 2013-2015 годах (по данным таможи КНР и РК)

(млн. долл.)

	Всего		Экспорт		Импорт	
	По данным КНР	КЗ	По данным КНР	КЗ	По данным КНР	КЗ
2013	28594,4	22738,4	12545,9	8364,53	16048,5	14373,88
2014	22450,0	17250,0	н.д.	7440,0	н.д.	9810,0
2015	14267,0	10567,0	5840,0	5083,0	8427,0	5484,0

Проблемы, риски, вызовы и предложения их решения

В процессе присоединения Казахстана к ЭПШП, помимо высказанных выше проблем, существует ряд организационных вопросов, которые могут оказать влияние.

Выбор наиболее оптимального маршрута или маршрутов ЭПШП находится под прессом геополитического внимания различных “игроков” и зависит не только от воли и желания двух непосредственных участников, - Китая и Казахстана.

В полной мере не определены потенциальные и реальные контрагенты ЭПШП, не скоординированы их возможности и интересы. В частности, Казахстан хотел бы быть не только транзитной территорией, но и участником бизнес проекта с высокой добавленной стоимостью на переднем крае товарных потоков и “технологических

цепочек” актуального производства между Востоком и Западом. В этом плане, к участию в проекте в качестве потенциальных операторов этого процесса могут быть привлечены компании из передовых стран, имеющих опыт осуществления высоко эффективных транспортно-логистических проектов в мире, например из Сингапура.

Проект ЭПШП еще не обладает развитой инфраструктурой взаимодействия. Не имплементированы единые стандарты и тарифы транспортировки грузов, не выстроена оптимальная логистика их доставки. Нормативно-правовая база не унифицирована, отсутствуют общие правила финансовой и статистической отчетности.

Текущие кризисные процессы в сфере мирового финансового регулирования оказывают непосредственное влияние на страны-участники ЭПШП, поскольку они оказываются “на обочине” международной финансовой системы, основанной на приоритете доллара США для мирового денежного обращения. И эта ситуация продолжает усугубляться даже не смотря на то, что Китай постепенно пробивает себе дорогу и адекватное себе место в ней. Фактически, когда мы говорим об ЭПШП с финансовой точки зрения, то речь идет о “девальвирующемся пространстве”, в котором постепенно “растворяются” малые национальные валютные системы, они все более и более вынуждены манипулятивными способами национальных государств укреплять собственные валюты, стремясь закрепить их в имеющемся статусе. Однако, это краткосрочные меры, не имеющие стратегической перспективы. В рамках действующей мировой финансовой архитектуры, такая финансовая политика приводит к отчуждению от международной финансовой коммуникации, что в корне противоречит самой идее Шелкового пути, как открытой коммуникации, в том числе для транснационального денежного обращения. В какой валюте будут осуществляться основные потоки транзакций между участниками ЭПШП и в каком виде будет накапливаться заработанный таким образом объем средств? Этот вопрос не является таким уж праздным. Он, в конечном итоге, определяет смысл и назначение этого проекта с финансовой точки зрения, как своего рода денежное измерение совместного процветания государств в рамках Экономического Пояса Шелкового Пути.

В условиях сильно централизованных государств Китая и Казахстана, в проекте на настоящий момент преобладают национальные государственные структуры или компании, находящиеся под государственным патронажем и контролем. ЭПШП еще не является

международным бизнес проектом для широких кругов свободных частных предпринимателей. Оптимальной моделью ЭПШП может быть модель международного акционерного общества со свободно котирующимися на мировом рынке долями акций в данном проекте, вне всякой геополитики.

ЭПШП представляется проектом с высокой долей политических рисков, связанных, как с геополитическим противостоянием крупных держав, так и нерешенностью проблем безопасности транспортных коридоров. Эффективность проекта обеспечивается наличием трех составляющих: цена, скорость и безопасность доставки грузов. Пока в настоящий момент эти факторы не отработаны.

На сегодняшний день участие в ЭПШП основывается на политической воле элит и не обладает институциональной устойчивостью. Отсутствует широкомасштабное информирование населения о достоинствах проекта, открытость и доступность проекта для частных предпринимателей, внимания и контроля со стороны местных сообществ. В связи с чем, вокруг проекта преобладают разнообразные слухи и фобии, что снижает уровень общественной поддержки и даже провоцирует сопротивление. Например, в апреле - мае в Казахстане прошли митинги протеста, связанные с Земельным Кодексом, предусматривающим разрешение иностранным бизнесменам брать в аренду и покупать землю. Существует ряд опасений, связанных с потенциальным наплывом в Казахстан китайских трудовых мигрантов, криминализацией бизнеса, а также деэкологизацией территорий вдоль Шелкового пути.

Как известно, в китайском языке риск, опасность и возможность можно обозначить одним иероглифом в котором заложены как негативная, так и позитивная характеристика этого явления...

На сегодняшний день с момента провозглашения китайским лидером инициативы налаживания Экономического Пояса Шелкового Пути в сентябре 2013 года в Казахстане прошло 3 года и полтора месяца. Это время, если мы его рассматриваем в негативном контексте, то оно было потрачено на многочисленные бюрократические согласования и политические декларативные заявления об актуальности и необходимости Экономического Пояса Шелкового Пути. Если же мы оцениваем данный период в конструктивном контексте, то мы конечно скажем о том, как за это время мы существенно продвинулись в развитии Экономического Пояса Шелкового Пути и приведем в пример какие-то реализуемые бизнес проекты.

Казахстан с самого момента провозглашения идеи Экономического Пояса оказался наиболее последовательным партнером и сторонником этой инициативы и осуществил целый ряд конкретных практических шагов по участию в этом транснациональной проекте. В частности, была предложена Новая Экономическая Программа Казахстана “Нурлы Жол” (Светлый Путь), которая по большей части сориентирована на новые экономические возможности, предоставляемые Экономическим Поясом Шелкового Пути. Никаких геополитических сомнений при этом не было. Казахстан являясь ближайшим соседом Китая в его “марше на Запад” логично рассматривает КНР как своего ключевого, стратегического партнера. Поэтому, учитывая свой реальный потенциал и положение страны, было принято решение о присоединении (не сопряжении, согласовании или координации усилий, как это осторожно рассматривается некоторыми “друзьями Китая”) к целому ряду экономических проектов, таких как транспортно-логистическое взаимодействие, финансово-инвестиционное заимствование, строительство инфраструктуры для активизации торгово-экономических отношений и индустриальное сотрудничество. Другим важным элементом нашего участия в ЭПШП является устранение самых разных барьеров, от историко-нормативных, психолого-антропологических до административно-правовых в наших двусторонних отношениях.

Здесь речь идет, прежде всего, о работе, например, над подписанием совместного Соглашения об урегулировании проблемы трансграничных водных ресурсов, которая долгие годы считалась “камнем преткновения” и препятствием на пути широкомасштабного двустороннего стратегического сотрудничества. В настоящий момент стороны, как мне кажется, приходят к пониманию, что секторальное и частичное рассмотрение проблемы, исходя из хозяйственного использования водных ресурсов только на национальные нужды, постепенно преодолевается и мы начинаем осознавать, что регион трансграничных водных ресурсов между Казахстаном и Китаем является единым, неразделимым природно-хозяйственным комплексом, который может стать не “риском”, а прекрасной “возможностью” для нашего совместного развития и процветания, являющиеся главной идеологией и целью китайской концепции “Один пояс, один путь”. К этой формуле можно в этой связи добавить еще “Один пояс, один путь, одна вода”! Ведь по большому счету общим приоритетом является рациональное, взаимовыгодное, экологичное рассмотрение водных

ресурсов в наших общих интересах, и китайские предприниматели активно участвуя в организации промышленных предприятий в Казахстане являются такими же потребителями водных ресурсов совместных трансграничных рек, как и другие граждане Республики Казахстан. Помимо всего прочего, трансграничные реки при разумном подходе могут быть также полезным ответвлением транспортного коридора ЭПШП, являясь своеобразным Речным Шелковым Путем.

Создание современных, эффективных, инновационных торгово-логистических узлов на межгосударственных геоэкономических “переходах”, таких как порт г.Ляньюнган, “Хоргос” и Западные “морские ворота” порта г.Актау и их загрузка объемами торговли представляются конкретными задачами развития Экономического Пояса Шелкового Пути на данном этапе. На всех этих “переходах” стоит задача совершенствования социальной инфраструктуры, создания взаимно комплиментарной международной информационно-правовой системы взаимодействия для удобства бизнес субъектов, предоставления широкого комплекса услуг бизнес сопровождения от маркетинговых и логистических до перевода и разъяснения условий технических регламентов и стандартов работы. Например, во время посещения казахстанского терминала в порту г.Ляньюнган казахстанский логистический оператор говорил о недостаточной насыщенности парка вагонов-рефрижераторов для поставок море-и мясной продукции при активной потребности со стороны бизнес среды.

Что касается транспортных коридоров, то фактически, на китайском и казахстанском участках железнодорожные и автомобильные транспортные артерии являются непрерывными, их взаимодействие оптимизировано, работа на них осуществляется достаточно интенсивно. Таким образом, при желании нет проблем с тем, чтобы доставить грузы с тихоокеанского побережья Китая до западных границ Казахстана (сухопутных и морских). Единственной проблемой на сегодняшний день является загрузка этих коридоров объемами. Этот вопрос упирается в тарифное регулирование и мотивирующее налоговое администрирование. Этот вопрос, к сожалению, лишь отчасти находится в руках Казахстана и Китая. Мы сегодня находимся в зоне достаточно сложного пересечения национальных и интегрированных юрисдикций. Неотрегулированные и нескоординированные до конца межгосударственные форматы торговли, а также регламенты и тарифы национальных соглашений с ВТО и ЕАЭС являются серьезным препятствием для предпринимателей

и даже для государственных компаний и учреждений. Представляется, что наличие продекларированной политической воли, например, руководителей ЕАЭС и Китая о налаживании процесса сопряжения, наталкиваются на сложные процессы “бюрократической доводки” в таких органах как Евразийская Экономическая Комиссия. Участие национальных и международных бизнес ассоциаций, например, таких как Форумы приграничного сотрудничества или Деловой Совет ШОС является весьма ограниченным и их влияние не существенным для всемогущих бюрократий. В последнее время появились интересные инициативы по созданию аналитического и проектного сопровождения бизнеса в разных странах и на межгосударственном уровне, например, на Саммите Глав-правительств ШОС, но пока сложно сказать каковы будут результаты этих инициатив.

Казахстанско-китайское инвестиционное сотрудничество в рамках двустороннего взаимодействия и в целях развития Экономического Пояса Шелкового Пути является, пожалуй, в регионе наиболее динамичным как по объемам, так и по целевым направлениям. Однако, и оно нуждается в эффективном и транспарентном менеджменте. Существует риск нецелевого расходования средств выделяемых на реализацию тех или иных проектов. Например, известный проект о переводе целого ряда промышленных предприятий Китая в Казахстан и выделение под это целевых средств, как мне кажется, предполагает общественную информационную открытость. Вопросы о том, где, какие предприятия, кто администрирует и каковы цели и потенциальный эффект от введения их в строй, влияние на экологию, рынок рабочей силы, рынок потребления, ценовую политику и т.д. являются весьма несправедливыми и важными для успеха не только данного отдельного проекта, но и для популярности и возможного расширения участников, - бизнес-субъектов в инициативе Экономического Пояса Шелкового Пути.

Другим очень важным составляющим для преодоления препон международной торговли являются различия в системах отчетности, например, как было показано выше, даже цифры по объемам торговли между странами различаются в официальных органах Казахстана и Китая. Также думается требует своего разрешения вопросы согласования различных торгово-тарифных форматов. В этой связи полагаем, что не смотря на общий режим Всемирной Торговой Организации, тем не менее актуальным является проблема создания Зоны свободной Торговли, которая позволила бы значительно активизировать и облегчить торговые отношения между странами

вдоль Шелкового Пути. Искусственное воспрепятствование этому только сдерживает потенциал ЭПШП.

Некоторым ментальным препятствием на пути развития ЭПШП является достаточно широко распространенная китаефобия среди простого населения, в результате которой разнообразные полезные совместные проекты оказываются не реализованными. Например, для Казахстана весьма актуальным является вопрос сотрудничества в сельскохозяйственной сфере, наткнувшийся на ограничения в свободном землепользовании в Казахстане или проблемы либерализации визового режима.

Таким образом, снятие многих барьеров на пути расширения сотрудничества в настоящий момент еще предстоит, если мы хотим на деле реализовать свободный транспортный коридор ЭПШП.

ЛИТЕРАТУРА

1 Шаймарданова З.Д. Экономический пояс «Шелковый путь»: Евразийская инфраструктурная взаимосвязь и интеграция? // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». – 2016. - № 3.

2 Laruelle M., Peyrouse S. The 'Chinese Question' in Central Asia. Domestic Order, Social Changes and the Chinese Factor. - London, New York: Oxford University Press, and Hurst, 2012.

ҰЛЫ ЖІБЕК ЖОЛЫН ЖАҢҒЫРТУ ТҮРҒЫСЫНДА ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ҚЫТАЙ АРАСЫНДАҒЫ СТРАТЕГИЯЛЫҚ ӘРІПТЕСТІК

Амребаев А.¹

¹ ф.ғ.к., Абылай хан атындағы ҚазақХҚжәнеӨТУ,
халықаралық қатынастар кафедрасы,
Алматы, Қазақстан, aidar.amrebayev90@gmail.com

Қазақстан әрдайым көрші елдермен экономикалық және саяси қатынастарды дамытуға ерекше назар аударды, алем қарқынды дамушы елдердің бірі ретінде Қытай әрдайым біздің еліміздің сауда-экономикалық қатынастарында басты орынға ие болып отыр. Қазақстанмен Қытай арасындағы сауда-экономикалық ынтымақтастықты кеңейту үшін 2013 жылғы қыркүйек айында Астанада ҚХР Төрағасы Си Цзиньпиннің Жібек жолының экономикалық белдеуін құру туралы бастамасының жариялануы ерекше маңызға ие.

Сонымен қатар, еуразиялық интеграциядан әрі дамып, қалыптасуда. Қазақстан Ресей және Беларусьпен ЕАЭҚ құру туралы шартқа қол қойды және 2015 жылғы 1 қаңтардан бастап осы ұйымның мүшесі болып табылады. Жалпы алғанда, ағымдағы уақыт экономикалық үдерістердің белсенді динамикасымен сипатталады, мемлекетаралық экономикалық қатынастарды, соның ішінде Қазақстан-Қытай ынтымақтастығын реттеуді талап етеді. «Украиналық дағдарыс» және Ресейге қарсы батыстық санкциялар ЕАЭҚ-дағы Қазақстанның ұстанымына айтарлықтай әсер етеді.

Тірек сөздер: Қазақстан, Қытай, Жібек жолы, стратегиялық әріптестік.

Статья поступила 28.8.2018 г.

KAZAKHSTAN AND THE ISLAMIC WORLD TODAY: MAIN DIRECTIONS AND SPECIFICS OF INFLUENCE, RISKS AND OPPORTUNITIES

Baydarov E.U. ¹,

¹Candidate of Philosophy, Leading Researcher
Institute of Oriental Studies. Rb Suleimenova
Committee of Science MES RK, Almaty, Kazakhstan.
erkin_u.68@mail.ru

The Islamic world, due to its exceptional importance for world politics, is of great and vital interest for the Republic of Kazakhstan, since the Islamic world in recent years has acquired a special meaning also from the point of view of international security.

Interaction with the Islamic world has become one of the priorities of the foreign policy of Kazakhstan. Therefore, the membership of Kazakhstan (1995) in the political structure of this world, the Organization of Islamic Cooperation (OIC), is fully justified, as noted in particular in his new book, *The Era of Independence*, N.A. Nazarbayev.

Keywords: Kazakhstan, Islam, Organizations of Islamic cooperation, Islamic world.

УДК 32

МРНТИ 11.25

КАЗАХСТАН И ИСЛАМСКИЙ МИР СЕГОДНЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ, РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Байдаров Е.У.¹,

¹ кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова
Комитета науки МОН РК, Алматы, Казахстан.
erkin_u.68@mail.ru

Исламский мир вследствие ее исключительной важности для мировой политики, представляет огромный и жизненно важный интерес для Республики Казахстан, поскольку исламский мир в последние годы приобрел особый смысл также и с точки зрения международной безопасности.

Взаимодействие с исламским миром стало одним из приоритетов внешней политики РК. Поэтому вполне обоснованным является членство Казахстана (1995) в политической структуре этого мира – Организации Исламского сотрудничества (ОИС), что в частности отметил в своей новой книге «Эра независимости» Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев.

Ключевые слова: Казахстан, ислам, Организации Исламского сотрудничества, исламский мир.

Участие Казахстана в работе ОИК и его положительный имидж в мусульманском мире создали предпосылки для дальнейшего развития наших отношений с исламскими странами. Начиная с VIII Саммита ОИС, который прошел в декабре 1997 года в Тегеране, ни одно крупное мероприятие этой организации не проходило без участия делегации Казахстана. Одновременно укреплялись торгово-экономические и инвестиционные связи со странами – членами ОИС.

Кроме этого Казахстан входит в ареал традиционного распространения ислама и имеет более 70% процентов мусульманского населения, и как говорится, сам Всевышний велел Казахстану иметь жизненно важные интересы в странах, объединенных понятием «исламский мир».

В настоящее время у Казахстана сложился имидж одной из самых влиятельных держав на пространстве обширного мусульманского мира. Но следует понимать, что исламский мир на самом деле очень разнородный. Причем, как в культурном, так и в политическом плане. Например, монархии Аравийского полуострова в отличие от секулярной Турции и других стран Центральной Азии и Кавказа носят абсолютистский характер, где наряду со светским правом действует шариат.

Если в странах Юго-Восточной Азии, ислам существует параллельно с буддизмом и конфуцианством, то в большинстве стран ОИС (арабские страны, Иран, Афганистан, Пакистан), религия определяет почти всю повседневную жизнь, является основой политической, экономической и социальной сфер. В свою очередь, в секулярной Турции и странах Центральной Азии и Кавказа ислам, являясь важной частью жизни общества, тем не менее, не играет большой роли. Это связано главным образом с тем, что ислам, являясь историческим наследием и этноконфессиональной идентификацией центральноазиатских и кавказских народов, в культурном аспекте не является арабо-мусульманской и содержит значительный пласт доисламских верований.

Активно взаимодействуя с исламским миром, Казахстан, естественно, не может не учитывать важность «мусульманского аспекта» своей внешней политики и рационального использования членства в ОИС. Будучи исторически, географически и геополитически частью исламского мира, Казахстан не может подвергать угрозе свои национальные интересы из-за вызовов, происходящих в этом огромном ареале. Этим во многом и продиктована политика превентивного реагирования Казахстана на события, происходящие в исламском мире, чтобы минимизировать ущерб или угрозу, затрагивающую национальные интересы страны[1]. Именно на это направлены сирийские переговоры в Астане, а также активное участие РК в достижении ядерного мирного соглашения между Ираном и мировыми державами.

Как мы уже отметили выше, исламский мир очень разнородный как в культурном, так и в политическом плане. Чтоб понять его разнообразие

и неоднозначное влияние на Казахстан, можно условно разделить его на 4 основные группы, по степени их этно-конфессиональной, культурно-цивилизационной и региональной близости:

- Казахстан и арабо-мусульманский мир;
- Казахстан и Иран;
- Казахстан и тюрко-мусульманский мир;
- Казахстан и Афганистан/Пакистан.

Именно с этими странами исламского мира и связаны главным образом взаимоотношения как РК, так и ее главных соседей по региону.

Арабо-мусульманский мир с населением более 500 млн чел. представляет собой более 20 стран. Помимо того, что все они являются членами ОИС, они также входят в Лигу арабских государств (ЛАГ), которая представлена как наиболее богатыми (Катар, ОАЭ, Кувейт, Саудовская Аравия, Оман, Бахрейн), так и беднейшими арабскими странами (Сомали, Мавритания, Йемен, Судан, Джибути). Если первые являются одними из самых политически стабильных стран в мире, то для вторых характерны сильные политические противоречия, зачастую ведущие к политическому раздору как внутри племенных элит и как следствие к нестабильности самих государств как политических институтов.

Во взаимоотношениях Казахстана с арабо-мусульманским миром, большая роль отводится отношению РК со странами Персидского залива (Катар, ОАЭ, Кувейт, Саудовская Аравия, Оман, Бахрейн). Начиная со второй половины 1990-х гг. XX века, с данной группой арабских стран у Казахстана сложились довольно тесные внешние контакты. Например, благодаря кредитам богатых аравийских монархий в столице Казахстана построено немало новых архитектурных сооружений, ставших своего рода «визитной карточкой» Астаны.

Следует отметить, что Казахстан и ее президент Н. Назарбаев высоко оцениваются в столицах Залива. Так, в мае 2017 г. в Эр-Рияде с участием РК и ее лидера впервые в истории состоялся саммит «США - Исламский мир», где 55 лидеров мусульманского мира обсудили вопросы глобальной безопасности.

Республика Казахстан заинтересована в налаживании тесного экономического сотрудничества со странами Залива. Так, в рамках официального визита Нурсултана Назарбаева в Королевство Саудовская Аравия в 2016 году было подписано более 10 соглашений на общую сумму свыше 60 млрд тенге в сфере энергетики, горнорудной отрасли, сельского хозяйства и торговли.

24 марта 2018 г. состоялся визит Президента РК Н.А. Назарбаева в Объединенные Арабские Эмираты, во время которого Казахстан и ОАЭ договорились реализовать инвестиционные проекты стоимостью более чем 10 млрд долларов США. Привлечение инвестиций из ОАЭ в такие крупные инвестиционные проекты, как производство полиэтилена, полипропилена в Атырауской области, развитие проектов СЭЗ «Морской порт Актау» в Мангистауской области, СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота» в Алматинской области дадут существенный импульс развитию экономики Казахстана. Помимо этого обе страны заинтересованы в дальнейшем углублении сотрудничества, особенно в области взаимной защиты инвестиций, космических технологий, гидроэнергетики, нефтехимии, сельского хозяйства и цифровизации. Большим стимулом развитию взаимовыгодных отношений стало введение безвизового режима между нашими странами.

Иран один из важных международных партнеров Казахстана. Как отмечает Чрезвычайный Посол РК в ИРИ Багдат Амреев – «Это партнерство безальтернативно». Действительно, через Иран Казахстан может обеспечить себе кратчайший транспортный выход к мировым рынкам. Так, в конце 2014 года был запущен Восточный маршрут Север - Юг (Казахстан - Туркменистан - Иран - Персидский залив), а в 2015 году Казахстан присоединился к «Ашхабадскому соглашению», согласно которому осуществляется реализация транзитно-транспортного коридора – «Казахстан - Узбекистан - Туркменистан - Иран - Оман». Другим аргументом безальтернативности партнерства между РК и ИРИ служит поставка таких основных казахстанских экспортных номенклатур, как металлы и зерновые, на иранский рынок.

Важнейшей и безальтернативной сферой сотрудничества является также и Каспийское море, определение правового статуса которого является основной темой многолетних переговоров между пятью прикаспийскими странами.

Исходя именно из этих приоритетов, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев приложил максимум усилий для успешного завершения ядерных переговоров между Ираном и международной «шестеркой». Два раунда алматинских переговоров, проходивших под патронажем главы Казахстана, стали переломными во всем переговорном процессе и прелюдией к заключению Женевского соглашения, а потом и Венской сделки, известной как «Совместный всеобъемлющий план действий» (СВПД).

В последние годы (2014-2017) также наметилась существенная

активизация двусторонних политических, торгово-экономических и культурных связей, чему, безусловно, способствовали визиты на высшем уровне. Например, за это время Президент Казахстана Н. Назарбаев посетил Иран три раза, а Президент Исламской Республики Иран Х. Рухани посетил Казахстан четыре раза. Между Казахстаном и Ираном подписана Дорожная карта по развитию торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Так, в ходе визита Президента РК в Иран в 2016 году было подписано более 50 торговых и инвестиционных соглашений на общую сумму более 1 млрд долларов США. Поставлена задача довести товарооборот с Ираном в ближайшие годы до \$4 млрд. долларов США.

Республика Казахстан придает большое значение укреплению всестороннего сотрудничества с тюрко-мусульманским миром (Турция, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, Азербайджан и др.) в основе которого лежит общность исторических корней и культурных ценностей родственных народов. Развитие многоплановых отношений Республики Казахстан с государствами Центральной Азии – Кыргызской Республикой, Туркменистаном и Республикой Узбекистан сосредоточено на объединении усилий стран региона для совместного противодействия внутренним и внешним вызовам и угрозам, активизации политического, экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества на взаимовыгодной и паритетной основе.

Важным направлением внешней политики Казахстана является сотрудничество с Турецкой Республикой. Сотрудничество на международной арене и взаимная поддержка являются одним из важных направлений внешней политики двух стран. Турция признает лидирующую роль нашей страны в Центральной Азии и считает Казахстан приоритетным партнером в регионе. Конструктивный диалог между Казахстаном и Турцией осуществляется в рамках ООН, Организации экономического сотрудничества (ОЭС), Организации исламского сотрудничества (ОИС), ОБСЕ, СВМДА, Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) и других объединений. Турция поддержала кандидатуру Казахстана в непостоянные члены Совета Безопасности ООН. Обе страны хорошо понимают друг друга и высоко ценят успехи каждой.

Республика Казахстан намерена укреплять и дальше азиатский вектор внешней политики. Так, Казахстан продолжит поддерживать совместные усилия международного сообщества в вопросах

национального примирения и политического урегулирования в Афганистане, участвовать в социально-экономическом развитии этого государства, ликвидации угроз региональной и глобальной безопасности.

Сотрудничество Казахстана с Исламской Республикой Афганистан, а также с Исламской Республикой Пакистан будет направлено на продвижение политических и торгово-экономических связей и взаимодействие в международных организациях. Республика Казахстан, имея близкие исторические и духовные связи с государствами Южной Азии, заинтересована в стабильном и устойчивом развитии этого региона. Казахстан будет выстраивать с ними партнерские отношения во всех сферах взаимного интереса. Продолжится практика координации совместной деятельности и взаимной поддержки в рамках ООН, ОИС, СВМДА и других международных организаций.

Следует отметить, что Афганистан и Пакистан занимают важное географическое положение в Центральной и Южной Азии. Особое географическое положение не является единственным фактором, который помогает расширению взаимодействия Афганистана и Пакистана со странами центральноазиатского региона. Так общие социальные и религиозные связи между Афганистаном и Пакистаном и соседями в значительной степени обеспечивают развитие региональных взаимоотношений. Однако оба государства испытывают сложности ввиду наличия политической и экономической нестабильности, отсутствия прогресса в становлении развитой законодательной системы, а также неразвитости транспортной инфраструктуры.

Казахстан занимает самую северную окраину в системе «исламской ойкумены», далекой от признанных центров исламской культуры. Несмотря на это, Страна Великой Степи, давшая миру таких выдающихся исламских мыслителей как Абу Наср аль-Фараби, Ходжа Ахмет Ясави, Хусамаддин ас-Сыгнаки и др., старается внести свою лепту в модернизацию исламского мира, от успеха которого зависит благополучие и даже, выживание исламского мира.

Так, в сентябре 2017 года в Астане состоялся **Первый саммит ОИС** «Наука, технологии, инновации и модернизация в исламском мире». Лидеры стран-участниц были единогодушны в том, что необходимо принять безотлагательные меры для выполнения этой миссии. Без решения вопросов научного, технического и экономического развития невозможно устранить экономическое и социально-культурное отставание исламского мира от развитых

стран мира. В свою очередь, без решения этих вопросов невозможно победить идеологический радикализм, экстремистские политические течения и террористические угрозы.

На саммите были приняты важные документы, определяющие основные задачи и приоритеты: Астанинская декларация и Программа ОИС по развитию науки, технологий и инноваций до 2026 г. Кроме этого, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил создать форум из 15 передовых стран ОИС в формате G-20 для развития науки и экономики в исламском мире. Для этого казахский лидер предложил создать в его рамках специальный Совет по вопросам взаимодействия и развития (Научно-информационный фонд) и учреждении специальной премии ОИС по науке и технологиям [2]. Главным лейтмотивом состоявшегося саммита могут служить слова Нурсултана Назарбаева: *«Наша главная задача - воспитание интеллектуальной элиты, которая бы служила исламской цивилизации и реализовала бы новое видение».*

Таким образом, тесное взаимодействие Казахстана с исламским миром, может открыть широкое окно возможностей для сотрудничества в самых разных сферах. Но в то же время и это следует учитывать, могут появиться и совершенно новые по уровню, масштабам и качеству вызовы и риски. Их не следует бояться, просто нужно быть готовым к любым, даже самым неожиданным, поворотам событий, оставаясь по-прежнему для исламского мира «территорией мира и согласия»

Исламские страны имеют огромные запасы природных ресурсов (65 процентов от мировых) и производят 45 процентов всего сырья. Эти данные иллюстрируют наличие огромного потенциала не только у Казахстана, но и на всем пространстве исламского мира, который при правильном подходе мог бы быть задействован для запуска процесса динамичного развития мусульманского сообщества, достижения реального роста жизненного уровня населения.

ЛИТЕРАТУРА

1 Раев Д.С., Сағынай Д. «Мягкая сила» как инструмент реализации публичной дипломатии Казахстана // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2017. – № 3. – С.58.

2 Искалиев М.Рухани жаңғыру және қазақтың шешендік өнері // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2018. – № 2.

**БҮГІНГІ ҚАЗАҚСТАН ЖӘНЕ ИСЛАМ ӘЛЕМІ:
НЕГІЗГІ БАҒЫТТАР МЕН ЫҚПАЛ ЕТУ ЕРЕКШЕЛІГІ,
ТӘУЕКЕЛДЕР МЕН МҮМКІНДІКТЕР**

Байдаров Е.Ұ.¹,

¹ филос.ғ.к., ҚР БҒМ Ғылым Комитетінің
Р.Б.Сүлейменов атындағы Шығыстану Институтының
жетекші ғылыми қызметкері,
Алматы, Қазақстан.erkın_u.68@mail.ru

Әлемдік саясат үшін ерекше маңызы бар ислам әлемі Қазақстан Республикасы үшін өте маңызды, әрі жоғары қызығушылық тудырады, өйткені ислам әлемі соңғы жылдары халықаралық қауіпсіздік тұрғысынан ерекше мәнге ие болды.

Ислам әлемімен өзара әрекеттестік Қазақстанның сыртқы саясатының басымдықтарының бірі болды. Сондықтан, Қазақстанның Исламдық Ынтымақтастық Ұйымына (ИЫҰ) мүше болуы (1995) орынды жәйт, бұл жөнінде Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә.Назарбаев «Тәуелсіздік дәуірі» атты өзінің жаңа кітабында атап өткен болатын.

Тірек сөздер: Қазақстан, Ислам, Ислам ынтымақтастық ұйымы, ислам әлемі.

Статья поступила 07.09.2018 г.

**II БӨЛІМ. АЙМАҚТАНУ БОЙЫНША ЗЕРТТЕУЛЕР
РАЗДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕГИОНОВЕДЕНИЮ
II PART. REGIONAL STUDIES RESEARCH**

**INFLUENCE OF THE ARAB SPRING IN THE TERRITORY OF THE
MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA**

Algadayeva Zh.A.¹

¹Undergraduate of the Ablai khan
Kazakh University of International relations and world languages,
Specialty “6M020200-International Relations”
Almaty, Kazaqstan

The article considers the Arab Spring, which led to a civil war in Syria. Since the end of 2010, there have been a number of uprisings in the world in Asian and African countries, which were named “Arab spring”. Later these uprisings began to develop into more serious conflicts: in some states there was a change of government, and in some countries a flame of war broke out. The result of all these actions is important not only for the countries inside of which all this happens, but also for the major players on the world stage.

Keywords: Arab spring, Middle East, protest, demonstration Tunisia, Egypt, Yemen, Jordan, Syria.

УДК 327
МРНТИ 11.25

**ВЛИЯНИЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ НА ТЕРРИТОРИИ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ**

Алгадаева Ж.А.¹

¹магистрант 2-курса Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана,
Специальность «6M020200-международные отношения» Алматы, Казахстан

В статье рассматривается арабская весна, повлекшая за собой гражданскую войну в Сирии. С конца 2010 года в мире произошел ряд восстаний в азиатских и африканских странах, которые были названы «Арабская весна». Позже эти восстания стали перерастать в более серьезные конфликты: в каких - то государствах происходила смена правительства, а в каких - то вспыхивало пламя войны. Результат всех этих акций важен не только для стран, внутри которых все это происходит, но также и для крупных игроков на мировой арене.

Ключевые слова: Арабская весна, Ближний Восток, протест, демонстрация Тунис, Египет, Йемен, Иордания, Сирия.

На всех этапах развития стран мира, международные отношения были таки или иначе напряжены. Причиной этому служит желание каждой

страны занять лидирующие позиции во всех мировых направлениях, таких как экономика, военное положение, политика, торговля и т.д. Ход событий международных напряженных отношений не всегда благоприятно складывался для той или иной страны. Это влечет за собой огромные потери в различных отраслях инфраструктуры.

Финансовый кризис 2008 года оказал сильнейшее влияние на арабские страны, цены на продовольствие начали расти, ровно как и цены на нефть. Все это привело к тому что, бедное население оказалось не в состоянии обеспечивать себя дорогим продовольствием. Огромная пропасть между бедными и богатыми в сочетании с растущими протестами вызвала социальные революции в некоторых странах. В других, влияние тоталитаризма и коррупции вызвало буржуазно-демократические революции. Исключением был Иран, в котором исламистское правительство было заменено еще более радикальным правительством. Серия протестов и демонстраций на всей территории Ближнего Востока и Северной Африки стала известна как «арабская весна», а также «арабская весна и зима», «арабское пробуждение», «пан-арабская революция» и «арабские восстания» [1]. События «Арабской весны» начались неожиданно и привели к масштабным переменам. Даже специалисты-арабисты в разных странах мира - в Вашингтоне, Москве, Тель-Авиве, Лондоне и Париже, занимающиеся изучением и анализом обстановки в регионе, ежедневно осуществляющие контроль за ситуацией в мире и в «горячих точках», не предполагали возможность революционного взрыва на Арабском Востоке. Во время протестов были использованы общие методы гражданского сопротивления в долгосрочных кампаниях: забастовки, демонстрации, шествия и митинги, а также использование социальных сетей для организации, общения и информирования при попытках государственных репрессий и интернет-цензуры. Многие демонстрации были встречены насильственной реакцией властей, а также правительственных ополченцев и контр демонстрантов. Главным лозунгом демонстрантов в арабском мире было «Люди хотят падения режима» [2].

Все началось с протестов в Западной Сахаре в октябре 2010 года, и фактически с протестов в Тунисе 18 декабря 2010 года после саможжения Мухаммеда Буазизи в знак протеста против коррупции и жестокого обращения. После успехов в Тунисе волна недовольств перешла в Алжир, Египет, Йемен и Иорданию, а затем распространилась на другие страны. Самые массовые и наиболее

организованные демонстрации часто происходили в «день гнева» - как правило, в пятницу после полуденной молитвы. Тунис и Египет смогли вернуться на пути неисламского развития более или менее без кровопролития, но Ирак, Ливия, Сирия, а теперь и Йемен также попали в пропасть долгой гражданской войны, основной причиной которого является религиозный фактор[3]. Причины, способствующие развитию гражданской конфронтации в каждой стране, различны, но внутренний идеологический раскол лежит строго между исламистами и их противниками. Импульсом для начала массовых протестов в Тунисе стало публичное самосожжение 17 декабря 2010 года уличного торговца овощей и фруктов в Сиди Бузид Мохаммеда Буазизи. Пик массовых беспорядков, которые привели к бегству президента из страны, пришёлся на 14 января. Между тем власть перешла в руки военных. Этим событиям предшествовали тысячи антиправительственных демонстраций в столице страны и втором по величине городе Сфакс [4]. Беспорядки в Иордании начались 22 января с демонстрации, требующей отставки правительства страны в Тунисе. 28 января демонстрации охватили многие города в королевстве . 20 января 2011 года в столице Египта Каире народ начал протестовать против качества жизни, главным требованием было отставка президента. 29 января 2011 года президент Хосни Мубарак объявил о роспуске правительства. В чрезвычайном обращении к народу президент Египта заявил, что не будет участвовать в следующих президентских выборах, намеченных на осень 2011 года. В результате несколько сотен тысяч человек приняли участие в митингах против Хосни Мубарака, после чего он подал в отставку. Митинги в Саудовской Аравии начались после того, как 21 января неизвестный 65-летний мужчина умер в результате самосожжения в Самте, провинция Джизан [5-6].

15 февраля 2011 года в ливийском портовом городе Бенгази были зафиксированы столкновения протестующих с полицией и правительственными сторонниками. Согласно местным независимым онлайн-СМИ, причиной протеста был арест одного из правозащитников. Митинги в Бенгази превратились в кровавую гражданскую войну в Ливии [7, с.67], в ходе которой произошли свержение и убийство Муаммара Каддафи [8]

И вот, арабская весна пришла в Сирию. Основной причиной считаются такие хронические старые проблемы Сирии, как недовольство населения социально-политической системой и авторитарным правлением Асада, в частности, и доминированием

представителей алавитов во властных и военных структурах - в целом, коррупция высших эшелонов власти, религиозные противоречия, курдская проблема и другие. Экономисты различных стран отмечают, что в 21-м веке экспорт нефти в Сирии вырос благодаря открытию новых запасов и росту производственных баз. По состоянию на 2010 год экономическая ситуация в стране была довольно стабильной. ВВП по оценкам Международного валютного фонда, составил 59,633 млрд. долларов США. Рост ВВП в 2005 году составил 2,3%. Уровень инфляции составил 2%. Валютные резервы - 4 миллиарда долларов. Внешний долг (без учета военных) - 6 миллиардов долларов. Доход на душу населения составил 2,410 долл. США в год [9].

На государственный сектор, который сохранил лидирующую роль в экономике, пришлось около половины национального дохода и около 75% стоимости промышленной продукции. Государство полностью контролировало сферу финансов, энергетики, железнодорожный и воздушный транспорт.

Особенно развивался частный сектор, в котором было произведено 25% стоимости промышленной продукции. Он занимал доминирующее положение в сельском хозяйстве - почти 100%, внутренней торговле - 90%, внешнеторговой деятельности - 70% [10].

С 2006 по 2011 год 60% сирийских земель пережили беспрецедентную засуху. В некоторых регионах засуха привела к разрушению урожая на 75%, а поголовье скота - на 85%, что сказалось на жизни 1,3 миллиона человек. Еще в 2009 году ООН и Красный Крест сообщили, что в результате засухи около 800 000 человек потеряли средства к существованию. А в 2010 году, согласно оценке ООН, на пороге голода было миллион человек. Так, в Алеппо в 2011 году переселились 200 тысяч человек. И это не беря в расчет предыдущие годы, а также иракских беженцев после американского вторжения. Проблема нехватки водных ресурсов является наиболее острым элементом внутренней и внешней политики Сирии. Даже без учета суровой засухи и продолжающейся гражданской войны, геополитическая ситуация в Сирии чрезвычайно сложна. Прежде всего, следует указать на растущие религиозные и этнические противоречия внутри страны, экономические проблемы (сокращение запасов нефти), последствия демографического взрыва [11].

Сирийскую ситуацию в области водоснабжения можно охарактеризовать просто как катастрофа. Наиболее важными проблемами являются зависимость от Турции, которая контролирует

Евфрат, и истощение водоносных слоев в городе и провинции Дамаск. Сирия фактически превратилась в заложницу Анкары - не только в сфере водоснабжения, но также в сельском хозяйстве, производстве продуктов питания и электроэнергии. С 2007 года из-за засухи в Сирии более 160 деревень были оставлены населением. Население переместилось в Дамаск, Алеппо и другие города. Это минимум 250 тысяч человек. Дамаск, как и другие города, просто не мог принять такое большое количество иммигрантов.

С первых дней восстания революция приобрела строго религиозную окраску - большинство, права которых ущемлялись уже длительное время, хотели поквитаться с меньшинством, в руках которых была сосредоточена вся власть. Сначала Башар Асад стремился решить противостояние мирным путем - полностью изменил Кабмин, развернул программу демократических реформ, отменил режим чрезвычайного положения, который действовал в стране на протяжении последних 48 лет. Но народ, который вышел на улицы, хотел большего - не уступок от Асада, а его власти.

Конфликт в Сирии начался 15 марта 2011 года, когда несколько сотен человек откликнулись на призывы в социальных сетях и вышли на улицы в Дамаске, с целью потребовать реформы и борьбы с коррупцией. Итогом стал арест полицией шестерых людей. Следующим шагом стали антиправительственные лозунги, написанные на стенах домов, группой школьников в городе Дераа. Несколько хулиганов были арестованы полицией. В тот же день, после пятничной молитвы в мечети Аль-Омари, Имам Шейх Ахмад аль-Сайясин призвал к восстанию и созданию халифата салафитов. В городе произошли беспорядки, в ходе которых полиция убила трех демонстрантов. Итак, первая кровь была пролита в Сирийской гражданской войне [12]. После чего 20 марта толпы демонстрантов сожгли офис правящей партии «Баас», дворца юстиции и нескольких полицейских участков и разгромили два офиса телекоммуникационной компании «Сирия». В тот же день представители города встретились с правительственной делегацией, прибывшей из Дамаска для расследования ситуации, которая привела к массовым протестам жителей. Старая часть города перешла под контроль повстанцев, мечеть Аль-Омари, где демонстранты были ранены в результате использования слезоточивого газа. В тот же день президент страны, Башар Асад, уволил губернатора города, принес личные соболезнования семьям [13].

29 марта правительство Сирии, управляемое страной с 2003 года,

ушло в отставку, а оппозиция объявила протест. 27 апреля представитель военного командования заявил, что правительственные войска в Дераа совершили перестрелку с экстремистскими террористическими силами, которые блокировали дороги и атаковали должности. Во время съемок несколько террористов были убиты и задержаны, оружие и боеприпасы были конфискованы [14]. События в Сирии привели к гражданской войне. Режим пользуется покровительством России и Китая, применяет химическое оружие. Угроза США бомбардировать Сирию заставила режим пойти на передачу химического оружия под международный контроль. События Арабской весны носят локальный характер.

Представители ООН в Сирии заявили, что жестокое подавление демонстрации сирийским правительством можно приравнять к преступлениям против человечества. Продолжающийся уже несколько лет гражданский конфликт в Сирии по-прежнему остается темой мировых новостей [15].

Таким образом, «арабская весна» для народа Сирии превратилась в арабскую трагедию и гуманитарную катастрофу в 21 веке. Полное восстановление государства займет не менее 50 лет после окончания войны. В течение первых двух лет войны Сирия понесла убытки в размере 100 миллиардов долларов. Государство практически дезинтегрировало по этническим и религиозным линиям в несколько небольших конфессий: алавитов, курдов и суннитов. Теперь Сирия разделена на две части. Президент Башар Асад контролирует 35-40% территории страны. Учитывая поддержку Турции и стран Персидского залива, победа суннитского большинства - это только вопрос времени. Кроме того, население алавитов будет мигрировать в Ливан или Иран - это неизбежные последствия конфликта.

«Арабская весна» в самом начале мирового сообщества была воспринята с надеждой на позитивные изменения, но цена вопроса была слишком высокой даже для богатых монархий Персидского залива. Сны и надежды на справедливость теперь заменяются мечтами и надеждами, что необходимо прекратить этот позор и вакханалию. В регионе все еще слишком много конфликтов, социальные проблемы народов арабских стран не решены, демократические реформы еще не завершены, а некоторые государства стали зависимыми от некоторых мировых держав. К сожалению, Совет Безопасности ООН изначально не смог разрешить сирийский конфликт. Арабская весна ясно продемонстрировала, что общественное мнение в стране и в мире в

целом формируется за счет активного использования информационных технологий - телевидения, интернета, мобильных приложений и т. д. В целом, прошлые события в арабском мире очень поучительный. Необходимо четко понимать, что введение демократии и утверждение своих интересов посредством силовых методов приводит к абсолютно противоположному результату.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты арабской весны: русская версия. - М.: Алгоритм, 2012. - 304 с.
- 2 Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. - СПб: Питер, 2005. - 461 с.
- 3 Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / под ред. С. Кургияна. - М., 2011. - 287 с.
- 4 Труевцев К.М. Жасминовая революция в Тунисе // Арабский мир после арабской весны. - М.: Ленанд, 2013. - С.378–399.
- 5 Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. - 2011. - Т.4. - № 2. - С.5–29.
- 6 Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. - М.: Либроком, 2012. - 107 с.
- 7 Ибрахим Н., Ионов А.В., Исаев Л.М. Ливийский кризис как особый компонент арабской весны // Арабский мир после арабской весны. - М.: Ленанд, 2013. - С.214–228.
- 8 Егорин А.З. Свержение Муаммара Каддафи. Ливийский дневник. 2011-2012. - М., 2012.
- 9 Колобов О.А., Шульц Э.Э. «Арабская весна»: технологии «революций» // Политика. - 2014. - №1. - С.119–127.
- 10 Мирзаян Г. Сирийская партия // Эксперт. - 2012. - №30–31. - С.53–57.
- 11 Шишкина А.Р. Сирия: секреты стойкости режима // Арабский мир после арабской весны. - М.: Ленанд, 2013. - С.323–353.
- 12 Исаев Л.М., Коротаев А.В., Шишкина А.Р. Факторы арабской весны 2011 года // Арабский мир после арабской весны. - М.: Ленанд, 2013. - С. 5–20.
- 13 Рахманова Г.Б. ООН и региональные конфликты: достоинства и просчеты // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2018. – № 1.
- 14 Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. - М., 2012. - С. 302.
- 15 Syrian Arab Republic. – Access mode URL: <http://www.unicef.org/appeals/syria.html>. Accessed 05.03.2018.

ТАЯУ ШЫҒЫС ЖӘНЕ СОЛТҮСТІК АФРИКА ТЕРРИТОРИЯМЫНДАҒЫ АРАБ КӨКТЕМІНІҢ ЫҚПАЛЫ

Алгадаева Ж.А.¹

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің магистранты
Мамандық «6М020200- Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан

Бұл мақалада Сириядағы азаматтық соғысқа әкеп соқтырған араб көктемі талқыланды. 2010 жылдың соңынан бастап Азия мен Африка елдерінде «Араб

көктемі» деп аталатын әлемдегі бірнеше көтеріліс болды. Кейінірек, бұл көтерілістер одан да күрделі қақтығыстарға айналды: кейбір мемлекеттерде үкіметтің өзгеруі болды, ал кейбіреулерінде соғыс өрбіді. Барлық осы іс-әрекеттердің нәтижесі аталмыш елдер үшін және әлемдік деңгейдегі негізгі ойыншылар үшін де маңызды.

Тірек сөздер: Араб көктемі, Таяу Шығыс, наразылық, демонстрация, Тунис, Мысыр, Йемен, Иордания, Сирия.

Статья поступила 10.09.2018 г.

UDC 329
IRSTII 11.37

UN AND REGIONAL CONFLICTS: ADVANTAGES AND SETTLEMENTS

Galiyeva A. T.,

Undergraduate of the Ablai Khan
Kazakh University of International Relations and World Languages,
Specialty “6M020200-International Relations”
Almaty, Qazaqstan

Preventive diplomacy is used to prevent the conflict from moving into the armed stage. It includes activities related to the “restoration of trust” between the conflicting parties; the work of civilian observers’ missions to establish the facts of the breach of the peace; exchange of information, etc.

Preservation of peace involves procedures related to the organization of the negotiation process and the implementation of mediation efforts by a third party to find mutually acceptable solutions.

The result of activities to preserve peace is not always the resolution of contradictions. The parties are sometimes forced to sign agreements, understanding that the continuation of the conflict at this stage becomes impossible. In this case, one or the other party may not very much strive to fulfill them.

The development of the UN system and regional inter-state associations led to a relative legitimization of certain types of international community’s actions in conflicts. These actions were collectively called peacekeeping operations.

Keywords: conflict, war, peace, settlement, peace operations, peace-keeping, international organizations, mediation, regional conflict, United Nations Organization, peace-making activity.

Since its inception, the United Nations has been actively involved in the maintenance of peace and international security. This activity, only on a broader scale, remains to this day. Thus, in 2006, 72,000 “blue helmets” and 15,000 civilian personnel participated in 18 peacekeeping operations carried out by the UN. The largest contingents sent to the peacekeeping force were Bangladesh (10288), Pakistan (9431), India (9057), Jordan (3648 people), Nepal (3523 people) [1].

Under international conflicts most often imply, first of all, wars in their traditional understanding. The war is treated as a critical stage in the implementation of contradictions between political actors (primarily states and unions of states) in the form of violent armed struggle. However, the last century has brought about significant changes in the understanding of conflicts and wars in the world community. If, in a strict legal sense, to divide conflicts into international and non-international conflicts (occurring within states and nations), then we can state a tendency towards an increasing predominance of non-international conflicts.

At the same time, according to globalization of social processes, more and more conflicts of interethnic, social, and economic nature, including within states, get an international dimension: they affect the stability / instability of the international environment, evoke reaction from other subjects of international relations, and are also subject to interference by international organizations. As the systemic nature and activity of the international community grows more and more in the course of the globalization of world social relations, the practice of international intervention in conflicts between states (as well as conflicts between different forces within states) is increasingly developing with the aim of preventing, mitigating, resolving, and eliminating their consequences [2].

Such interference can be of a diverse nature. Both methodologically and from the point of view of practical politics, it is very difficult to draw a line between interference in the conflicts of external forces (states, coalitions, international associations) for the sake of realizing their own interests as new parties to the conflict, on the one hand, and relatively impartial interference for the restoration of international stability and peace, on the other.

The emergence of the UN system and regional inter-state associations in the period after the Second World War led to a relative legitimization of certain types of actions by the international community in conflicts - actions that received the collective name of peacekeeping activities.

The overwhelming majority of the world's publications on conflict and peacekeeping issues are editions in English. And although the Russian language is also the official language of the United Nations, English remains the working language of almost all peacekeeping operations under the aegis of the UN, it includes the originals of political documents, instructions, orders, and contingents of different countries. It seems important to clarify some of the semantic differences between the Russian-speaking and English-speaking conceptual and terminological apparatus used in describing and studying conflicts and peacekeeping activities.

In the practice of the United Nations, the notion of “peace making” was widely used as a designation for an independent type of operation. It is sometimes interpreted as “peacebuilding,” but is more often literally translated as “building the world.”

In connection with the UN operation in Afghanistan, the term “post-conflict reconstruction” or “post-conflict peace-making” became widely used. At the same time, the term “post-conflict peacekeeping” makes it possible to correlate it with “pre-conflict peacekeeping”, which includes preventive and preventive actions [3].

The concept of “peacekeeping operations” unites various types and forms of multilateral peacekeeping actions of the international community both at the latent and actual stages of the conflict, as well as in the post-conflict period.

At the same time, it is incorrect to believe that the two most common types of peacekeeping operations - peacekeeping and peacekeeping operations - correspond only to the middle stage of the actual development of the conflict. Some types of coercive actions in the composition of peace operations (sanctions, preventive deployment of troops, demonstration of force, etc.) are applied at the pre-conflict stage.

A peacekeeping operation in its classical sense begins only after the conclusion of a ceasefire agreement. That is, it occurs at the stage of “freezing” the conflict, a truce, and, under a favorable coincidence, gradually and naturally turns into actions to recreate the infrastructure of peaceful management and liquidation of the consequences of the conflict.

According to the characterization of the former UN Secretary-General Kofi Annan (who before the election to the post of the Secretary-General was the deputy on issues of peacekeeping), “peacekeeping” was used for:

- investigation of the situation in unstable regions;
- monitoring the observance of ceasefire and cease-fire;
- verification of the implementation of agreements;
- establishing buffer zones between hostile armies;
- assistance in creating the conditions necessary for implementing complex agreements and providing humanitarian assistance to the local population suffering from the unfolding war.

Existing definitions of the peacekeeping activities can be systematized into four main groups:

- legal (international law);
- functional (political, diplomatic, conflictological, etc.);
- military (military-operational, military-technical);
- ideological [4].

Classical international legal approaches refer to the concept of the peacekeeping activity of international organizations exclusively to the actions of the United Nations. Directly in the United Nations, peacekeeping activities are defined as “activities involving civilian and military personnel but without the authority to carry out coercive actions undertaken by the United Nations to assist in maintaining or restoring international peace and security in the conflict region” [5].

It is possible to define peacekeeping operations and as a form of politics, more precisely, as a special political process, a kind of coordinated policy of states and international organizations regarding the conflict. In such a process, political, diplomatic, military and other interests and means of influencing the conflict of states and international organizations intertwine and interact with the interests and actions of the conflicting forces themselves. However, peacekeeping is not all power politics in a conflict region. This is a specially structured and coordinated policy that includes actions of a strictly limited range of subjects, and is limited by certain principles and rules.

An “uneasy” definition of peacekeeping operations can be given through the concept of “intervention”. In fact, virtually all peacekeeping operations are a violation of the sovereignty of the government in whose territory the conflict is taking place, constitute interference in the conflict of external political and military forces. However, the notion of “interference” has a very pronounced negative connotation, which can be partially removed only in the notion of “legitimate intervention,” that is, intervention at the request (or with documented consent) of the legitimate political power of the country in whose territory the conflict is unfolding. At the same time, the question of the legitimacy of interference in the internal affairs of the country turns out to be connected with the question of the legitimacy of the person who applied for international assistance of the political regime.

Legitimization of intervention can also be carried out on the basis of the decision to intervene in the form of a peacekeeping operation by a legitimate international organization (the UN or a regional international organization, in the case of peacekeeping operations without elements of coercive actions). Thus, peacekeeping and peacekeeping operations are “multifaceted”: in different ways they simultaneously act as a political process (that is, as a process of coordination and interaction of interests of political actors), as diplomatic activity, as a form of intervention by the international community in the affairs of individual states; a number of cases, as a form of military action, forms of armed struggle [6].

Peacekeeping operations are reactive, reacting to a potential conflict,

only flaring up, or a conflict that has already become actual. At the same time, the agent of the operation cannot be the party to the conflict. The “classical” role of the subject of a peacekeeping operation is the role of a “third force”, neutral, directly disinterested in the victory of one of the parties to the conflict of the actor. At the same time, it should be noted that in political practice absolute neutrality is unattainable. Therefore, the requirement of neutrality of the peacekeeping entity is analytically inevitably replaced by a more “soft” one: the subject of peacekeeping operations must be a force external to the conflict, for which the settlement, termination of the conflict itself is more important than achieving any political goals of either side within the conflict.

Peacekeeping is a collective concept. It covers different types of actions, related only to two general characteristics: all of them, first, are due to conflicts (which, in turn, are diverse) and, secondly, are a systematized external influence aimed at resolving or reducing the intensity conflict. In this sense, the simplest solution is to link the classification of operations with the typology of conflicts.

The identification of internal (interstate), interstate, regional and world conflicts allows us to divide peacekeeping operations on two grounds:

First, it is possible to single out “classical” peacekeeping operations in interstate conflicts and distinguish them from more modern “nonclassical” peacekeeping operations in non-international (intra-state conflicts);

Secondly, it would seem logical to single out internal (intra-state) peacekeeping operations (and this type can indeed be illustrated on the example of an operation to resolve the conflict between North Ossetia and Ingushetia in 1992), regional peacekeeping operations and peacekeeping operations in world conflicts [7].

Classification of intensity conflicts (from positional hostility to armed confrontation) or stages of deployment (from latent to actual) can become the basis for grouping different specific types of peacekeeping operations (mediation, observation missions, preventive deployment, etc.) into groups of pre-conflict preventive), conflict and post-conflict.

There are four main types of operations: 1) traditional peacekeeping missions; 2) multilateral (multidimensional) peace operations; 3) intervention to prevent a humanitarian catastrophe; 4) operations for the forcible establishment of peace [8].

The definition of the first type is traditional, but the specifics of the second type (multidimensional peace operations) can be seen precisely in the fact that these were the operations of intervention in the internal conflicts

of states that entered into practice after the end of the Cold War. At the same time, such operations have a significant non-military, civilian component, since they solve the tasks of political settlement, restoration (or primary development) of democratic institutions, elections, etc. The definition of the third type of operation causes the greatest debate. If, after Kosovo (1999-2000), “humanitarian intervention” was widely spoken of as a type of operation that prevents ethnic genocide, a humanitarian catastrophe, it should be specially noted that until the late 90s this type was treated differently. As examples of “humanitarian intervention”, operations in Somalia (1992-1995), Bosnia-Herzegovina (since 1992) and the Northern Iraq (1991) [8].

A characteristic feature of this type is the lack of consent of the parties and the inevitable violent violation of the sovereignty of the state authority in whose territory the operation is being conducted. The justification of such interference is the UN-defined and recognized risk, a threat to international peace and security, which comes from the further development of the conflict. A specific feature of this type of operation is the orientation on protecting primarily the civilian population of the region, with force (disengagement, encirclement, disarmament, forced demobilization) in relation to the conflicting parties in the region. It is recognized that “neutrality” in such operations is unattainable, some parties to the conflict can be recognized as “enemies” of the international community, and they can be subjected to selective force.

The fourth type - operations for the forcible establishment of peace - is not very convincingly regarded as a direct continuation of humanitarian intervention in case the parties continue their resistance, and the UN decides to use a significant armed force to “extinguish” the conflict. An example of a different type of operation of the same type is called UN actions in areas with a destroyed vertical power infrastructure, a civil war of “all against all” (Rwanda). Finally, the same type refers to the operation in Haiti, where the former regime was removed by military means and democratic elections conducted under international control to end systematic violations of human rights as a result of external interference. All related to the latter type of situation is related by one common feature: the lack of agreement of the government, the political power of the region on international interference. Strictly speaking, it would be more logical to classify the operations of the third type (“humanitarian interventions”) in the same operations to force the establishment of peace (or order), contrary to the sovereignty of the authorities. The legal nature of these two types is the same. Only the

“ideological” justification for intervention varies.

The United Nations has traditionally been seen in recent decades as the only legitimate and universal representative of the world community. However, a number of large and powerful powers have repeatedly challenged the legitimacy of the UN’s actions. The Soviet Union has repeatedly criticized the decision of the General Assembly taken without its participation in carrying out operations under the UN flag in Korea. The United States spent almost all of the decade of the 1980s in a kind of “quarrel” with the UN, did not contribute membership fees, criticized the UN for its inefficiency, and took forceful actions, bypassing and outside the UN mechanism. It is also widely known that when, under the UN mandate in 1991, a military operation was carried out to force Iraq out of Kuwait and pursue Iraqi forces on their own territory, a broad ideological campaign of sharp criticism of the United Nations was launched in Iraq and a number of other Islamic states, during which “blue helmets” were declared aggressors “. The same thing happened when, after an operation in Iraq in 2003, the UN tried to deploy its headquarters there for a post-conflict settlement. Thus, the recognition of the “a priori” legitimacy of the UN as a subject of peacekeeping operations is not universal, situational, and has been repeatedly questioned and criticized by member states [9].

Strictly speaking, the recognition of the world community in the person of the United Nations as a real integral subject of international relations is possible only within the framework of the so-called “modernist” methodology of international relations, which, along with the state, as a traditional “unit” of international relations, recognizes the existence and justification of the existence of other, non-state actors of peacekeeping operations - suprastate associations, unions, transnational actors. While exaggerating somewhat, one can say that the recognition of the United Nations as a real integral subject of international relations is possible only on the basis of those methodological approaches that are ready to recognize as a real subject of international relations and SMM (the network of global satellite television).

The regional organizations have even less legitimizing power, although many of them, including the CIS, have been reported to have conducted and conduct their own peacekeeping operations. At the UN, there is no established procedure for the recognition of an international organization or agreement by the relevant Chapter VIII of the UN Charter. Accordingly, disputes over whether a number of regional organizations (CIS, CSTO, NATO, etc.) are controversial, whether they are in line with the criteria

of Chapter VIII and, therefore, whether they receive the right to make independent decisions on peacekeeping operations (without elements of coercive actions, since the latter unequivocally require the mandate of the UN Security Council).

A significant problem with many regional agreements is that they do not cover all countries in the region. Consequently, such organizations cannot claim that they adequately and fully express the political interests of the entire region as a whole. That is why, for example, NATO, covering only a part of European countries, refuses to consider itself a regional agreement in the sense of the VIII chapter of the UN Charter. As for the OSCE, the opposite question arises: in covering 55 countries of the Eurasian region, the OSCE, for historical reasons, also includes participants in addition to the United States and Canada. Their presence and participation in the development of the decisions of this European organization in essence regarding peacekeeping operations in Europe somewhat distorts the balanced representation of the interests of the region.

Thus, the concept of a “just war” turns out to be of little use to the practice of peacekeeping and, in a transformed form, appears not as a problem of abstract value-based justice, but as an international legal problem of legitimizing operations.

At the same time, the degree of recognition of the legitimacy, “fairness” of the peacekeeping of international organizations as a whole is higher, the wider the recognition of the globalization of the modern world and international relations. It can be argued that the proliferation and development of peacekeeping operations is one of the manifestations, forms of globalization of international relations. In a globalizing world, confidence in the actions of the world community is growing, collective actions of states are recognized as more justified and meaningful than the individual position of individual countries. Peacekeeping operations are a form of domination of the collective will of the world community over the political will of certain state and domestic actors of the political process. In this regard, the growth in the number of regional and coalition operations in the 1990s and the first five-year period of the 21st century can be seen as a symptom of a certain slowdown, a “stalling” of globalization trends, a reaction to the counter-trend in the sovereignization of states.

REFERENCES

- 1 Contributors to United Nations Peacekeeping Operations // Monthly Summary of Contributions (Military Observers, Police and Troops). - 2006. - 30 April.
- 2 Boutros-Ghali, Boutros. An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-keeping. - New York, UN, 2012. - P.6.

3 Golding M. Changing UN Role in Conflict Resolution and Peace-keeping. - Singapore, 2011. - P.9.

4 Annan K. UN Peacekeeping and Cooperation with NATO // NATO Review. – 1993. - Vol.41, N 5/ - P.3.

5 Kuhl C. Peace operations: an operational and legal concept // International humanitarian law, human rights and peace operations. 31st Round table on current problems of international humanitarian law. - Sanremo, 4–6 Sept. 2008. - P. 70–76.

6 Blue Helmets. Review of UN peacekeeping operations. Publication of the United Nations Department of Public Information. - New York, 1990. - P. 4.

7 Dobby Ch. A Concept for Post-Cold War Peacekeeping // Survival. – 2014. - vol. 36, No.3. - P.122.

8 Camble L. Getting Found in the Fog: The Nature of Interventionary Peace Operations // Small Wars and Insurgencies (special issue). – 2016. - Vol.7, No.1. - P.97.

9 Traditional Peacekeeping Operations // In: M.Y.Nordquist. What Color Helmet? Reforming Security Council Peacekeeping Mandates. Naval War College - The Newport Papers. – 2014. - N 12.

БҰҰ ЖӘНЕ АЙМАҚТЫҚ ҚАҚТЫҒЫСТАР: ЖЕТІСТІКЕТР МЕН СӘТСІЗДІКТЕР

Галиева А.Т.¹

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
өлем тілдері университетінің магистранты

Мамандық «6М020200 - Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан

Алдын алу дипломатиясы қақтығыстардың қарулы кезеңге түсуіне жол бермеу үшін пайдаланылады. Ол қақтығыстағы тараптар арасында «сенімін қалпына келтіру» жөніндегі қызметті қамтиды; бейбітшілік бұзушылықты орнатуға азаматтық бақылаушылардың жұмысы; ақпарат алмасу және т.б. Бейбітшілікті сақтау келіссөздер процесін ұйымдастыру және өзара тиімді шешімдерді табу үшін үшінші тарап тарапынан медиацияны жүзеге асыру процедураларын қамтиды. Бейбітшілікті сақтаудың нәтижесі әрдайым қарама-қайшылықтарды шеше бермейді. Тараптар кейде келісімдерді мәжбүрлеп қол қояды, осы кезеңде жанжалды жалғастыру мүмкін емес екенін түсінеді. Бұл жағдайда бір немесе басқа тарап оларды іске асыруға шынымен де тырыспауы мүмкін. Бұл жағдайда келісімдерді орындау кепілдігі жиі талап етіледі. Медиацияға қатысушы үшінші тұлға осындай кепілдікке айналады. БҰҰ жүйесінің және өңірлік мемлекетаралық бірлестіктердің дамуы Екінші дүниежүзілік соғыстан кейінгі кезеңде халықаралық қоғамдастықтың жанжалдардағы іс-әрекеттердің белгілі бір түрлерін салыстырмалы заңдылыққа әкелді. Бұл іс-шаралар бірлескен түрде бейбітшілікті сақтау жөніндегі операциялар деп аталды.

Тірек сөздер: қақтығыстар, соғыс, бейбітшілік, реттеу, бейбітшілікті қолдау, бітімгершілік операциялар, халықаралық ұйымдар, медиация, өңірлік қақтығыстар, БҰҰ, бітімгершілік қызметі.

ООН И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ДОСТОИНСТВА И ПРОСЧЕТЫ

Галиева А.Т.¹

¹Магистрант Казахского университета международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана,
Специальность «6М020200М международные отношения»
Алматы, Казахстан

Превентивная дипломатия используется для того, чтобы не дать конфликту перейти в вооруженную стадию. Она включает деятельность, связанную с «восстановлением доверия» между конфликтующими сторонами; работу миссий гражданских наблюдателей по установлению фактов нарушения мира; обмен информацией и т.п.

Сохранение мира предполагает процедуры, связанные с организацией переговорного процесса и осуществлением посреднических усилий третьей стороной для поиска взаимоприемлемых решений.

Результатом деятельности по сохранению мира не всегда является разрешение противоречий. Стороны порой лишь вынужденно идут на подписание договоренностей, понимая, что продолжение конфликта на данном этапе становится невозможным. При этом та или иная сторона может не очень стремиться к их выполнению. В этом случае нередко требуются гарантии выполнения соглашений. Третья сторона, участвующая в посредничестве, и становится таким гарантом.

Развитие системы ООН и региональных межгосударственных объединений в период после Второй мировой войны привело к относительной легитимации определенных типов действий международного сообщества в конфликтах. Эти действия получили собирательное название - миротворческие операции.

Ключевые слова: конфликт, война, мир, урегулирование, миротворчество, миротворческие операции, международные организации, посредничество, региональный конфликт, ООН, миротворческая деятельность.

Статья поступила 14.09.2018 г.

UDC 327
IRSTII 11.25

CENTRAL ASIA AS AN OBJECT OF INTEREST OF NATO COUNTRIES

Nurmukhambet B.¹

¹Undergraduate, Kazakh Ablai khan
University of International relations and world languages,
Specialty “6M020200-International Relations”
Almaty, Qazaqstan, happy795@mail.ru

This article examines how the Alliance’s partnership policy has changed in Central Asia and South Caucasus since the 1990s and aims to clarify to what extent NATO’s new partnership policy can affect its relations with these countries. NATO–Russian relations and the Afghanistan operation are evaluated as the main drivers of this process. The target

date of the withdrawal of the ISAF combat mission in December 2014, set at the Lisbon Summit 2010, as well as the shifting of the focus of long-term US foreign policy to the Asia-Pacific region and the US aim of balancing China's influence in this region increase the necessity for the Alliance to redefine its future policy towards Central Asia and South Caucasus.

The article claims these developments have caused the need to treat Russia more as a partner than a potential competitor in constituting the policy towards Central Asia and South Caucasus. Furthermore the article claims there is no possibility for new Alliance expansion in this part of the world in the short to medium term.

Keywords: NATO, NATO's partnership policy, Central Asia, South Caucasus, American foreign policy, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan.

The North Atlantic Treaty Organization (NATO) has a keen interest in Central Asia due to the security and stability risks the region generates, as well as the negative spill-over effects from Afghanistan that impact upon the region. Although all five Central Asian Republics take part in NATO's Partnership for Peace (PfP), concrete cooperation remains limited and is mostly oriented towards maintaining a dialogue. The Central Asian regimes feel they need to balance security cooperation with NATO with that of Russia (the Collective Security Treaty Organization) and Russia-China (the Shanghai Cooperation Organization), but at the same time they exploit NATO's and the U.S.'s dependence on keeping the Northern Distribution Network alive for troops and supplies to Afghanistan. Meanwhile NATO seeks to balance the demands of hard security interests with not losing sight of Central Asia's deploring democracy and human rights record. However, cooperation is clearly weighted in favor of NATO's practical interests: the ISAF mission in Afghanistan largely defines NATO relations with the Central Asian region. Excluding policies towards Afghanistan, the European Union (EU) by-and-large has the same objectives as NATO when it comes to security in Central Asia, but completely different ways of going about pursuing a stable Central Asia that is a genuine partner. NATO's focus lies in dialogue with the Central Asian leaderships, keeping Central Asian supply routes to Afghanistan open and some cooperation in the field of defense reform. The EU's approach is much more diverse and focuses on aspects of human security, which it tries to support through projects and funding for rule of law, good governance and water management, but at the same time also supporting Central Asian border management and so on. In doing so the EU of course has substantially more resources at its disposal and the EU's objectives in Central Asia are also much broader than merely security and partnership.

Nonetheless, it is strange that the EU and NATO do not liaise much in general, particularly when it comes to policies on and ties with Central Asia. As one policymaker said, "NATO and the EU are like two elephants

running through the same city (Brussels) while never meeting each other”. This also applies to Central Asia where both rarely can be found in the same room. This is unfortunate because there are several reasons that would make increased cooperation and fine-tuning of policies and approaches towards Central Asia worthwhile. First, both have only a limited presence in the region. Whereas the EU is stepping up its presence on the ground by opening up an EU Delegation in Uzbekistan (on top of already having delegations in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan), NATO only has a liaison officer present and is represented by (contact) embassies of NATO members in the region. Active exchange of information – in Brussels through regular meetings and in the region between EU delegations and European NATO members’ embassies including U.S. and Turkish embassies – would be beneficial to both. Second, U.S. and European policies towards Central Asia are increasingly divergent. The EU takes a broad approach by looking at a whole spectrum of issues, from energy interests to the promotion of democratic values and human rights to security interests, while the U.S.’s approach is becoming narrower by concentrating foremost on (hard) security matters and seeing Central Asia primarily through an Afghanistan lens. NATO brings Europe and the U.S. together in one organization, and also includes Turkey, itself an active and substantial actor in Central Asia. In the wake of the growing influence of Russia and China in the region increased coordination between the EU and NATO seems a logical step.

Third, NATO as well as the EU is concerned about the development of Afghanistan over the coming years, especially post-2014 when the ISAF mission will be concluded and troops will have been withdrawn. As the EU and NATO work together on the ground in Afghanistan it would make sense to extend practical cooperation to Central Asia. This is especially true of Tajikistan and Uzbekistan who are the most vulnerable to the potential increase of extremism and drug trafficking. Again, NATO having the U.S. and Turkey on board could help the EU in planning border management assistance and other security-related support such as disaster preparedness and aspects of security sector reform and governance. Joint programming could also be envisaged in some of these areas, possibly including the OSCE and UNDP. Lastly, the EU and NATO will also need to take a joint approach in fostering regional cooperation concerning Afghanistan. This should include not only Pakistan, but certainly Central Asia and hopefully Iran as well. Regional cooperation will be difficult to promote in a region with so many influential players with often contradictory interests. This is why at least NATO and the EU need to have their act together and move jointly in bringing other parties to the table. This EUCAM Watch is devoted to NATO and Central Asia. An insight into NATO’s activities in the region

is provided by NATO Special Representative for the Caucasus and Central Asia, James Appathurai. Alexander Cooley writes about the Northern Distribution Network and the U.S. plans for the New Silk Road, while Marlene Laureled and Sebastian Perouse discuss NATO in connection to the Russian driven CSTO and the Russia-China led SCO.

How are the Central Asian Republics working with NATO through the Partnership for Peace (PfP)? Since the NATO Summit in Istanbul in 2004 the Alliance has made additional efforts to deepen cooperation with all of its Central Asian Partners, including appointing a Special Representative for the region and sending a Liaison Officer to the region. Each Central Asian partner nation determines its own level of participation in the PfP, given diversity of perspectives among the five countries. So each individual country makes use of the various tools and levels of partnership that we offer according to its own priorities [1].

All Central Asian Republics have joined a mechanism that we call the IPCP or Individual Partnership and Cooperation Programmed. This programmer offers a wide range of partnership activities including defense reform, defense policy and planning, civil-military relations, education and training, military-to-military cooperation and exercises, civil emergency planning and disaster-preparedness, as well as cooperation on science and environmental issues. There are additional mechanisms, like PARP (Planning and Review Process) and IPAP (Individual Partnership Action Plan) that we offer to our Central Asian partners. These are more complex programmers, which require a higher level of cooperation with NATO, but allow access to a wider range of partnership activities. In many PfP countries NATO is active in support of defense reform as part of security sector reform and governance. What are the activities and possibilities with Central Asian countries in this respect? A key objective is to promote the effective and efficient management of defense institutions, as well as civilian and democratic control of the armed forces. We also want to help the militaries of all our partners to become increasingly interoperable with NATO, in order to allow them to work as smoothly as possible with the Alliance, and so enhance the effectiveness of any current or future NATO operations in which they might wish to participate.

The Planning and Review Process or PARP, as we call it, is the key instrument for helping partners with these reforms. Partners whose cooperation with NATO is more advanced participate in this mechanism in which some of their security forces also undergo defense review procedures similar to those of NATO Allies themselves, in order to prepare them to participate in international peacekeeping operations. Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan participate in the PARP process, while Tajikistan

has expressed an interest in doing so in the future. The PARP mechanism has a flexible nature and it is up to the partners to decide on the priority areas of defense reform and defense review. The Kazakh government's efforts at achieving greater interoperability with NATO troops have led to the creation, assisted by NATO, of a Kazakh battalion (KAZBAT) [2].

While this was not in a NATO context, KAZBAT has successfully deployed alongside Polish troops in Iraq for a demining mission. Several Central Asian states are also members of the Collective Security and Treaty Organization (CSTO) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) with which NATO has no official ties. Does this complicate cooperation with Central Asia? Let me first emphasize that NATO's engagement with Central Asia is complementary with that of other actors in the region. For Central Asian countries, cooperation with NATO is not, and should not be, a "zero-sum game". NATO strongly believes that it is the sovereign right of each individual state to determine its own security arrangements and that cooperation with one regional organization does not preclude cooperation with any other regional organization. NATO and its partners have undertaken initiatives to promote and coordinate practical cooperation and the exchange of expertise in areas such as combating terrorism and border security. I am confident that this cooperation will continue to fulfill its potential and contribute to increased security in Central Asia, which is particularly relevant in the context of transition in Afghanistan. Kazakhstan seems to have progressed furthest in Central Asia within the PfP [3-4].

How is the Individual Partnership Action Plan proceeding and has it led to increased cooperation and reform? The IPAP is a more advanced cooperation mechanism, in which a Partner and NATO jointly agree on a detailed programmer of security sector reform. The benefits of participating in more advanced programmers are linked to greater access to NATO expertise and assistance in conducting the reforms identified by the Partner. Kazakhstan is the only Central Asian country to have agreed an IPAP with the Alliance, in early 2006. Since then, Kazakhstan has been making substantial progress in defense reform and interoperability. Currently, we are working on the third cycle of the IPAP process with Kazakhstan for the period of 2012-2013 and plan to finalize it in February. Have the 2010 revolutionary changes in Kyrgyzstan brought an opportunity for NATO to increase cooperation with that country, including in the field of discussing democratic practice and human rights issues in defense matters? NATO's relations with Kyrgyzstan date back to the early 90s and cover already a wide range of areas. Currently, we are considering new projects which were requested by Kyrgyzstan which include a trust fund on the management of weapon storage facilities, projects on leftover and unwanted uranium

residue, as well as defense reforms.

What is the nature of NATO relations with Turkmenistan? How does NATO see Turkmenistan's increased activism in urging regional cooperation on Afghanistan? As with all other Central Asian Republics, Turkmenistan joined the IPCP. Within this program, Turkmenistan chose not to participate in military activities, in line with its position of "neutrality". This does not, however, preclude cooperation in key areas included in the IPCP, such as Civil Emergency Planning and Science for Peace and Security projects. In the past few years, we have witnessed more sustained engagement from all Central Asian countries, including Turkmenistan, with regard to assisting Afghanistan. Uzbekistan is logistically essential to NATO's mission in Afghanistan. Is NATO capable of addressing human rights violations with the authoritarian leadership while also maintaining the Northern Distribution Network? Let me stress that partnership is about more than practical cooperation – it is also about values. By signing the PfP Framework Document, Central Asian partners committed to respect international law, the UN Charter, the Universal Declaration of Human Rights, the Helsinki Final Act, and international disarmament and arms control agreements; to respect existing borders; and to settle disputes peacefully. It is no secret that Central Asian countries still have some way to go to fully live up to these standards. However, we believe that we can assist this process through our cooperation. As with other partners, we also highlight with Uzbekistan the importance of values such as democratic standards and the rule of law. At the same time, we believe that we can have practical cooperation that goes hand in hand with our efforts to stress the need for the Central Asian states to live up to all of their commitments [5].

Does NATO plan to intensify cooperation with Tajikistan as the most fragile and poorest country in the region? Tajikistan joined PfP in 2002, the last Central Asian partner to do so. Indeed, cooperation with Tajikistan has been hampered by practical issues including lack of resources and English language capability. Nevertheless, Tajikistan has shown growing interest in recent years in slowly but steadily enhancing its cooperation with NATO. President Rahmon visited NATO HQ in February 2009 for the second time where he noted his country's willingness to expand cooperation. A NATO-sponsored Summer Academy in Dushanbe has become an annual event, and includes participation from across Central Asia, including Afghanistan. Currently, we are launching a trust fund project aimed at the destruction of surplus ammunition. NATO also regularly engages with regional actors in order to address the security needs of Central Asian countries, including Tajikistan. In this framework, we have regular consultations with the OSCE and, more recently, also with the EU. What do you see as the major risks and

threats to Central Asia after ISAF troop withdrawal from Afghanistan in the coming years? Over the next three years, NATO's role will progressively evolve from combat to training and support of Afghan security forces. The process that we call transition to Afghan lead responsibility is on track, and will be completed by the end of 2014. However, we will not abandon Afghanistan once transition is over. Afghanistan's needs in the coming years cover many areas, such as governance, justice, development and economic growth. We are confident that the international community will play its full part when ISAF's combat mission comes to a close.

At the Lisbon summit last year we agreed on an Enduring Partnership with Afghanistan. And at our next summit in Chicago, we will set out how that will work, by agreeing a package of concrete assistance measures. NATO will not let Afghanistan slip back into the hands of militants, but NATO does not aspire to lead the support effort in all areas in which Afghanistan needs assistance. The whole international community has a stake in a stable Afghanistan, and the whole international community must help achieve it. As NATO looks to reduce its major combat presence in Afghanistan, Western officials are exploring how to promote greater economic cooperation between Afghanistan and its Central Asian neighbors. Two recent initiatives – the Northern Distribution Network (NDN) and the “New Silk Road” (NSR) strategy – have been touted as important steps in fostering much needed regional economic integration. Yet, the problems that have arisen in the operation of the NDN over the last few years may well be a harbinger of the challenges that will confront the ambitious NSR.

The NDN was established in 2008 to provide U.S. and ISAF forces alternatives to the volatile and politically vulnerable supply routes that enter Afghanistan from Pakistan. NDN routes are a remarkable logistical undertaking, traversing large portions of the Eurasian landmass. On the main NDN routes, cargo is offloaded onto Baltic ports and then transported by rail through Russia, Kazakhstan and onto Uzbekistan and the Afghan border. An NDN South spur originates in Poti, Georgia, goes by rail across to Azerbaijan and then by ferry to Aktau, before being loaded onto trucks. In both strands, Uzbekistan serves as a hub, with five out of every six containers making their way to Afghanistan via the Termez Hairaton crossing. Until 2008, NDN transit accounted for only about 10 percent of Afghanistan-bound shipments compared with Pakistan's 90 percent; in 2011 total transit through the NDN had increased to 60 percent (though initially planned to reach 75 percent), and this percentage appears likely to increase in 2012 given continued political tensions between the United States and Pakistan. Beyond its critical role as a transit route for NATO supplies, officials expressed hopes that forging the NDN would also generate

regional economic benefits in the form of improved infrastructure, transit technologies and greater trade volumes.

Over the last year, U.S. and NATO leaders have also rolled out the NSR, an ambitious plan to contribute to Afghanistan's post-2014 economic development by establishing regional economic links between Afghanistan and its Central and South Asian neighbours. Under the plan, the international community will assist with the upgrading of regional infrastructure such as roads, railways, bridges and pipelines. Furthermore, planners are particularly interested in connecting Central Asian energy production with potential markets in Afghanistan and South Asia. Clearly, given that Afghanistan's GDP remains almost completely dependent on foreign assistance, expanding economic opportunity and regional activity should be a priority for NATO. Yet, however laudable these goals, a number of challenges have plagued the NDN, and these are also likely to hamper the NSR. First, these two regional initiatives conflate two distinct types of economic activity - "rent-seeking", or the use of political power by government officials to gain access to fixed income streams, with productive private investment. The whole premise of the NDN was to offer Central Asian governments hefty transit fees as the necessary economic incentives to secure their cooperation on these new logistical arrangements. Central Asian officials have regularly hiked transit tariffs, while bureaucrats and customs officials demand informal payments and delay shipments without them. A comparison of basic indicators provided by the World Bank about the Central Asian countries suggests that between 2008 and 2011, despite the ramping up of the NDN, there have been no broad improvements in the long clearing times required for exports and imports to and from the region.

Nor have U.S. attempts to procure goods and supplies from Central Asian vendors – a move encouraged by General Petraeus' decision in 2009 to waive federal guidelines in order to encourage more local sourcing – yielded a significant surge in regional trade. Between 2008 and 2012, the total amount of Central Asian procurement for the NDN was about \$155 million, a much smaller amount than was originally anticipated (in 2009, Uzbek officials reportedly set an annual goal of \$100 million). This volume can only increase significantly, if Central Asian elites decide that they have more to gain from encouraging formal trade than by collecting large informal payments, which depresses it. Similarly, with the New Silk Road, the impending 2014 deadline for the NATO drawdown from the region may encourage Central Asian officials to focus on securing as many short-term projects as possible, with scant regard for the regional dimension. This appears to be the fate of the multilateral Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) programme, which has ambitiously poured billions

of dollars into the construction of a set of regional corridors, yet the project has stalled as each recipient has used the funds for its own highway construction without committing to actually improving cross-border transit and transactions. Second, rather than act as a force to increase economic integration and regional cooperation, it appears that aspects of the NDN have actually increased intraregional competition among the Central Asian states.

The central importance of Uzbekistan has exacerbated its regional economic rivalries and highlighted simmering border tensions. Over the last year hundreds of freight cars bound for Tajikistan have piled up at the Uzbek border, while individual border crossings between the countries have been closed and militarised. In November 2011, a railway spur from Uzbekistan to Tajikistan, which the Tajik authorities claimed could handle increased NDN traffic volume, was blown up under mysterious circumstances. In Kyrgyzstan, officials complain that Tajik companies and drivers exclusively operate the trucks running within the Tajik-Kyrgyz NDN spur. Thus, for the Central Asian states, concerns over how much rival states gain from the NDN appear to be trumping the emergence of new cooperative initiatives.

Finally, as a “grand idea” without an accompanying blueprint, the NSR may unnecessarily lend geopolitical overtones to a group of projects that otherwise might be widely accepted as primarily developmental. The NSR is pragmatically open-ended, allowing for a number of disparate projects, initiatives and developmental plans to be bundled together. But the umbrella of a single strategic concept also emboldens sceptics, particularly in Moscow and Beijing, to infer that the West is positioning itself to maintain enduring regional influence. Meanwhile the SCO has remained a paper tiger in terms of regional security. The organization has attained only one of its declared objectives, namely black listing and extraditing Uyghur dissidents.

In all other aspects of collective strategic cooperation, the gap between its institutional rhetoric and its lack of joint mechanisms is vast. The CSTO in Central Asia is only active in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, and even then the Kremlin’s desire to strengthen military cooperation runs up against Dushanbe’s reluctance, Bishkek’s hesitations and Astana’s desires for autonomy and a multi-vector policy. Furthermore, Moscow does not know how to prepare for the non-traditional threats arising in the region, and for any possible waves of political destabilization such as those that rocked Kyrgyzstan in 2010. In this context, the CSTO and SCO are not really NATO’s direct rivals in Central Asia. To enter into competition with them, NATO would have to aim at integrating the security policies of the Central Asian states into a solid regional structure, which is not the case.

For its part, the SCO has not positioned itself as an organization with

a substantial military component, and instead confines itself to promoting a “healthy” Central Asian order, free from the so-called three evils of separatism, extremism and fundamentalism, and devoid of pro-Western forces. Only Russia offers willing Central Asian states the complete array of bilateral and multilateral relations, including arms sales at reduced prices, training, joint exercises and intelligence exchanges. In terms of cooperation with NATO, Kazakhstan is the most advanced state of Central Asia. Astana has an IPAP with NATO and takes part in an Action Plan against Terrorism, which provides for the exchange of information with NATO members. It also hosts the annual “Steppe Eagle” anti-terrorism exercises and created a symbolic peacekeeping force called KAZBRIG that collaborates with NATO under a UN mandate. Astana also seeks to step up efforts in NATO interoperability in the coming years.

However, this does not prevent Kazakhstan from being a major ally of Moscow in the post-Soviet era, or from showing its support for most of the Russian proposals for strengthened integration. Kazakhstan therefore shows how the programmes offered by NATO and the CSTO can be complementary rather than competitive. In contrast with the CSTO, the SCO has not raised the idea of cooperation with NATO. China would probably be reluctant for this type of rapprochement, even if informal discussions between senior officials do take place. But NATO also has little to share with the SCO. The SCO’s definition of the three evils runs contrary to NATO’s political objectives. The Atlantic Treaty Organization cannot lend its support to SCO rhetoric on domestic security and the value gap between them is substantial. The areas of cooperation between Western institutions and China are at best limited to a better coordinated anti-drug strategy, but none involve any hard military security.

Even on issues linked to regional security China is extremely reluctant to become more involved in Afghanistan or in the fight against drug-trafficking. Hitherto, only Russia has regularly requested an institutionalizing Why NATO doesn’t talk with the SCO and the CSTO By Malone Laurelled and Sebastian Prouse, EUCAM Researchers of NATO-CSTO cooperation. Moscow wants to have a say in NATO decision-making. While this is unlikely to happen, there is a window of opportunity for NATO-Russia cooperation with the forthcoming withdrawal of NATO troops from Afghanistan. Russia is concerned about the consequences of this transition for Central Asian stability and would probably not be willing to carry the burden of providing security support to Central Asia alone. But for a step up in cooperation Russia is likely to demand NATO’s recognition of the CSTO; not as a symbol of Russian “imperialism” in Central Asia, but as a legitimate regional institution, validated by the Kazakh, Kyrgyz and

Tajik governments. NATO might not be ready for this step and in any case would prefer to work bilaterally with Russia and the Central Asian states through PfP. Potential NATO-CSTO discussions also presuppose that the governments of Central Asia, at least the most cooperative ones, would take an interest in developing joint measures [6].

Kazakhstan might support NATO-CSTO links and the relatively weak Kyrgyz and Tajik authorities can probably be convinced, but Uzbekistan would likely resist. Furthermore, all local governments have tended to put external actors against one another rather than promote cooperation between them. Under current conditions, it would thus be naive to think that cooperation between the institutions will happen any time soon. NATO is reluctant to take the CSTO seriously; Russia hesitates between investing in the CSTO or the SCO; China is not interested in multilateral initiatives it does not control; and the Central Asian governments play the competition card.

Nonetheless, the approaching security changes after 2014, as well as the financial, military and political limits of the three organizations are likely to push them increasingly towards reconciliation and bring possible avenues of cooperation into policy debates about Central Asia and Afghanistan.

REFERENCES

- 1 EUCAMWatch. - Access mode URL: http://www.eucentralasia.eu/uploads/tx_icticontent. Accessed 05.04.2018.
- 2 EUROREAN DIALOGUE.- Access mode URL: <http://www.eurodialogue.eu/nato-central-asia>. - Accessed 05.04.2018.
- 3 NATO-Kazakhstan. - Access mode URL: www.nato.int/issues/nato-kazakhstan. - Accessed 05.04.2018.
- 4 NATO-Kyrgyzstan. - Access mode URL: www.nato.int/issues/nato-kyrgyzsta. Accessed 05.04.2018.
- 5 NATO-Uzbekistan. - Access mode URL: www.nato.int/issues/nato-uzbekistan. - Accessed 05.04.2018.
- 6 NATO publications. - Access mode URL: www.nato.int/ebookshop. - Accessed 05.04.2018.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ - НАТО ЕЛДЕРІ МҮДДЕЛЕРІНІҢ ОБЪЕКТІСІ РЕТІНДЕ

Нұрмұхамбет Б.Х.¹

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университетінің магистранты
Мамандық «6M020200 - Халықаралық қатынастар»,
Алматы, Қазақстан, happy795@mail.ru

Бұл мақала Орталық Азия мен Оңтүстік Кавказда Альянстың серіктестік саясаты қалай өзгергенін қарастырады және НАТО-ның жаңа әріптестік саясаты осы елдермен қарым-қатынасына әсер ету дәрежесін анықтауға тырысады. НАТО мен Ресей арасындағы қарым-қатынас және Ауғанстандағы операциялар осы

процестің негізгі факторлары ретінде бағаланады. 2010 жылғы Лиссабон саммитінде белгіленген ISAF жауынгерлік миссиясын 2014 жылдың желтоқсан айында алып тастаудың мақсатты мерзімі және АҚШ-тың Азия-Тынық мұхиты аймағындағы ұзақмерзімді сыртқы саясатының ауысуы және Қытайдың осы өңірдегі қытайдың ықпалын теңгеру мақсаты, Альянстың оны қайта қарауды қажет етеді. Орталық Азия мен Оңтүстік Кавказға қатысты болашақ саясат. Мақалада бұл оқиғалар Ресейді Орталық Азия мен Оңтүстік Кавказға қатысты саясатты қалыптастыруға әлеуетті бәсекелес емес, серіктес ретінде қарастыруға мәжбүр етті. Бұдан басқа, мақалада Альянстың қысқа және орта мерзімді перспективада элементі осы жағында кеңеюіне мүмкіндік жоқ екенін айтады.

Тірек сөздер: НАТО, НАТО серіктестік саясаты, Орталық Азия, Оңтүстік Кавказ, АҚШ сыртқы саясаты, Грузия, Қазақстан, Қырғызстан.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРЕСОВ СТРАН НАТО

Нұрмұхамбет Б.Х.¹

¹магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана,
Специальность «6М020200-международные отношения»,
Алматы, Казахстан, happy795@mail.ru

В статье рассматривается, как политика партнерства Альянса изменилась в Центральной Азии и на Южном Кавказе с 1990-х годов и направлена на выяснение того, в какой степени новая политика НАТО по партнерству может повлиять на ее отношения с этими странами. В качестве основных факторов этого процесса оцениваются отношения между НАТО и Россией и операция в Афганистане. Целевой срок вывода боевой миссии ИСАФ в декабре 2014 года, установленный на Лиссабонском саммите 2010 года, а также смещение фокуса долгосрочной внешней политики США в Азиатско-Тихоокеанский регион и цель США по балансированию китайской влияние в этом регионе усиливает необходимость того, чтобы Североатлантический союз пересмотрел свою будущую политику в отношении Центральной Азии и Южного Кавказа.

В статье утверждается, что эти события вызвали необходимость рассматривать Россию скорее как партнера, чем потенциального конкурента в формировании политики в отношении Центральной Азии и Южного Кавказа. Кроме того, в статье утверждается, что нет возможности для расширения Альянса в этой части мира в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: НАТО, политика партнерства НАТО, Центральная Азия, Южный Кавказ, внешняя политика США, Грузия, Казахстан, Кыргызстан.

Статья поступила 14.9.2018 г.

III БӨЛІМ. ДӘРІСТЕР, СЕМИНАРЛАР,
САБАҚТАРҒА АРНАЛҒАН МАТЕРИАЛДАР
РАЗДЕЛ III. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЛЕКЦИЙ, СЕМИНАРОВ, ЗАНЯТИЙ
III PART. MATERIALS FOR LECTURES, SEMINARS, CLASSES

THE MAIN DIRECTIONS OF FOREIGN RESEARCH ABOUT KAZAKHSTAN

Shaimardanova Z.D.¹,

¹ Doctor of History, Ass. Prof., Department of International Relations,
Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Almaty, Kazakhstan, shaimardanova.z@ablaikhan.kz

The main directions of Kazakhstan studying concentrated in the so-called Think Tank, in the university research centers, are focused on research of political, social and economic processes in Kazakhstan, on the study of the country's participation in international organizations and regional associations, on the study of national security, interethnic and interconfessional situation. And on the issues of science, culture, education, ethnography, the implementation of state programs.

Keywords: Kazakhstan, geopolitics, economics, history, nomads.

УДК 327 (574)

МРНТИ 11.25

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ О КАЗАХСТАНЕ**

Шаймарданова З.Д.¹,

¹д.и.н., доцент кафедры международных отношений,
Казахский университет международных отношений и
мировых языков им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, shaimardanova.z@ablaikhan.kz

Основные направления изучения Казахстана, сконцентрированные в так называемых «мозговых центрах» /ThinkTank, университетских научно-исследовательских центрах, ориентированы на исследования политических, социально-экономических процессов в Казахстана, на изучение участия страны в международных организациях и региональных объединениях, на исследование национальной безопасности, межэтнического и межконфессионального положения. Не остаются без внимания вопросы науки, культуры, образования, этнографии, реализации государственных программ.

Ключевые слова: Казахстан, геополитика, экономика, история, кочевники.

В XX веке явным признаком геополитического противоборства были военные конфликты. Однако в XXI веке конфликтов стало больше, включая большое количество террористических актов.

С начала 2001 г. число жертв террористических актов в Европе достигло 2 365 человек и около 8 800 раненых. В целом произошло 120 террористических атак. Большая часть людей погибла от террористических актов в 2002-2004 гг. Франция, Великобритания, Бельгия стали странами, наиболее подверженными терактами за последние 3 года.

Поэтому время, в которое мы живем, становится временем нового противостояния между геополитическими центрами, конкурирующими за влияние, ресурсы и рынки сбыта. Центральная Азия и Казахстан, богатые природными ресурсами и человеческим капиталом, всегда привлекали, привлекают и будут привлекать внимание зарубежных стран и исследователей.

Интеллектуальная продукция зарубежных исследований о Казахстане и Центральной Азии подразделяется на 4 вида:

- новости в газетах и других видах СМИ,
- научные журналы,
- диссертации на соискание степени магистра или доктора PhD,
- монографии.

Зарубежных исследователей интересует политическое, социально-экономическое развитие Казахстана, вопросы участия страны в международных организациях и региональных объединениях, реализация политики обеспечения национальной безопасности, межэтническое и межконфессиональное состояние. Не остаются без внимания вопросы культуры, образования, этнографии.

Все эти темы отражены в статьях исследователей в ведущих высокорейтинговых американских и европейских журналах.

Исследователи Моновар М. и Голам М. из Американского университета в Эмиратах (American University in the Emirates (AUE)) провели исследование с целью изучить и проанализировать перспективы экономического сотрудничества между Казахстаном и странами БРИКС. Исследование основано на анализе различных баз данных и аналитических отчетов. Исследование рекомендует развитие более тесного экономического сотрудничества между Казахстаном и странами БРИКС для взаимной выгоды. Однако исследование выявило потенциальные риски экономической интеграции с региональными экономическими блоками и предложило меры по преодолению барьеров. Результаты этого исследования могут помочь другим странам рассмотреть вопрос о более тесном сотрудничестве с различными межгосударственными объединениями для ускорения

экономического роста стран с развивающейся экономикой [1].

Европейский союз выступает как ведущий торговый партнер и иностранный инвестор в Казахстане, стремится углубить двусторонние отношения и пересмотреть свою прежнюю политику в отношении Казахстана и всего постсоветского региона Центральной Азии. Польская исследовательница А.Конопелко (Department of Economics and Social Sciences Bialystok University of Technology Kleosin) поднимает вопрос: должен ли ЕС выйти за рамки торгового и инвестиционного подхода и уделить особое внимание другим стратегическим направлениям? [2]. Исследование основано на выявлении и изучении взаимосвязи политических решений и экономических отношений Казахстана и его основных стратегических партнеров. Учитывая нынешнюю ситуацию в Украине и Центральной Азии, в новом «Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Казахстаном», возможно, будет развиваться больше направлений по вопросам безопасности и стабилизации.

ЕАЭС с охватом почти 200 млн. человек может представлять собой геополитический успех, который поддерживает амбициозную политическую повестку ее членов. ЕАЭС, по мнению Б.Серджи, исследователя Центра российских и евразийских исследований Гарвардского университета (Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University), это гибридная полуэкономика и полуполитический «Двуликий Янус» [3]. Исследователь полагает, что необходимо сделать больше для достижения экономического развития и сбалансированных возможностей всех евразийских стран с учетом многолетней роли России в этом союзе, а также ее силы и политических мотивов.

Коллинз Н. (past president of the Political Studies Association of Ireland and, a former Centennial Scholar at the American Political Science Association in Washington DC) и Бекенова К. из Назарбаев университета в статье «European cultural diplomacy: diaspora relations with Kazakhstan» представили сети коммуникации давно сложившихся диаспор, проживающих в Казахстане после обретения независимости, и их отношений с их европейскими «родинами» [4]. Они рассматривают диаспоры как один из инструментов культурной дипломатии, как инструмент взаимодействия между государствами, приобретающая все большее и важное значение. В исследовании подчеркиваются преимущества разработки «ценностных» сетей коммуникации, охватывающих как местные диаспоры, так и посольства родины, где в контексте «исторической родины» культурная дипломатия приобретает

определенные преимущества[5]. И, наоборот, неспособность капитализировать позитивные настроения диаспоры и работать с ней становится потенциалом, которым не стоит пренебрегать. Известный американский политолог французского происхождения М.Ларюэль, специалист по Центральной Азии, Казахстану и России, поднимает вопрос положения русских в Казахстане на фоне событий в Украине, задаваясь вопросом «Why No Kazakh Novorossiya?» [6]. Работая в Школе Эллиота международных отношений (Elliot Scgoll of International Relations, Georges Washington University, USA), исследователь полагает, исходя из того, что некоторые западные эксперты обрели логику «домино», заключающуюся в том, что Казахстан может разделять судьбу Украины. Но автор считает невозможным данное утверждение, т.к. политика России в отношении Казахстана направлена на сохранение политических и культурных основ всего казахстанского общества.

Тематика монографий 2018 года издания зарубежных исследователей о Казахстане также многовариативна. Клаудиа Чанг, профессор антропологии (Professor of Anthropology at Sweet Briar College, USA) на основе раскопок в юго-восточном Казахстане (Берели, Шиликтинская долина, Елеке Сазы и т.д.), представила новый взгляд на народы Внутренней Азии во второй половине первого тысячелетия до н. э., которые считались кочевниками, участвующими в войнах и конфликтах [7]. Проанализировав данные раскопок, она делает важные выводы о природе внутриземноморского общества в этот период: древние народы выращивали пшеницу, ячмень и просо, разводили овец, коз, крупный рогатый скот и лошади, что говорит о том, что эти общества были более сложными, чем до сих пор считалось. Эти общества имели экономическую базу, основанную на пастбище и земледелии, производстве излишков сельскохозяйственных товаров, которые продавали и экспортировали. Эти общества имели иерархическую социальную структуру, включая элиты и простолюдинов, организацию и проведение праздников, наличие дани, а не только участие в конфликтах и войнах.

Выше мы уже обращались к теме диаспор как инструмента культурной дипломатии. Общеизвестно, что в Казахстане проживает корейская диаспора, когда в 1937 году депортировали корейцев, работающих на советском Дальнем Востоке, в Казахстан и Узбекистан. Монография «Быть корейцем в Казахстане: предприниматели и идентичность корейского мира» французской исследовательницы Ым

Юнсиль, доктора антропологии ИНАЛКО (Париж), работавшая на архивных источниках, напоминает, что этнология может привести к пониманию транснациональных метаморфоза в XXI веке [8].

Французский исследователь А.Гарригу, написавший рецензию на монографию, считает, что корейцы стали казахами (103 000), узбеками (183 000). Он считает, что напряженные отношения двух Корей оказывают определенное влияние на корейскую диаспору, проживающую в других странах. И корейцы Казахстана напоминают этим государствам о забытой корейской диаспоре Современный антрополог Ым Юнсиль, стимулируя области научных исследований, помимо Кореи, в области сохранения идентичности, напоминает, что большую роль в данном вопросе, играют учреждения, ассоциации. Она ставит вопрос: что является компонентами «корейской идентичности»: язык? национальная кухня? традиции? воспоминания о депортации?

Молодой доктор PhD Л.Уиллер (University of Birmingham, Great Britain) в 2017 г. Защитила диссертацию на тему «A linguistic ethnographic perspective on Kazakhstan's trinity of languages: language ideologies and identities in a multilingual university community». Эта диссертация представляет лингво-этнографическое исследование языковой практики в полиязычном университетском сообществе в Казахстане на примере казахстанского проекта «Триединство языков», направленного на развитие социального трилингвизма: казахский, русский и английский языки. Данные были докторантом собраны в казахстанском университете в 2012-2013 гг., сочетая наблюдения и интервью [9]. Диссертация представляет интерес с точки зрения способов процесса трехязычия на примере говорящих, которые используют свои лингвистические ресурсы в зависимости от этнической идентичности.

Представленные статьи о Казахстане, опубликованные в высокорейтинговых периодических изданиях, и монографии зарубежных исследователей, вышедшие в 2018 г., это лишь малая часть зарубежной интеллектуальной продукции. Тематика их действительно разнообразна: от политических вопросов до нового взгляда на социально-экономическую структуру кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

1 Monowar M., Golam M. Kazakhstan–BRICS Economic Cooperation: Exploring the Possibilities // Journal of Balkan and Near Eastern studies. - 2018. - Volume 20: Issue 2. – P. 148-164.

2 Konopelko, Agnieszka. Eurasian Economic Union: a challenge for EU policy towards Kazakhstan// Asia Europe Journal. – 2018. - V 16; N. 1. P. 1-17.

3 Sergi, Bruno S. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and half-political "Janus Bifrons" // Journal of Eurasian Studies. – 2018. - Volume 9: Issue 1.

4 Collins N., Bekenova K. European cultural diplomacy: diaspora relations with Kazakhstan // The international journal of cultural policy. – 2017. - Volume 23, Issue: 6. – P. 732-750.

5 Жабина Ж.Р. Образование и социальная политика как фактор стратегических ресурсов развития человеческого капитала // Известия КазУМОиМЯ им. Абылайхана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2018. – № 1. – С.42.

6 Laruelle, Marlene. Why No Kazakh Novorossiya? Kazakhstan's Russian Minority in a Post-Crimea World // Problems of post-communism. – 2018. - Volume 65, Issue 1. – P. 65-78.

7 Chang, Claudia. Rethinking prehistoric Central Asia: shepherds, farmers, and nomads. - Abingdon, Oxon; New York, NY : Routledge, 2018.

8 Yim, Eunsil. Être Coréens au Kazakhstan: des entrepreneurs d'identité aux frontières du monde coréen. – Paris: Collège de France, Institut d'études coréennes, 2016. – 393 p.

9 Wheeler, Louise. A linguistic ethnographic perspective on Kazakhstan's trinity of languages : language ideologies and identities in a multilingual university community. University of Birmingham. Ph.D. thesis.- University of Birmingham, 2017.

Шаймарданова З.Д.¹,

¹тарих ғылымдарының докторы,

Халықаралық қатынастар кафедрасының доценті,
Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӘТУ, Алматы, Қазақстан.
shaimardanova.z@ablaikhan.kz

ҚАЗАҚСТАН ТУРАЛЫ ШЕТЕЛДІК ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ НЕГІЗГІ БАҒЫТТАРЫ

Қазақстанның «зерттеу орталықтары» / «Think Tank» деп аталатын, университеттік зерттеу орталықтарында шоғырланған Қазақстанның негізгі бағыттары елдегі саяси, әлеуметтік-экономикалық процестерді зерттеуге, еліміздің халықаралық ұйымдарға және аймақтық қауымдастықтарға қатысуы, ұлттық қауіпсіздікті зерттеуге бағытталған. ұлтаралық және конфессия аралық ұстаным. Ғылым, мәдениет, білім беру, этнография және мемлекеттік бағдарламаларды жүзеге асыру мәселелері назардан тыс қалмауда.

Тірек сөздер: Қазақстан, геосаясат, экономика, тарих, көшпенділер.

Статья поступила 11.09.2018 г.

IV БӨЛІМ БІРІККЕН ЖӘНЕ ШЕТЕЛДІК ЗЕРТТЕУЛЕР
РАЗДЕЛ IV СОВМЕСТНЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
IV PART JOINT AND FOREIGN RESEARCH

UDC 327.8
IRSTII 11.25

THE ECONOMIC INFLUENCE OF CHINA ON KAZAKHSTAN
THROUGH THE SILK ROAD ECONOMIC BELT

Nurgaliyeva L.K.¹

¹Assistant Professor, Nagasaki University
Nagasaki, Japan
lyailya.nurgaliyeva@nagasaki-u.ac.jp

In September 2013, Chinese President Xi Jinping delivered a speech at Nazarbayev University in Astana, where he proposed that China and Central Asia work together to build a Silk Road Economic Belt (SREB). His speech generated a great deal of discussion in China and overseas. Chinese scholars tend to view the SREB as an economic project with neighboring countries, arguing that China has no intention to expand its political power or influence. In contrast, Kazakhstani scholars usually see the SREB as geopolitical in nature. Though these scholars have examined the strategy of China in Central Asia, they have not analyzed the SREB's profitability or the opportunities and risks involved with active participation. It is important to look into the SREB in more detail as a means of analyzing the true nature of this project and what participation could mean for Kazakhstan.

Keywords: China, Kazakhstan, Silk Road Economic Belt, transport and logistics hub, Eurasia.

The Silk Road Economic Belt (SREB) was first proposed forward by Chinese President Xi Jinping during his visit to Kazakhstan in September 2013. His plan garnered a huge amount of attention in China and overseas. In 2016, it was the most frequently discussed subject in the Chinese newspaper, the *People's Daily* [1]. A total of seven belts have been planned in various fields, including transport, energy, trade, information, science, agriculture, and tourism. This project has the potential to become a large-scale free trade zone spanning from Central Asia to the north-western provinces of China, then on to Eastern and Central Europe.

Chinese experts have noted that China's decision to establish and develop strategies towards the West was because development towards the east was blocked by the US and Japan. They thus argue that the creation of an economic belt of the Silk Road can effectively support China's economic growth, as well as the development of the Eurasian Economic Cooperation

[2-5]. Chinese scholar Zeng Xiang Hong has argued that the SREB can offer countries involved in the project with a new degree of freedom as they can choose whether to engage in bilateral or multilateral cooperation according to their need and preference. He has also stressed that China is only seeking economic cooperation with other countries along its border, and has no intention to expand political power [6].

In contrast, Kazakhstani scholar Konstantin Syroezhkin views the SREB as a geopolitical project, arguing that there were “no economic details” discussed during the International Economic Forum “Belt and the Road” held in Beijing in May 2017 [7]. A similar viewpoint was expressed by prominent Kazakh scholar, Dosym Satpaev, who argues that by 2049, Beijing will almost certainly dominate in the Central Asia region, pushing out Russia in the process [8]. Though, these scholars have examined the strategy of China in Central Asia, they have not analyzed the SREB’s profitability, as well as the opportunities and risks involved with active participation. As such, it is important to look into the SREB in more detail in order to analyze whether this project is inspired by geopolitical or economic concerns and what participation in this project could mean for Central Asian states.

The author views the SREB as an economic project. China’s top priority is to stimulate its economy via exports of raw material from Central Asia. The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development for the People’s Republic of China through to 2020 deserves greater attention. The proposal focuses on: searching for new oil fields at home and abroad, increasing strategic oil reserves in order to offset the unpredictability of the world market, and ensuring the safety of oil transportation via land and sea by accelerating the construction of strategic land corridors (The 13th Five-Year Plan). China is actively cooperating with Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan, three of the five Central Asian countries in the oil and gas sector. However, Kazakhstan is a strategic partner in the oil and gas area. The inflow of direct investment from China to Kazakhstan in 2016 (January-September) amounted to \$623.9 million. This is 7 times more than the volume for the same period during 2015 [9].

Kazakhstan as the largest transport and logistics hub in Eurasia

According to Kazakhstan and Chinese analysts, “the key role in the implementation of the ‘Silk Road Economic Belt’ has been given to Kazakhstan, and Kazakhstan is in the best position in terms of attracting investments (Map-1). The accumulated foreign direct investment (FDI) from China to countries of the Eurasian Union in 2009-2013 increased from \$11.02 billion to \$24.67 billion. An impressive 91.5% of the total

figure (\$22.57 billion) was directed at Kazakhstan. From September 2013 to December 2015, the two countries signed investment agreements worth \$54 billion. China's participation in the formation of a renewed Kazakh transport infrastructure includes plans for the construction of the Almaty ring road, a road leading towards Alashankou station, and a large-scale project that will help optimize Astana's public transportation system. These plans have gained a great deal of attention in Kazakhstan [10]. Indeed, the adoption in November 2014 of the new economic policy 'Nurly Zhol – Path to the Future', the main focus of which was on infrastructure development is in fact, consistent with the Chinese 'Silk Road Economic Belt' initiative and aims at maximizing the benefits of its implementation.

Map1 - Kazakhstan's position within the New Silk Road

Speaking at the Astana Economic Forum in Astana on May 22, 2015 the president of Kazakhstan Nazarbayev offered to create a new high-speed multi-modal transport route called the Eurasian transcontinental corridor. He noted, "It will run through the whole territory of Kazakhstan and will allow for the free transit of goods from Asia to Europe and back. This is much shorter than the maritime route" [11]. And here will arise new opportunities for Kazakhstan, because as noted by specialists, the land route will be much shorter than the maritime route - almost three times" [11].

The main cargo of the "New Silk Road" will be carried out from East to West. The western and central provinces of China will be in direct railway communication with the EU on the rail route through Kazakhstan's Dostyk station. The delivery of goods to Europe by rail is, on average, 2-3

times faster than the sea, which is a significant competitive advantage for the transportation of goods that require high speed delivery. Thus, cargo to Europe through Kazakhstan's Dostyk can be delivered over 16-17 days and the cost is 8,100 US dollars, which is significantly lower than through Russia, at 11,200 US dollars [12].

As noted previously, in order to implement its new economic policy on infrastructure development called 'Nurly Zhol – Path to the Future', Kazakhstan joined the China-led Asian Infrastructure Investment Bank on October 24, 2014, which was initiated by President Xi Jinping in 2013. The main purpose of AIIB is to promote economic development, create wealth, and improve the interaction of infrastructure in Asia. According to Tom Miller, Xi Jinping has created its own multilateral development bank because "bilateralism has its limits, and smaller states do not want to be reduced to Chinese clients" [13]. The authorized capital of the bank amounts to \$100 billion, but it plans to lend no more than \$2 billion per year for its first five years of operation. [13]. The AIIB, co-founded by Kazakhstan, received the highest credit rating of Moody's [14].

China also established a special fund for the Silk Road in the amount of 40 billion US dollars, which will focus directly on the funding of projects, for which Kazakhstan holds a key geographic position. All these agreements provide opportunities for building infrastructure and rely on investments. China is the biggest trade partner of Kazakhstan, along with the European Union and Russia. Indeed, most of Kazakhstan's exports (oil, gas, mining products) are with China [15].

Every argument has two sides and the next section discusses the advantages and disadvantages for Kazakhstan in the creation of the Silk Road through its territory.

Advantages and disadvantages for Kazakhstan in the construction of the Silk Road

If the advantages of the New 'Silk Road' for China is obvious, what are the advantages for Kazakhstan in the construction of such a transport corridor? First of all, there are economic benefits from transit through its territory, which could increase the trade turnover between Kazakhstan and China. According to Nazarbayev, it is expected that by 2020 the volume of trade between the neighboring countries of Kazakhstan will grow by half, reaching \$1 trillion [16].

Secondly, the Trans-Kazakhstan route linking Europe and Asia will account for 5-8% of the potential trade between China-the EU-China every year until 2020. Across the next 10 years, over \$30 billion of public and

private investment will be pumped into the transport sector [17].

Thirdly, the agriculture sector could prove profitable for Kazakhstan, with a potential market of more than a billion people. Most importantly, for these products, China's agriculture industry does not constitute serious competition like Russia [18].

Along with the positive aspects of the creation of the New Silk Road, there are also dangers for Kazakhstan. Integration in the framework of this project is connected to interaction with the huge continent of Asia, and will, along with the flow of goods also bring in waves of people, and migration, particularly from China. Today a hot topic in Kazakhstan is the migration of extremist Uighurs, from Xinjiang, who claim to be Kazakhs. Some voices call for the necessity of Kazakhstan to maintain its national sovereignty. Also, in the development of Kazakhstan industry, Chinese technologies will arrive and after the enterprises in Kazakhstan, Chinese workers will come and will threaten the livelihoods of local workers.

Moreover, China, through this project will be able to increase its economic strength and receive advanced technology from all over the world. Kazakhstan, as a transit country, will not have access to these new technologies. As is known, the construction of the final product directly contributes to the growth of economic power, to the continuous development of GDP. Thus, Kazakhstan could be left behind in the wake of the giant economic growth of China.

Besides, repayments to Chinese creditors are also a risk because they increase Central Asian states' debt exposure to a single country rather than the multilateral organization as IMF or WB. As such, Kazakhstan must take into consideration all the advantages and disadvantages of this project in order to maximize the benefits it can obtain from this cooperation. Kazakhstan will develop and strengthen if it succeeds in considering all the risks and challenges regarding the "New Silk Road" project.

Conclusion

The vast natural resources and geographical position of Kazakhstan makes it a key country in the implementation of the Chinese Silk Road. For energy exporting countries like Kazakhstan, investments into infrastructure are important for security and economic growth stabilization. In order to implement the new economic policy on infrastructure development called 'Nurly Zhol – Path to the Future', Kazakhstan joined the China-led Asian Infrastructure Investment Bank.

China, the largest trade partner of Kazakhstan relies on the support of Kazakhstan in the implementation of the Silk Road project because the

transportation of goods to Europe through Kazakhstan's territory is the shortest and cheapest route. These interests are mutually beneficial for Kazakhstan and China.

At the same time, there are risks for Kazakhstan if the government won't make right choices and responses. While Kazakhstan has achieved substantial results in attracting foreign investments into priority sectors, FDI and exports have still been highly concentrated in natural resources. Against this backdrop Kazakhstan needs to influence Chinese policy by persuading China to diversify the FDI into technological development of Kazakhstan. As such, Kazakhstan can get significant benefits from the SREB project.

REFERENCES

1 Laruelle M. China's Belt and Road Initiative. Quo Vadis? China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. The George Washington University, Central Asia Program. - Washington, D.C., 2018.

2 Xin Q. San chong bo yi: zhong mei guan xi shi jiao xia de yi dai yi lu // American Studies Quarterly. - 2016. - Vol. 5.

3 Zhang N. Si chou zhi lu jing ji dai zai zhong ya de yuan jing yu xing dong" // Academic Journal of Russian Studies. - 2015. - Vol. 5.

4 Yang L. Yi dai yi lu bei jing xia zhong e guan xi de fa zhan // Journal of Northeast Asia Studies. - 2015. - Vol. 1.

5 Wang H., Sun Zh., Zhao Ch., Wu H. Si chou zhi lu jing ji dai gou xiang de bei jing, qian zai tiao zhan he wei lai zou shi // Russian Central Asian & East European Market. - 2014. - Vol. 4.

6 Zeng X. Yi dai yi lu de di yuan zheng zhi xiang xiang yu di qu he zuo". World Economics and Politics, 2016). Vol. 1.

7 Syroezhkin K. Odin poyas, odin put' – geopoliticheskiy proekt dlya Kitaya. Kapital. 28.07.2017. Retrieved from [https://kapital.kz/economic/61820/odin-poyas-odin-put-geopoliticheskiy-proekt-dlya-kitaya.html], accessed on October 21, 2018.

8 Satpaev D. K 2049 godu Kitay vidavit Rossiyu iz Tsentral'noi Azii. Kapital. 19.04.2018. Retrieved from [https://kapital.kz/economic/68508/dosym-satpaev-k-2049-godu-kitaj-vydavit-rossiyu-iz-ca.html], accessed on October 20, 2018.

9 Ob'yem kitayskikh investitsiy v Kazakhstan vyros v sem' raz". Kazinform. 26.01.2017. Retrieved from [https://www.inform.kz/ru/ob-em-kitayskih-investitsiy-v-kazahstan-vyros-v-sem-raz_a2993009], accessed on October 20, 2018.

10 Kaukenov A. Novie otnosheniya s Kitaem: Odin poyas – odin put. Transformatsiya Ekonomiki Kazakhstana. Fond imeni Konrada Adenauera, Astana. Retrieved from [http://www.kas.de/wf/doc/kas_49009-1522-39-30.pdf?170703085431], accessed on October 18, 2018.

11 Nazarbayev N.A. Nazarbayev predlozhil sozdat' Evraziyskiy transkontinental'niy koridor". Interfax, May 25, 2015. Retrieved from [https://www.interfax.kz/?lang=rus&int_id=10&news_id=10911], accessed on October 19, 2018.

12 Ekonomicheskiy koridor. Noviy Shelkoviy Put". KAZLOGISTICS. Retrieved from [http://www.kazlogistics.kz/ru/media_center/interview/detail.php?id=577], accessed on October 18, 2018.

13 Miller T. China's Asian Dream: Empire Building Along the New Silk Road. - Zed Books, 2017.

14 АИПБ. Aziatskiy bank infrastrukturykh investitsiy, souchreditelem kotorogo yavlyaetsya Kazakhstan, poluchaet maksimal'nyy kreditniy reyting agenstva Moody's". 03.07.2017. Retrieved from [<http://economy.gov.kz/ru/news/aziatskiy-bank-infrastrukturykh-investitsiy-souchreditelem-kotorogo-yavlyaetsya-kazakhstan>], accessed on October 17, 2018.

15 Akizhanov S. V Astane mozhet byt' sozdan regional'nyy hab Aziatskogo banka infrastrukturykh investitsiy – Kairat Kelimbetov. May 14, 2015. Retrieved from [<http://www.inform.kz/rus/article/2776271>], accessed on October 17, 2018.

16 Nazarbayev N.A. Nazarbayev predlozhit investoram realizovat' v Kazakhstane proekt Shelkoviy put'. 23.05.2012. Retrieved from [<http://russian.people.com.cn/31519/7824445.html>], accessed on October 19, 2018.

17 Koshanov A. Edinyi Poyas Shelkovogo Puti i Perspektivy Formirovaniya Ob'yedinennogo Evraziyskogo Ekonomicheskogo Soobshestva // Obshchestvo i Ekonomika. – 2016. - No.4. Retrieved from [https://inecon.org/docs/Koshanov_SE_4_2016.pdf], accessed on October 18, 2018.

18 Shymshykov Zh. Perspektivy Ekonomicheskogo poyasa "Shelkoviy Put". Kazpost. Wordpress. 04.05.2017. Retrieved from [<https://kazpost.wordpress.com/2017/05/04/perspektiv-econom/>], accessed on October 20, 2018.

ЖІБЕК ЖОЛЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ БЕЛДЕУІ АРҚЫЛЫ ҚЫТАЙДЫҢ ҚАЗАҚСТАНҒА ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӘСЕРІ

Нұрғалиева Л.Қ.¹,

¹ Нагасаки университетінің доценті

Нагасаки, Жапония

lyailya.nurgaliyeva@nagasaki-u.ac.jp

2013 жылдың қыркүйегінде ҚХР Төрағасы Си Цзиньпин Астанадағы Назарбаев Университетінде сөйлеген сөзінде Қытай мен Орталық Азияның Жібек жолы Экономикалық Белдеуін (ЖЖЭБ) құру үшін бірлесіп жұмыс істеуді ұсынды. Оның сөзі Қытайда және шетелдерде үлкен пікірталас тудырды. Қытайлық ғалымдар ЖЖЭБ-ны көрші елдермен экономикалық жоба ретінде қарайды, себебі Қытай өзінің саяси күші мен ықпалын кеңейтуге ниеттенбейді. Керісінше, қазақстандық ғалымдар, ЖЖЭБ әдетте, геосаяси сипаттағы проект деп есептейді. Бұл ғалымдар Қытайдың Орталық Азиядағы стратегиясын зерттегенімен, олар ЖЖЭБ-ның рентабельділігін, немесе оған белсенді қатысумен байланысты мүмкіндіктер мен тәуекелдіктерді талдаған емес. Бұл жобаның шынайы сипатын талдау және оған қатысу, Қазақстан үшін қандай мүмкіндіктер тудыратынын анықтау үшін ЖЖЭБ-ны толығырақ қарастырған өте маңызды.

Тірек сөздер: Қытай, Қазақстан, Жібек жолы Экономикалық Белдеуі, көлік және логистика хабы, Еуразия.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ КИТАЯ НА КАЗАХСТАН ЧЕРЕЗ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Нургалиева Л.К.¹,

¹Ассистант-профессор, Университет Нагасаки

Нагасаки, Япония,

lyailya.nurgaliyeva@nagasaki-u.ac.jp

В сентябре 2013 года генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин выступил с речью в Назарбаев университете в Астане, где предложил сотрудничество Китая и Центральной Азии в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Его речь вызвала большую дискуссию в Китае и за рубежом. Китайские ученые склонны рассматривать ЭПШП как экономический проект с соседними странами, утверждая, что Китай не намерен расширять свою политическую власть или влияние. Напротив, казахстанские ученые обычно видят в ЭПШП геополитический аспект по своей природе. Хотя эти исследователи изучили стратегию Китая в Центральной Азии, они не проанализировали рентабельность ЭПШП или возможности и риски, связанные с активным участием. Важно рассматривать ЭПШП детально, анализируя истинную природу этого проекта и того, что участие может означать для Казахстана.

Ключевые слова: Китай, Казахстан, Экономический пояс Шелкового пути, транспортно-логистический узел, Евразия.

Статья поступила 19.09.2018 г.

V БӨЛІМ. ЖАС ҒАЛЫМДАР ЗЕРТТЕУЛЕРІ
РАЗДЕЛ V. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
V PART. RESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS

“CENTRAL ASIA”
PROBLEMS OF INTEGRATION AT THE PRESENT STAGE

Muslim A.¹

¹ Undergraduate, Kazakh Ablai Khan University of International
Relations and World Languages,
Specialty “6M020200 - International Relations”
Almaty, Qazaqstan

The article deals with integration processes in the territory of Central Asia, based on the need for regional cooperation and cooperation. The author analyzes the situation at the present stage and studies the main problems faced by integration processes.

Keywords: Central Asia, regional integration, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, Tajikistan, a new big game.

УДК 327 (574/578)
МРНТИ 11.28

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ»
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Муслим А.¹

¹магистрант Казахского университета международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана,
Специальность «6M020200-международные отношения»,
Алматы, Казахстан

В статье рассматриваются процессы интеграции на территории Центральной Азии, основанные на необходимости регионального сотрудничества и кооперации. Автор анализирует ситуацию на современном этапе и изучает основные проблемы, с которыми сталкиваются интеграционные процессы.

Ключевые слова: Центральная Азия, региональная интеграция, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан, новая большая игра.

Регион Центральной Азии представляет собой обширную территорию, расположенную в центральной части Евразии, не имеющей прямого выхода на мировой океан. Центральная Азия, общую площадь которой составляют 3 994 400 кв. км, в целом занимает около 10% территории азиатского континента, представляя при этом важный геостратегический регион на карте мира. Несмотря на отсутствие точных определений границ, согласно общепринятому представлению,

данный регион состоит из современных государств Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Кыргызстана и Казахстана.

На протяжении истории Центральная Азия была известна как территория, соединяющая между собой Европу, Ближний Восток, Южную и Восточную Азию благодаря Великому шелковому пути, способствуя тем самым, взаимному обмену как материальных, так и нематериальных ценностей, в частности – опыта, достижений и мысли населяющих их народов [1].

Особенность Центральной Азии – наличие в ней солидных запасов нефти и газа, расположение транзитных и коммуникационных путей, стратегическое и геэкономическое значение Каспийского моря, контроль процессов добычи ресурсов и проходящих через регион энерготрасс. Стоит также упомянуть способность влияния на внутренние кризисы, а также наличие общих культурных, исторических и экономических интересов между центрально-азиатскими и соседствующими с ними странами. Все это делает Центральную Азию крайне важным регионом, как в глобальных процессах, так и в региональных.

Между государствами, которые имеют вековую историю совместного сосуществования, идеи интеграции и регионального сотрудничества кажутся естественными и закономерными. Назарбаев не раз говорил о необходимости объединяться. Взаимодополняемые экономики, отсутствие серьезных языковых барьеров, близость культур и истории, все это могло бы стать очагами интеграционных процессов, которая была бы экономически выгодна и политически закономерна [2].

И действительно, кооперация сил всех стран региона увеличила бы эффективность поддержания стабильности в регионе, повысила бы значимость Центральной Азии на международной арене, наладила бы экономическое и даже экологическое сотрудничества. И все же, перспективы объединения государств в организацию на подобии Европейского союза крайне туманны, и на то есть целый ряд причин.

Во-первых, это заинтересованность различных мировых игроков в регионе. Общая мировая тенденция – сокращение природных ресурсов, а Центральная Азия богата энергоресурсами, углеводородами, питьевой водой, следовательно, соперничество за регион будет только возрастать⁽³⁾. Более того, Новая большая игра в Центральной Азии будет включать в себя куда более пестрый состав, чем ее предшественница. В различной форме, заинтересованность в

Центральной Азии проявляют: Российская Федерация, Китай, США, европейские страны, Япония, Республика Корея, Индия, Турция, арабские страны, транснациональные корпорации, религиозные группы и многие международные организации.

Дело в том, что Россия в первые годы суверенитета оставалась занятой решением внутренних проблем. Все предпринимаемые Москвой попытки что-либо противопоставить растущему западному влиянию в странах СНГ носили бессистемный и непродуманный характер, что, безусловно, породило вакуум силы в регионе, который и привлек внимание остальных игроков. Борьба этих субъектов за раздел сфер влияния, безусловно, будет препятствовать интеграционным процессам, а обострение международных отношений и вовсе, может стать серьезным испытанием для самой идеи интеграции.

Во-вторых, это новые политические элиты некоторых центрально-азиатских стран. «Молодые» игроки куда реже смотрят на Москву и ее реакцию на их внешнеполитические инициативы. Центральная Азия понимает, что торговать и дружить с несколькими странами выгоднее, чем торговать и дружить с Москвой только. Разные центры силы продвигают различные проекты.

Китай заметно активизировал центрально-азиатское направление своей внешней политики. В целом, повышение интереса Китая к республикам ЦА продиктовано тем, что Пекин опасается установления геополитического контроля США над регионом и приближения зоны его влияния непосредственно к своим границам; хотел закрепить за собой хоть какой-то доступ к запасам нефти и газа Каспия на будущее.

Позиции Турции в ЦА начиная с 1995 г. постепенно ослабевают. Это было обусловлено переоценкой культурного и языкового родства с получившими независимость государствами региона и разношерстностью «тюркского мира». Большая часть этого мира не является субъектом международного права и живут преимущественно в России и КНР. Отрицательную роль также играет отсутствие у Турции общих границ с центрально-азиатским регионом.

Позиции Ирана с отменой международных санкций в регионе существенно не укрепились. Объектом наибольшего внимания Ирана остается родственник Таджикистан.

В качестве главного внешнего регулятора своих отношений с ЦА республиками Россия использует ситуацию в Афганистане. На данном этапе влияние России в сфере безопасности стран региона практически стало монопольным. Москве, по сути, удалось вытеснить

всех своих конкурентов из этой важной области геополитического влияния. В частности, добилась вывода американской военной базы из Кыргызстана.

Другим немаловажным фактором политики России стало стремление замкнуть на себе все транспортные коммуникации стран ЦА. Логика этого состоит в том, чтобы российские энергоресурсы стали предметом экспорта на Запад, а энергопотоки из ЦА обеспечивали внутренние потребности России. При этом Москва приобретает возможность получить не только большие прибыли от продажи энергоносителей, но и важный инструмент давления на ЦА государства.

И пока Москва не сможет загнать их всех в свой Евразийский Экономический Союз, говорить о серьезном уровне интеграции между странами Центральной Азии не приходится. Но даже если это случится, еще не факт, что Москва позволит этим странам дружить и объединяться.

В третьих, это соперничество стран региона за лидерство. После распада СССР, многие аналитики говорили о существующем, пусть и негласном, соперничестве между двумя лидерами Центральной Азии – между Исламом Каримовым и Нурсултаном Назарбаевым [4]. Оба правили в своих республиках еще до распада союза, оба удерживали власть на протяжении больше чем четверть века и оба хотели иметь решающее слово в вопросах, которые вставали на повестку дня в регионе.

С одной стороны, Казахстан, под руководством Нурсултана Назарбаева, это самое крупное государство региона, с самой большой экономикой и самым высоким ВВП на душу населения. Республика богата природными ресурсами, а руководство сумело установить дружеские и добрососедские отношения почти со всеми своими соседями и другими, не менее важными для нее странами, получив от них серьезные инвестиции.

С другой стороны, Узбекистан, под руководством Каримова, с молодым и бурно растущим населением самодостаточной экономикой и великой культурой. Страна была закрыта для инвестиций, государство имело монополию в подавляющем большинстве секторов экономики, а многие молодые узбекистанцы часто уезжали в Россию и Казахстан на заработки, работая в этих странах в качестве дешевой, почти рабской рабочей силы.

С третьей, это бедные Киргизия и Таджикистан и закрытый для

мира Туркменистан. Эти страны либо неспособны участвовать в гонке за лидерство, либо вовсе не желают в ней участвовать. Они заняты своими внутренними проблемами и не особо следят за международными трендами.

После смерти Каримова, многие аналитики предсказывали региону относительное спокойствие, а некоторые, даже говорили о возможном начале объединения стран в некий союз, где старшим братом и покровителем будет Нурсултан Назарбаев [5-6]. Новое руководство Узбекистана признавало авторитет лидера нации и выражало свое почтение и уважение успехам Казахстана. Совместной инициативой лидеров Казахстана и Узбекистана, в дни празднования Наурыз-байрама, 15 марта должна была состояться встреча всех лидеров Центральной Азии в Астане, но идиллия не продлилась долго [7]. Глава Туркменистана, Гурбангулы Бердымухамедов, отсутствовал [8], чем, по мнению экспертов, продемонстрировал неуважение и незаинтересованность в консультативной встрече лидеров. Вместо него приехала Акджа Нурбердыева, спикер Парламента, чей собственный политический вес в ее родной Туркмении не велик. Можно ли это считать оскорблением, покажет время.

Пока что мы видим, что даже после смерти Каримова, элита Центральной Азии все еще не готова серьезно смотреть на перспективу объединения, особенно, если для этого требуется признавать чье-то первенство. Договора и соглашения не выполняются и забываются сразу же после отъезда лидеров с очередного саммита.

Сам вопрос об объединении многие эксперты считают чисто риторическим. Он звучал и ранее, но движения в этом направлении не было, поскольку у каждого есть свое, разное видение собственных интересов, будь то энергопользование, водопользование, транспорт.

ЛИТЕРАТУРА

1 Дабири А. Оценка места Центральной Азии, занимаемого в геополитических теориях. // Центральная Азия и Кавказ. - 1390 (хиджры).- №73. - С. 61-84.

2 Интервью Президента Казахстана Н.А. Назарбаева. Рывок в будущее // CentralAsiaMonitor. -2007. -13 апреля. - №14.

3 О перспективах интеграции стран Центральной Азии партии.– Режим доступа: <http://eurasianews.info/politika/>– (дата обращения 15.04.2018).

4 Смолин А. Продолжит ли Казахстан соперничать с Узбекистаном? – Режим доступа: <https://total.kz/ru/news/politika/>– (дата обращения 15.04.2018).

5 Куанышбек К. В Центральной Азии остался единственный президент с советских времён партии.– Режим доступа: <https://rus.azattyq.org/a/>– (дата обращения 15.04.2018).

6 Кубашев А.Е. Анализ освещения вопросов мировой политики, международных отношений в специальных изданиях // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2017. – № 3. – С.28.

7 Карин Е. Встреча глав стран Центральной Азии станет серьезным прорывом.– Режим доступа: <http://today.kz/news/kazakhstan/2018>.– (дата обращения 15.09.2018).

8 Глава Туркменистана не приедет на саммит глав государств Центральной Азии.– Режим доступа: <https://ru.sputniknews-uz.com/world>.– (дата обращения 15.08.2018).

«ОРТАЛЫҚ АЗИЯ» ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ИНТЕГРАЦИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Мүслим А.¹,

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар
және әлем тілдері университетінің магистранты

Мамандық «6M020200 - Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан

Мақалада Орталық Азиядағы аймақтық ынтымақтастық пен ынтымақтастыққа негізделген интеграциялық үдерістер талқыланады. Автор қазіргі кезеңдегі жағдайды талдайды және интеграциялық үдерістердің алдында тұрған негізгі проблемаларды зерттейді.

Тірек сөздер: Орталық Азия, өңірлік интеграция, Қазақстан, Өзбекстан, Қырғызстан, Түрікменстан, Тәжікстан, жаңа үлкен ойын.

Статья поступила 17.09.2018 г.

“GREAT GAME” NEW BIG GAME IN CENTRAL ASIA AND ITS IMPACT ON INTEGRATION PROCESSES IN THE REGION

Muslim A.¹,

¹Undergraduate of the Abylai khan

Kazakh University of International relations and world languages,
Specialty “6M020200-International Relations”Almaty, Qazaqstan,

The article is devoted to the phenomenon of the New Great Game in the Central Asian region and studies the possibilities of the influence of the confrontation of the great powers on the integration processes of the Central Asian states.

Keywords: New big game, Central Asia, integration, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan.

УДК 327.3

МРНТИ 11.27

«БОЛЬШАЯ ИГРА» НОВАЯ БОЛЬШАЯ ИГРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ

Муслим А.¹

¹магистрант Казахского университета международных отношений и мировых
языков имени Абылай хана,

Специальность «6M020200-международные отношения», Алматы, Казахстан

Статья посвящена феномену Новой Большой игры в регионе Центральной Азии и изучает возможности влияния противостояния великих держав на интеграционные процессы центрально-азиатских государств.

Ключевые слова: Новая большая игра, Центральная Азия, интеграция, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан.

Что такое Центральная Азия для России, Китая, Соединенных Штатов, Европы, арабских стран и многих других субъектов международной политики? Чем так примечателен этот регион, что за контроль над ним разгорается уже вторая по счет «Большая игра» между великими державами?

После распада СССР Центральная Азия оказалась в центре внимания различных внешних сил. Регион оказался на пересечении интересов как региональных, так и глобальных игроков[1].

В современном политическом понимании Центральная Азия это Кыргызстан, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан и Казахстан, который, однако, в последнее время стремится выделить себя из региона, заявляя о своем евроазиатском положении. Существует и другие определения, в частности, по определению ЮНЕСКО, регион включает Монголию, Западный Китай, Пенджаб, северную Индию и северный Пакистан, северо-восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таёжной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии.

Центрально-Азиатский регион является таковым в силу своего естественно-географического, геополитического и культурно-исторического своеобразия. Долгое время Центральная Азия находилась на задворках мировой политики в силу большого количества естественных внешних преград – Кара-Кум и Каспий на западе, степи, солончаки, казахские пустыни на севере, на западе китайские пустыни, а на юге горы Афганистана, Памир, пустыни Бактрианской низменности. Но современное развитие техники и транспорта позволяют переломить тенденцию[2].

В 20 веке Центральная Азия соединена с Россией железнодорожным и автомобильным транспортом, газо- и - нефтепроводами. В 90-ые из Туркмении проведена железнодорожная ветка в Иран (Мешхед), а в двухтысячные нефте- и газопроводы связали регион с Китаем. Страны ЦА могут контролировать все кратчайшие трансконтинентальные пути, к тому же их границы выходят ктыловым, наименее защищенным и развитым регионом крупнейших Азиатских государств – Китая и России.

Площадь Центральной Азии – 3 миллиона 916 тысяч квадратных км. Население: около 71 миллионов. В дальнейшем демографический потенциал региона будет только увеличиваться, что приведёт к

давлению на рынок труда, как самих этих стран, так и России с Казахстаном, поскольку наибольший поток мигрантов идёт именно в эти страны. Регион богат ресурсами, так на ЦА приходится 3 % мировых запасов нефти, 7 % запасов газа, 25 % мировых запасов урана находятся в Казахстане. К тому же Узбекистан обладает 4 местом по количеству разведанных запасов золота. И этот ресурсный потенциал делает Центральную Азию местом стратегического сотрудничества и противоборства великих держав, которые во имя обеспечения своих потенциальных поставок и интересов могут пойти и на военное вмешательство, о чём свидетельствует размещение американских, русских, и даже французских и немецких баз [3].

Возвращение России в регион предполагало создание институциональной платформы, что выразилось в появлении таких организаций, как ОДКБ, нацеленной на сотрудничество в сфере безопасности, или Евразийский экономический союз, предполагающий создание единого рынка.

Одним из самых развитых направлений сотрудничества РФ со странами Центральной Азии является военное сотрудничество. Соседство с Афганистаном, СУАО предполагает многочисленные угрозы, связанные, прежде всего, с распространением радикального исламизма. Военные базы РФ размещены в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане на основе долгосрочных межгосударственных договоров аренды. Не имея на данный момент экономических и технических возможностей для создания собственного мощного военного потенциала, страны Центральной Азии пользуются помощью северного соседа, интегрируясь тем самым в локальный комплекс безопасности, инициированный Россией [4].

Различные объединения на территории постсоветского пространства также имеют целью поддержание политических связей на высшем уровне, сформировавшихся еще в советскую эпоху. Лидеры стран ближнего зарубежья — это представители все той же советской политической элиты, назначенные с согласия Москвы. Эти связи активно поддерживаются российской стороной, о чем говорит визит Владимира Путина в Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан в феврале 2017 года, направленный на укрепление «геополитической лояльности». Во-вторых, политическая структура и культура стран Центральной Азии во многом схожа с российской, что благоприятствуют взаимопониманию с обеих сторон и способствуют многостороннему сотрудничеству [5].

К тому же, со времен СССР сохраняются тесные экономические связи, в частности, связанные с потоками рабочей силы. Так, по данным МВД РФ, на конец 2016 года только граждан Узбекистана на учет было поставлено более 3 млн. человек. Этот факт предоставляет российской стороне преимущество в ходе переговоров с лидерами стран Центральной Азии, когда для достижения согласия используются послабления в области миграционного законодательства в отношении рабочих мигрантов. Так, например, в ходе вышеупомянутого визита в Киргизскую республику, Президент РФ подчеркнул роль России в экономике страны, обратив внимание на тот факт, что «благодаря вступлению Кыргызстана в ЕАЭС за девять месяцев прошлого года на 18,5% выросли переводы из России киргизских трудовых мигрантов — до \$1,3 млрд., что составляет почти треть ВВП страны»[6].

Проект «Один пояс, один путь», запущенный по инициативе председателя КНР Си Цзиньпина, находится еще в разработке, и хотя был выпущен ряд программ, обозначающий его цели, задачи и сферы действия, до сих пор отсутствуют четкие рамки его деятельности. В общем плане, проект представляет собой долгосрочные амбиции по развитию экономического сотрудничества, внутренней взаимосвязанности и инфраструктурного прогресса Евразийского региона под эгидой КНР⁽³⁾.

К тому же, являясь крупнейшим потребителем нефти, Китай, естественным образом заинтересован в ресурсах Центральной Азии, некогда находившихся под монополией СССР⁽⁴⁾. Почти половина китайского импорта нефти приходится на Ближний и Средний Восток, и, таким образом, перед Китаем встает задача его диверсифицировать, что и обуславливает его поворот в сторону западных соседей.

Уточняется, что инициатива КНР не предполагает соперничества с влиянием других акторов или какое-либо ограничение их деятельности в регионе. Тем не менее, можно ли предположить, что проект, опирающийся по большей части на китайские финансовые ресурсы и направленный на развитие стран с относительно низкими экономическими показателями, не несет в себе политической составляющей? Стоит принять во внимание тот факт, что «Один пояс, один путь» — это едва ли не первый проект такого масштаба со времени основания КНР, и его принятие совпадает с тем временем, когда темпы экономического роста Китая заметно снизились по сравнению с показателями, явившимися следствием активного подъема в результате политики реформ и открытости Дэн Сяопина[7].

Более того, на начало XXI века пришлось появление инициативы создания Транстихоокеанского партнерства (ТТП), исключающего участие Китая и нацеленного на создание экономического объединения в противовес КНР. В данном контексте вполне логично предположить, что проект сам по себе — это некий ответ инициативе ТТП, а также реакция на снижение экономического роста. Чтобы дать экономике новый импульс развития, Китай предпринимает «поворот на Запад» в поисках новых рынков сбыта китайских товаров и новых возможностей для инвесторов.

США по-прежнему заинтересованы в создании в Центральной Азии регионального энергетического рынка, связанного с Афганистаном, Европой, Южной и Восточной Азией⁽⁶⁾. Пока что усилия США сосредоточивались на реализации плана по строительству газопровода из Туркмении в Афганистан, Пакистан и Индию (ТАПИ). В декабре 2015 года в Туркмении прошла церемония закладки ТАПИ с участием лидеров всех четырех государств. Однако реализация этого проекта остается под вопросом. Туркмения оказалась трудным партнером, и, возможно, у нее попросту не хватит газа, чтобы полностью выполнить все свои контрактные обязательства. Кроме того, сохраняются проблемы с финансированием строительства, а также долгосрочные угрозы его безопасности в Афганистане и Пакистане. Ядерное соглашение «5+1» с Ираном также может повлиять на развитие событий на энергетическом рынке в регионе — не исключено, что будут возобновлены трубопроводные проекты и другие связи между Центральной и Южной Азией.

Коммерческим интересам США отвечает и другой путь — расширение регионального экономического сотрудничества и диверсификация экономики стран Центральной Азии за пределы добычи и экспорта природных ресурсов. Соединенным Штатам следует воспользоваться вступлением Казахстана во Всемирную торговую организацию в 2015 году, а также готовностью этой страны и Киргизии подчиниться стандартам Инициативы прозрачности в добывающих отраслях (ИПДО) — чтобы подтолкнуть центрально-азиатские государства к сотрудничеству с международными финансовыми институтами. Это поможет сделать деловой климат в этих странах более открытым и правовым. Стимулирование прозрачности и подотчетности в этой области могло бы способствовать достижению целей США по распространению в регионе верховенства закона.

Другие игроки также имеют свои, отличные от великих держав интересы в Центральной Азии, что, безусловно, будет иметь огромное влияние на развитие региона и всех процессов, которые будут

протекать в нем. Как это скажется на интеграционных процессах, еще неизвестно, вполне возможно растущая интеграция может сделать «Большую игру» не нужной. Правда, это - перспектива, скорее, целого столетия, если не больше.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Современная Центральная Азия и ее перспективы.– Режим доступа:<http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica>.– (дата обращения 28.04.2018).
- 2 Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. – М., 2010.
- 3 Болонина А. Новая “Большая игра” в Центральной Азии.– Режим доступа: <http://internationalstudies.ru>.– (дата обращения 28.04.2018).
- 4 Воробьев А. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России.– Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics>.– (дата обращения 28.04.2018).
- 5 Бондал К. «Один пояс, один путь» - геополитический проект для Китая.– Режим доступа: <https://kapital.kz/>– (дата обращения 28.04.2018).
- 6 Политика США в Центральной Азии. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/>– (дата обращения 28.04.2018).
- 7 «Большая игра»: метафора или реальность? – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/book/>– (дата обращения 28.04.2018).

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ЖАҢА ҮЛКЕН ОЙЫН ЖӘНЕ ОНЫҢ АЙМАҚТАҒЫ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ҮРДІСТЕРГЕ ЫҚПАЛЫ

Мүслім А.¹,

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университетінің магистранты

Мамандық «6М020200- Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан

Мақала Орталық Азия аймағындағы Жаңа Үлкен ойын феноменіне арналған және Орталық Азия мемлекеттерінің интеграциялық үдерістеріне ұлы державалардың қарсыласуының ықпалын зерттейді.

Тірек сөздер: Жаңа үлкен ойын, Орталық Азия, интеграция, Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан, Түрікменстан, Тәжікстан.

Статья поступила 21.09.2018 г.

THE CONCEPT OF NATIONAL SECURITY OF KAZAKHSTAN AS GUARANTEE OF PROVIDING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

Tuyakbayeva A.B.¹,

¹MA student of the Ablai khan Kazakh University of International relations and
world languages, Specialty “6M020200-International Relations”

Almaty, Kazaqstan, ainurka21_94@mail.ru

This article is examine some aspects of national security after Kazakhstan joins to the World Trade Organization. This problem is very urgent now. In this article, the concepts of Kazakhstan’s national security as a guarantor of ensuring sustainable development of the country are noted.

Keywords: national security, globalization, international relations, political science, national interests, sustainable development of the country, military security, foreign policy priorities.

УДК 327 (574-578)
МРНТИ 11.26

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА КАК ГАРАНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Туякбаева А.Б.¹,

¹магистрант Казахского университета международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана,
Специальность «6М020200-международные отношения»,
Алматы, Казахстан, E-mail: ainurka21_94@mail.ru

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты национальной безопасности после вступления Казахстана к Всемирной торговой организации. Данная проблема очень актуальна в настоящее время. В данной статье отмечены концепции национальной безопасности Казахстана как гарант обеспечения устойчивого развития страны.

Ключевые слова: национальная безопасность, глобализация, международные отношения, политология, национальные интересы, устойчивое развитие страны, военная безопасность, приоритеты внешней политики.

Национальная безопасность является основой любого современного государства, в том числе и Казахстана, так как включает в себя не только военную безопасность, но и представляет собой систему мер, призванных нейтрализовать, устранять, минимизировать угрозы национальным интересам в условиях глобализации международных отношений.

Одним из наиболее важных документов политики обеспечения национальной безопасности, после специализированного закона, является Концепция национальной безопасности, которая определяется как официально принятая система взглядов и мер по обеспечению защиты конституционных прав личности и граждан, ценностей казахстанского общества, основополагающих государственных институтов. В научном обиходе под Концепцией национальной безопасности Республики Казахстан понимают целостную систему политической теории, взглядов, применения средств защиты без использования атомного оружия, предупреждения и преодоления угроз как извне, так изнутри для благополучного развития личности, семьи, нации, общества и государства, одновременно опирающиеся на высокую патриотичность граждан.

Отсюда вытекает основные приоритеты внешней политики

Республики Казахстан - не применение силы, приоритет не силовых методов урегулирования спорных моментов и конфликтных ситуаций. Тем не менее, факторы национальной безопасности можно разделить на 2 группы военные и невоенные.

К первой группе факторов относятся:

- состояние Вооруженных сил,
- мобилизационные возможности (людские, материальные, финансовые); состояние возможных театров военных действий;
- наличие (отсутствие) военных союзников,
- участие (неучастие) в военно-политических союзах и других межгосударственных и коалиционных группировках.

Ко второй группе относятся:

- природно-экономические условия страны;
- геополитический фактор: размеры и освоенность территории;
- протяженность и состояние государственных границ;
- характер отношений с сопредельными странами;
- социальный фактор: жизненный уровень населения, его политический, культурно-образовательные, нравственные, профессиональные, демографические, этнические характеристики;
- состояние государственной и информационной безопасности государства [1].

Национальная безопасность есть многоуровневая функциональная система, внутри которой постоянно происходят процессы взаимодействия и противоборства жизненно важных интересов личности, общества, государства с реальными и потенциальными угрозами этим интересам как внутренними, так и внешними. Национальную безопасность образует целый ряд подсистем, каждая из которых имеет свою собственную структуру. Национальная безопасность по своей приоритетности подразделяется на следующие уровни: безопасность личности, общества, государства. Базовой в этой системе является личность, следовательно, главным приоритетом в деятельности по обеспечению национальной безопасности являются человеческие факторы: гарантия реализации основных прав и свобод человека, качество жизни людей, создание условий для реализации способностей каждого человека, его всестороннего развития и др. Второй уровень - безопасность общества - складывается как совокупная характеристика безопасности каждого человека. А это подразумевает создание условий для развития экономики, науки, техники, культуры, морали, здравоохранения и т.п. Третий уровень - безопасность

государства - связана, прежде всего, с сохранением конституционного строя, обеспечением суверенитета и территориальной целостности. Во внутривнутригосударственном плане государство обязано служить интересам каждого человека и общества в целом. Несмотря на приоритетность безопасности личности, необходимо учитывать, что все они имеют важное значение.

Национальная безопасность любого государства формируется на основе национальных интересов и угроз этим самым национальным интересам. При этом следует заметить, что под национальными интересами подразумеваются интересы нации-государства, так как в условиях полиэтнического Казахстана понятие национального интереса тесно связано с идеей государственности не одной только казахской нации, а всего народа Казахстана. Тем не менее, детальный анализ трудов, посвященных данной теме в отечественной и зарубежной политологии, показал, что национальными интересами называются те интересы, которые определены в соответствии с представлениями людей, находящихся во власти. То есть не исключена возможность того, что под национальными интересами скрываются интересы власть предержащих. В этом плане национальная безопасность выступает одним из основных понятий, используемых современным государством для легитимизации своих действий. Это в свою очередь связано с тем, что обеспечение национальной безопасности связывается с обладанием государством монополии на законное насилие. Соответственно государство выстраивает политику обеспечения национальной безопасности.

Несмотря на то, что в казахстанской научной мысли уже пришли к выводу, что национальная безопасность это чрезвычайно сложная многоуровневая функциональная система, в которой непрерывно происходят процессы взаимодействия и противоборства жизненно важных интересов личности, общества, государства, в казахстанском законодательстве не предусмотрена, возможность такого противоборства. Здесь прослеживается советская традиция, когда объявлялось о тождественности и неразрывности общественных интересов и государственных интересов, что в корне не верно. Более того, власти отрицают необходимость развития демократического механизма для определения национальных интересов, так как национальные интересы ясны государству и обществу, и поэтому бесспорны. Вследствие этого, несмотря на то, что современный мир не стоит на месте, изменяется геополитическая структура мира,

соответственно, появляются новые вызовы и угрозы национальным интересам стран, что требует пересмотра системы национальных интересов. К примеру, в США - национальные интересы определяются ежегодным посланием Президента Конгрессу, в Великобритании - речью Королевы в парламенте, и это несмотря на то, что у этих стран существует специализированный закон о национальной безопасности.

Тем не менее, такой практики - определения современных, отвечающих требованиям времени системы национальных интересов - в Казахстане не существует. Также, как и неизменными остаются подсистемы национальной безопасности Республики Казахстан, тогда как остро стоит необходимость их обновления в связи с развитием, как государства, так и всего мира. Причем наиболее важной и приоритетной для государства остается экономическая безопасность. Так как экономика является концентрированным выражением политики, в силу чего потеря экономической независимости послужит потере независимости политической.

В свою очередь система мер по достижению целей нации, защите ее интересов и отражению угроз в сочетании с их ресурсным обеспечением составляют стратегию обеспечения национальной безопасности, основные компоненты которой подразделяются на: политические, военные, экономические, социальные, экологические. Для всех мер по обеспечению безопасности свойственна большая взаимозависимость. При этом, существует прямая зависимость между безопасностью и стабильностью: степень стабильности системы пропорционален уровню ее безопасности.

Построение концепции национальной безопасности имеет несколько этапов: определение национальных интересов, реальные и потенциальные угрозы этим интересам, формулирование политики предотвращения или нейтрализации угроз (политика национальной безопасности). Политика национальной безопасности - это сознательная деятельность, направленная на достижение целей в соответствии с национальными интересами.

В глобальном плане система национальной безопасности любого государства тесно взаимоувязана с глобальной и региональными системами безопасности, следовательно, с системами безопасности соседних стран. В современном мире, в условиях глобализации стираются индивидуальные особенности государства и его населения, что способствует формированию общей стратегии национальной безопасности.

В этом плане построение собственной системы национальной безопасности, способствует сохранению самобытности страны. И здесь первостепенная роль отводится определению национальной идеи, а также национальной идеологии, так как последняя неразрывно связана с национальной безопасностью через понятие «национальные интересы». Как отмечают исследователи, идеология формирует национальную безопасность, а она в свою очередь, сохраняет идеологию.

Касательно, Казахстана, то в первую очередь необходимо указать на то, что так как термин «национальная безопасность» пришел в казахстанский политологический обиход из западной мысли, где под данным понятием имеется в виду безопасность всего народа, то очевидно, что и в случае Казахстана необходимо придерживаться именно такой трактовки. В свою очередь, безопасность народа крепко переплетена с национальной идеей, национальными интересами, которые не связаны ни с какой преходящей политической системой, формой правления, партией, тем более с отдельными правителями.

Здесь необходимо разобраться с терминологией, которая будет использоваться в последующем в работе. Так, под национальной безопасностью следует понимать состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства во всех сферах их жизнедеятельности от реальных и потенциальных внутренних и внешних угроз и опасностей, которые будут обеспечивать их устойчивое развитие. Причем национальная безопасность есть состояние защищенности не только одной нации государства, а всего народа. При этом под термином «народ», мы используем то определение, которое дает этнологический словарь - «население государства, страны, субъект истории, совокупность тех классов, наций, социальных групп данного общества, которые имеют одну историческую судьбу» [2]. При этом следует обозначить, что в Казахстане, согласно Конституции, на его территории, сформировалась и столетиями проживает одна единственная нация - нация казахов, которая имеет право создавать свою национальную государственность. У представителей других этнических групп, есть исконная родина, где живут соответствующие нации, но поскольку они являются гражданами Республики Казахстан, но не будучи в Казахстане нациями, они могут находиться в политико-правовой связи с государством как часть его населения, народа [3]. Об этом, также писал О.Бауэр, который ратовал за то, что нация - это, в основном, культурная естественная общность, общность территории

выступает лишь для государственного оформления нации [4].

Систему национальной безопасности следует понимать, как состояние и условия защищенности, построенные народом, посредством государства, на основе системы расчета национальных интересов, реальным и потенциальным угрозам этим национальным интересам.

В этой связи, по нашему мнению, определение политики национальной безопасности в демократических государствах есть способность общества страны, путем открытых выборов делегировать полномочия отдельным лидерам и партиям, для обеспечения высокого уровня жизнедеятельности общества в целом, который повлечет наиболее эффективное развитие общества, следовательно, каждого гражданина и человека.

Таким образом, в демократических странах национальная безопасность действительно является национальной, то есть народной, так как народ посредством выборов делегирует свои полномочия той или иной партии, политическому лидеру, который сформулировал свои цели и приоритеты в предвыборной программе, составленной путем консультаций с общественностью. На основе этих целей и приоритетов, партия или лицо, избранное в парламент или на должность президента (в зависимости от формы правления) формирует национальные интересы, которые в свою очередь образуют национальную безопасность. Тем не менее, национальные интересы в развитых странах - США, Франция, Великобритания - остаются неизменными на протяжении длительного времени, и находят свое продолжение вне зависимости от того, какая партия или лидер пришел к власти [5].

Национальные интересы коррелируются только с требованиями времени, к примеру, появлению новых вызовов и угроз, базовые же национальные интересы остаются неизменными и постоянными. Это связано с тем, что в данных странах давно сформировалась национальная идея, закрепленная в Конституции. Таким образом, национальная безопасность формируется на базе национальной идеи, которая формулирует базовые национальные интересы, защита которых как раз таки отводится выбору политики обеспечения национальной безопасности. В этой связи национальные интересы должны быть не перманентными, а устойчивыми и постоянными.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бектурганова Б. Мы живем в «обществе повышенных рисков» //Трибуна. Коммунист Казахстана. – 2016. - 27 января; Султангалиев С. Против кого дружить Казахстану в новом году? // Трибуна. Коммунист Казахстана. – 2016. - 13 января.
- 2 Отчет по человеческому развитию ООН. - Нью-Йорк: Оксфорд, 1994. – С.176.
- 3 Общая теория национальной безопасности / Под общ.ред. А.А. Прохожева. – М.: Издательство РАГС, 2005. – 344 с.
- 4 Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition. - NewYork, 1955.
- 5 Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Издательство Юрайт, 2015. - 316 с.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҰЛТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІК ТҰЖЫРЫМДАМАСЫ ЕЛДІҢ ТҰРАҚТЫ ДАМУЫН ҚАМСЫЗДАНДЫРУ КЕПІЛІ РЕТІНДЕ

Туякбаева А.Б.¹,

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
өлем тілдері университетінің магистранты
Мамандық «6M020200 - Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан,
E-mail: ainurka21_94@mail.ru

Бұл мақалада Қазақстанның Дүниежүзілік сауда ұйымына енуінен кейінгі ұлттық қауіпсіздіктің кейбір аспектілері талқыланды. Бұл мәселе қазір өте өзекті. Бұл мақалада Қазақстанның ұлттық қауіпсіздігінің тұжырымдамалары еліміздің тұрақты дамуын қамтамасыз ету кепілі ретінде қарастырылады.

Тірек сөздер: ұлттық қауіпсіздік, жаһандану, халықаралық қатынастар, саясаттану, ұлттық мүдделер, елдің тұрақты дамуы, әскери қауіпсіздік, сыртқы саясаттың басымдықтары.

Статья поступила 21.09.2018 г.

PROBLEMS OF FORMATION OF NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF COUNTER-PROPAGANDA AGAINST TERRORISM AND RELIGIOUS EXTREMISM IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Klygov D.V.¹,

¹Master of arts, Ablai khan
Kazakh University of International relations and world languages,
Specialty “6M020200-International Relations”
Almaty, Kazakhstan, klygovdenis@gmail.com

In this article an author analyzes the problems of the formation of national identity in the Republic of Kazakhstan as a key element in building a system of propaganda against terrorism and religious extremism. The author reveals the system of propaganda of the terrorist organization «Islamic State» through the models of «formation of perception and polarization of support» and the model of «cyclic cognitive strengthening» by H.J Ingram, thereby demonstrating the central role of forming group identities as one of the fundamental bases of the system of propaganda.

Keywords: Qazaqstan, propaganda, terrorism, religious extremism, national identity.

УДК 327
МРНТИ 11.25

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОНТР-ПРОПАГАНДЫ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Клыгов Д.В.¹,

¹Магистр Казахского университета международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана
Специальность «6М020200 – Международные отношения»
Алматы, Казахстан, klygovdenis@gmail.com

В данной статье автор анализирует проблематику формирования национальной идентичности в Республике Казахстан как ключевого элемента в построении системы пропаганды против терроризма и религиозного экстремизма. Автор раскрывает систему пропаганды террористической организации «Исламское Государство» через модели «формирования восприятия и поляризации поддержки» и модель «циклического когнитивного укрепления» Х.Дж.Ингрэма, тем самым демонстрируя центральную роль формирования идентичностей групп как одной из фундаментальных основ пропаганды.

Ключевые слова: Казахстан, пропаганда, терроризм, религиозный экстремизм, национальная идентичность.

Проблема терроризма и религиозного экстремизма все еще остается актуальной в Республике Казахстан. В частности, остро стоит проблема распространения пропаганды терроризма и религиозного экстремизма. Уполномоченными органами в последние годы был предпринят ряд мер, среди которых основным направлением значились мониторинг и блокировка запрещенных материалов в интернет пространстве. В отчете к «Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы» комитет национальной безопасности указывает, что «В целях ограждения пользователей Интернет и социальных сетей от влияния пропаганды терроризма проводится мониторинг информационного пространства на предмет соблюдения законодательства Республики Казахстан. В Интернете и социальных сетях заблокировано более 620 тыс. материалов (2015 – 150 тыс., 2016 – 700 тыс.) с пропагандой терроризма и экстремизма» [1, с.8]. Так же, на коллегии Министерства информации и коммуникаций в феврале 2018 года, министр информации и коммуникаций РК Даурен Абаев сообщил, что было заблокировано 9000 сайтов, на которых был размещен контент, запрещенный в РК.

Однако, блокировка не является панацеей от распространения материалов, как не является и самым эффективным методом борьбы

с пропагандой терроризма и экстремизма. По словам того же Даурена Абаева, механизм блокировки выглядит следующим образом. Выявляется экстремистский контент (любого формата), например, в социальной сети «ВКонтакте», и сотрудник, обнаруживший это (мониторинг до сих пор ведется в ручном режиме) сообщает о найденном. Заблокировать всю социальную сеть нельзя, так как это может обернуться большим скандалом (как это было с блокировкой того же ВКонтакте на территории Украины), поэтому приходится отправлять уведомление, либо обращаться в администрацию социальной сети с просьбой удалить материал. Как правило, крупные социальные сети идут на контакт и удаляют материал. Однако интернет не состоит целиком и полностью из социальных сетей, в связи с этим, в случае, если администрация конкретного сайта не отвечает, или отказывается удалять контент – ресурс блокируется.

Исходя из вышесказанного, блокировка вовсе не означает, что контент был удален. Получается, обращаясь к отчету комитета национальной безопасности, материалы так и остались в свободном доступе на определенных ресурсах, только доступ к ресурсу при этом ограничен для граждан Республики Казахстан. Однако, на практике, и блокировка, в общем то, не означает то, что не существует путей обхода данной блокировки. Речь идет о сервисах VPN. Смысл VPN заключается в том, что после подключения к серверу провайдера и при попытке подключения к желаемому ресурсу, подключение произойдет не напрямую, а через сервер поставщика услуг VPN. При этом трафик (поток данных), шифруется, и изначальная геолокация пользователя подменяется, например с Республики Казахстан на США, Швецию, Канаду, Германию и т.д. В итоге выходит, что поставщик услуг знает лишь то, что человек подключился к какому-либо не запрещенному серверу, и на этом цепочка кончается. Учитывая, что канал зашифрован, провайдер так же не может знать, на какие именно ресурсы заходил его клиент и какие материалы оттуда скачивал. Следовательно, об этом и не могут знать правоохранительные органы. В итоге, доступ к запрещенному на территории Казахстана ресурсу обходится.

Государство понимает, что такие методы возможны, и старается перекрыть и этот способ. Были попытки запретить использование таких сервисов. В частности, решением суда 10 сентября 2014 года в Казахстане были запрещены сайты, для обхода блокировки информации, при этом не был назван суд, решением которого это было запрещено [2]. Так же, в марте 2018 года решением суда

был заблокирован один из платных VPN-сервисов «IPVanish» [3]. Отвечая на вопросы, касательно блокировки Даурен Абаев сказал, что требования по блокировке доступа были включены в исковые заявления Министерства Информации и Коммуникации, которое было подано в суды Астаны и Алматы, по причине того, что VPN-сервис используется для обхода технических возможностей операторов связи, применяемых для нераспространения в стране незаконных материалов. На то, как им это удалось доказать Даурен Абаев не отвечает.

Желание оградить граждан от опасного контента в целом понятно, однако существуют проблемы с реализацией. VPN сервисов с каждым годом становится все больше и больше, и заблокировать все не составляет возможности в принципе. Более того, многие пользуются подобным программным обеспечением свободно распространяемым через AppStore и GooglePlayMarket, для использования данного ПО на смартфонах. Более того, это вызывает однозначно негативные реакции правозащитников, так как в соответствии со статьей 18 Конституции Республики Казахстан каждый имеет право на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных разговоров почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ведь, не каждый VPNсервис может использоваться именно для того, чтобы получать доступ к экстремистским материалам. В итоге, касательно VPN мы имеем следующую картину: МИК не обладает возможностями запретить все сервисы, как следствие – эффективность блокировок существенно снижается.

В последние годы, как показывают результаты отчетности правоохранительных органов, особое влияние на граждан Казахстана имела группировка Исламское Государство. Согласно отчетности, изложенной КНБ в «Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы» за последние четыре года не допущен выезд в зоны террористической активности 440 рекрутов-казахстанцев (2014 год – 136, 2015 год – 151, 2016 год – 91, 2017 год – 62) [1, с.8]. Однако, согласно словам замглавы МИД Казахстана Ержана Ашикбаева, на момент 2017 года на территории ИГ находилось около 500 казахстанцев [4]. Более того, теракт в Актобе 2016 г. был спровоцирован аудиозаписью призыва на русском языке представителя ИГ аль-Аднани. В настоящее время в тюрьмах Казахстана отбывают наказание более 400 осужденных, получивших срок за экстремизм и терроризм. Согласно данным КНБ, среди них есть и возвращенные и вернувшиеся из третьих

стран (125 граждан Казахстана), из них 57 привлечены к уголовной ответственности за участие в террористической деятельности [1, с.8]. Так же доподлинно неизвестно, сколько граждан республики, подведенных пропаганде радикальных течений все еще не выявлены и не привлечены к ответственности. Конечно, группировка сейчас потеряла большинство завоеванных земель, и в целом, ее успехи, скорее всего, останутся в прошлом.

Модель пропаганды современных террористических организаций

Все говорит о том, что необходимо разработать эффективную системы пропаганды. Но чтобы понять, как противодействовать пропаганде, нужно понимать, как она ведется. В первую очередь стоит отметить, что спектр пропагандистских материалов ИГ был достаточно широк: полнометражные фильмы, короткие ролики, журналы, фоторепортажи, нашивки (песни) и обращения. Каждый, кто хоть раз сталкивался с данным контентом мог заметить, что сделан он на достаточно высоком уровне, что безусловно играло свою роль. Однако, исследователю интересна не столько внешняя оболочка, сколько модели идеологического воздействия, реализующиеся посредством использования пропагандистских материалов. Доктор Хароро Дж. Ингрэм, в своем труде «The Charismatic Leadership Phenomenon in Radical and Militant Islamism» приводит 2 модели: «модель формирования восприятия и поляризации поддержки» (поляризация англ.topolarize – что-то или кого-то разделить на 2 противоположных направления) и «модель циклического когнитивного укрепления» [5, с.82] (схема 1).

Источник: *переведено и адаптировано автором под анализ Исламского Государства на основании материалов из HaroroJ. Ingram. The Charismatic Leadership Phenomenon in Radical and Militant Islamism. Routledge, 2014.*

Схема 1 - Модель формирования восприятия и поляризации поддержки

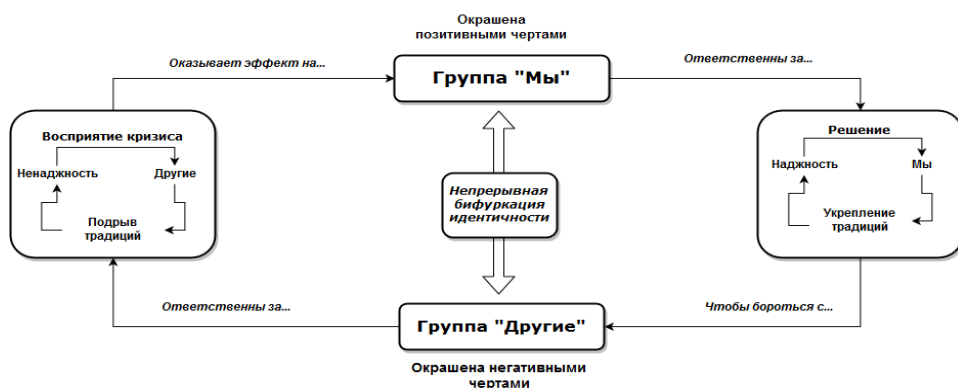
Перекладываемая модель на пропаганду ИГ мы имеем следующую картину. Понимая, что эффективное формирование восприятия аудитории и поляризация их поддержки будет иметь решающее значение для побуждения сторонников ИГ на активные действия, ИГ использует два набора факторов. Концентрирование внимания на прагматических факторах направлено на популяризацию своей «системы управления» и синхронизацию ее с политико-военными действиями в этой области. Организация также всячески пытается «очернить» «системы управления» врагов ИГ и разрывать связь между рассказами своих врагов об их системе и их политико-военными действиями. Концентрируя внимание на прагматических факторах в своих сообщениях, ИГ призывает аудиторию принимать рациональные решения, на основе анализа имеющихся фактов и аргументов.

В дополнение к призывам к рациональному выбору, ИГ использует метод создания групповых идентичностей. Идентичность – свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям. Факторы восприятия восходят к основам групповой идентичности (Мы), и внегрупповой идентичности (Другие), а в качестве средства для побуждения личности к принятию решения используется «логика приемлемости» - те решение считается приемлемым в соответствии групповой идентичностью личности [5, с.54-55]. ИГ делает все возможное, чтобы создать себе образ защитника групповой идентичности (мусульмане-сунниты), и обвинить в ответственности за кризис группу «других» врагов соответственно, таким образом, ИГ конструирует сообщения так, чтобы люди воспринимали их деятельность как выход из кризиса. Идентичность группы является когнитивной призмой, через которую люди в группе интерпретируют мир. Закрепление конструкций «выхода из кризиса» и «кризиса» к соответствующим групповым идентичностям еще больше усиливает качество восприятия, особенно в момент ведения боевых действий.

Путем использования прагматичных факторов и факторов восприятия, информационный посыл ИГ направлен на то, чтобы обратиться к самому широкому спектру потенциальных сторонников, заставить их идентифицировать себя с группой сделать «рациональный» выбор. Чем больше зрителей воспринимают «систему

управления» ИГ как более эффективную, чем у ее врагов, тем более вероятно, что факторы восприятия будут иметь более широкий резонанс. Более того, ИГ, как уже было сказано выше конструирует свою пропаганду в зависимости от целевой аудитории, стремясь подчеркнуть прагматические факторы в материалах, ориентированных на местную аудиторию и факторы восприятия при ориентации на транснациональную аудиторию. Учитывая, что Dabiq в первую очередь нацелены на транснациональную аудиторию, необходимо глубже рассмотреть то, как формируются факторы восприятия.

Модель циклического когнитивного укрепления показывает процесс, когда две идентичности действуют как когнитивные призмы через которые усугубляется восприятия кризиса, что, в свою очередь, ведет к большому разрыву между двумя идентичностями (дихотомии) [5, с.85] (схема 2).

Источник: *переведено и адаптировано автором под анализ Исламского Государства на основании материалов из HaroroJ. Ingram. The Charismatic Leadership Phenomenon in Radical and Militant Islamism. Routledge, 2014.*

Схема 2 - Модель циклического когнитивного укрепления

Поскольку восприятие кризиса становится все более острым и преподносится как вина «других», это формирует собственно представление группы «мы» о группе «другие», и одновременно формирует идентичность группы «мы» по отношению к самой себе. Биполярное представления о мире, таким образом, работает одновременно на то, чтобы укрепить связь между группой «других» и кризисом и оправдание для действий группы «мы» - в случае ИГ – ведение джихада.

Чем более отстраненными друг от друга становятся группы «мы» и «другие», тем ближе группа «мы» подходит к состоянию, которое Барнетт и Миллер охарактеризовали как «грань насилия» [6, с.10]. Этот заключительный стратегический и психологический этап процесса радикализации характеризуется оправданием насилия и мобилизацией сил для его совершения. Пересечение «границ насилия» сигнализирует о крайнем разделении - «бифуркации» группы «мы» и группы «другие»: первая - «чистая и превосходная», а последняя - «грязная и злая», в то время как серьезное острое восприятие кризиса теперь просто подчеркивает актуальность использования террористических методов борьбы – насилия над «другими». Два важных показателя пересечения границ насилия особенно важны для исследования журнала *Dabiq*. Во-первых, осознание тотального превосходства группы «мы» может быть ключевым предвестником боевых действий. Как утверждают Барнетт и Миллер, при попытке предсказать, будет ли группа участвовать в терроризме, наиболее важно изучить, как группа описывает себя, а не то, как она описывает своих противников [6, с.5].

Во-вторых, информация, содержащая военные мотивы является мощным механизмом легитимации насилия, мотивирует боевиков и, что особенно важно позволяет боевикам морально дистанцироваться от своих жертв. Как писал американский исследователь Марк Джуэрдженсмайер в статье «Religious Terror and Global War»: «Война предполагает беспощадную борьбу против врага, которого необходимо уничтожить. Нет никакого возможного компромисса. Само существование противника представляет собой угрозу» [7, с.31].

Проблемы построения контр-пропаганды в контексте национальной идентичности

Итак, мы имеем следующую картину. В пропаганде группировки ИГ построению идентичностей групп «мы» и «другие» отводится ключевая роль, и как показывает история и статистика о казахстанских гражданах, присоединившихся к данной группировке, эта модель пропаганды работает. Возникает вопрос, возможно ли применить в реалиях нашего государства подобную модель, раз она эффективна? Теоретически да, на практике существуют проблемы с реализацией. Рассмотрим на таблице SWOT-анализа (таблица 1):

Таблица 1 - Государственная система контр-пропаганды против терроризма и религиозного экстремизма

<p style="text-align: center;">Сильные стороны</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Наличие бюджета 2. Действие в рамках закона 3. Широкие возможности вещания 4. Влияние на аудиторию 	<p style="text-align: center;">Слабые стороны</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Концентрация на блокировках 2. Отсутствие четко сформированной идентичности врага 3. Отсутствие четко сформированной национальной идентичности 4. Концентрация на ТВ как на инструменте пропаганды
<p style="text-align: center;">Возможности</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Параллельная контр-пропаганда со стороны союзных государств 2. Поддержка со стороны народа 	<p style="text-align: center;">Угрозы</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Эффективная система пропаганды террористических организаций 2. Отсутствие доступа на ТВ компенсируется развитой системой интернет пропаганды 3. Рост качества пропагандистских материалов

Нас особо интересуют слабые стороны как внутренний фактор, так как на внешний фактор государство не способно оказать существенное влияние. Тему блокировок уже затронули выше, поэтому стоит перейти к проблемам формирования идентичностей. В качестве виновных СМИ, правоохранительные органы, некоторые эксперты а так же ДУМК называют «салафитов» и «ваххабитов» [8-10]. Результаты мониторинга позиции некоторых граждан и новости в интернете показывают, что выступают даже предложения о «запрете нетрадиционных религиозных течений» на территории Казахстана. В данном случае термин «нетрадиционные» используется в качестве замены термину «официальный», так как в Республике Казахстан «официальных» религиозных течений нет и быть не может в виду законодательного отделения религии от государства. Более того, «нетрадиционность» вовсе не означает «деструктивность» течения. «Традиционным» течением ислама в Казахстане является, как известно, суннитский ислам и ханафитский мазхаб. Следовательно, запрет на «нетрадиционные» течения фактически обозначает, что все остальные

течения оказываются вне закона — что является прямым нарушением Конституции Республики Казахстан, касательно свободы совести.

В то же время, обвинения в адрес «салафитов» и «ваххабитов» являются довольно проблематичными. По заявлению Талгата Мамырайымова, руководителя аналитической службы ОФ «Realpolitik», далеко не все салафиты – террористы и экстремисты. По его словам, среди казахстанских салафитов доминируют салафиты-мадхалиты, которые призывают своих адептов к полному и беспрекословному подчинению государственной власти [11]. В доказательство этому можно привести жалобы группы салафитов села Шолаккорган, Сузакского района, Южно-Казахстанской области. Согласно их жалобам сотрудники правоохранительных органов ставят их «на учет», снимают отпечатки пальцев и требуют каждые 10 дней приходить в отделение и отмечаться, уведомляя сотрудников правоохранительных органов буквально обо всех своих перемещениях. По словам одного из подавших жалобу, у них нет никаких посторонних мыслей. Они беспрекословно подчиняются Елбасы, и утверждают, что за рамки закона не выйдут. «Мы далеки от джихада» – говорит представитель салафитской общины [12].

В действительности, политика уполномоченных органов касательно «нетрадиционных» течений в первую очередь заключается в фундаментальной проблеме отсутствия конкретного образа врага/угрозы. Регулярно упоминающиеся «салафиты», «ваххабиты», без какого либо разъяснения, кто же это вообще такие, сами того не желая оказываются «группой риска» и сами ничего с этим сделать не могут. Со стороны же государства, отсутствие разъяснительной политики, в чем особенности данных религиозных течений лишь усугубляет проблему. Более того, не способствует формированию четкого образа врага тот факт, что, к примеру, богословы Саудовской Аравии, являющиеся ваххабитами (ваххабизм – официальная религия СА) сами не приемлют как особо радикальных богословов в своей стране, так и имеют однозначно негативную позицию по действиям террористических организаций, таких как ИГ, которые себя определяют как, в первую очередь, сунниты, а так же салафиты, которые разделяют многие положения из ваххабизма. В таких ситуациях, избрание «салафитов», «ваххабитов» в качестве идентификатора блага и угрозы обществу не только может вызвать критику некоторых стран в адрес Казахстана, но и негативно повлиять на отношение данной общины к государству в целом. Гораздо более продуктивной была

бы политика четкой идентификации, более глубокой, нежели ярлыки «салафит», «ваххабит», и распространения этой информации среди населения. Более того, обвинения в адрес ваххабитов плохо скажутся на отношении Республики Казахстан, например, с Саудовской Аравией, сотрудничество с которой в нефтегазовой сфере может быть продуктивным.

Теперь касательно национальной идентичности. С этим стоит колоссальная проблема. Как мы уже знаем из модели Ингрэма, идентичность группы «мы» является наиболее важным элементов, однако в Казахстане мы наблюдаем, что единой идентичности группы «мы» по большому счету нет. Сравнивая 2 социологических исследования за 2016 год: «Этнорелигиозные идентификации казахстанской молодежи» от Ассоциации социологов и политологов Казахстана (АСиП) и «Молодежь Центральной Азии. Казахстан» от представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Казахстане мы можем наблюдать кардинальные несоответствия по многим параметрам. Для нас очень важными являются 2 — кем в первую очередь себя считают жители республики (график 1) и насколько религиозно население РК.

Источник: Составлено автором на основании источников «Этнорелигиозные идентификации казахстанской молодежи» от Ассоциации социологов и политологов Казахстана (АСиП) [13] и «Молодежь Центральной Азии [14]. Казахстан» от представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Казахстане

График 1 - Кем казахстанцы (15-29 лет) считают себя в первую очередь.

Результаты АсиП (слева) и результаты Фонда Ф.Эберта (справа)

Как можно заметить, несоответствие в формах самоидентификации и в показателях существенно. На основании первого социологического исследования может показаться, что гражданская идентичность является приоритетным среди населения РК, что может говорить о высоком уровне политической культуры и ценностях человека. Второе же исследование показывает принципиально другую картину общества, в котором личность и существование в семье и кругу друзей намного более важно, нежели принадлежность к государству — гражданство. Так же стоит отметить значительную разницу в отрыве между самоидентификацией как гражданина и как представителя национальной культуры, языка, истории, что и формирует этнос. Если в первом случае разрыв составляет 69,9% то во втором случае разрыв существенно ниже, даже с учетом пересчета результатов под соответствующие значения.

Так же, информация о том, что этническая принадлежность не в приоритете идет вразрез с мнением некоторых казахстанских ученых. Рустем Кадыржанов в книге «Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана» пишет о том, что противостояние гражданской и этнической идентичностей является одним из важнейших аспектов проблемы. «Этнические националистические элиты пытаются оказывать влияние на формирование «восприятия мира» своего этноса. Казахские национал-патриоты предлагают казахам свое «восприятие мира», а русские националисты делают то же самое по отношению к русским Казахстана. Обе националистические группы уверены в том, что наиболее последовательно и полно отражают интересы своих этносов. При этом они обвиняют друг друга в том, что своей деятельностью они накаляют межэтнические отношения и подрывают общественное согласие» - пишет Кадыржанов [15, с.14].

Понятие нации неразрывно связано с понятием национальной идентичности. Вопрос определения нации в таком случае порождает вопрос определения национальной идентичности Казахстана: казахстанская или казахская? Сегодня среди этнических казахов имеется немало тех, кто признает определение себя как казаха и отказывается определять себя как казахстанца, точно так же как утверждает существование в Казахстане только лишь казахской нации и категорически отказывается признавать право на существование казахстанской нации. В таком случае естественно ожидать утверждения частью общества в сегодняшнем Казахстане только лишь

казахской идентичности, тогда как другая часть общества утверждает казахстанскую идентичность.

Когда мы говорим о религиозном экстремизме и терроризма всегда стоит помнить, что в сущности он не просто религиозный, а религиозно-политический, так как главенствующей целью большинства современных террористических организаций, сформированных по религиозному признаку, конечной целью указывается создание Халифата — теократического государства. Отсюда отсутствие ясности, на основе каких результатов выстраивать политическую пропаганду? Основываясь на первой статистике, в которой осознание своей идентичности как гражданина составляет почти 80%, акцент на формировании светской (так как государство светское) политической групповой идентичности не нужен, так как народ и так себя сам идентифицирует как граждан. На основании второй статистики ситуация обратная, так как гражданская идентичность по результатам опросов не в приоритете. А учитывая мнение ученых, общая идентификация себя как «граждан» Республики Казахстан становится размытой, так как не ясно, что именно вкладывается в понятие «гражданин» респондентами.

Теперь, переходя к вопросу о религиозности населения, мы так же можем наблюдать несоответствие в показателях. По данным фонда Эберта 96,9% респондентов относят себя к той или иной религии. Среди причисляющих себя к верующим среди казахов 96,9% респондентов назвали себя мусульманами, среди опрошенных представителей русской молодежи к православным себя отнесли 92,9% респондентов. По данным АСиП 71% респондентов относят себя к той или иной религии, среди причисляющих себя к верующим среди казахов 97,9% респондентов назвали себя мусульманами, среди опрошенных представителей русской молодежи к православным себя отнесли 88,9% респондентов. Разница между 71% и 96,6% очевидна. Но более интересным является несоответствие между показателями участвующих в жизни религиозной общины. По данным фонда Эберта лишь 10,5% участвуют в религиозной жизни общины, в то время как по данным АСиП это число составляет 45,4%.

Заключение

В связи с этим возникает проблема. Как строить религиозную политику государства в области противодействия религиозному терроризму и экстремизму, если в самой среде верующих нет единой сформированной идентичности. По такой разнице в статистике видно,

что даже политика «ДУМК» по продвижению «традиционного ислама» может оказаться недостаточно эффективной, так как, если судить по данным фонда Эберта верующими многие являются лишь формально.

Более того, самоидентификация граждан на данный момент времени остается под большим вопросом. Социологические исследования до сих пор не могут дать четкую картину того, как идентифицирует себя население Казахстана, учитывая так же обеспокоенность ученых фактом существования реального разделения общества по этническому и культурному признаку и отстаивание диаспорами своих интересов, сам факт скорого формирования национальной идентичности стоит под вопросом.

Учитывая все вышесказанное, вероятность того, что в скором времени эффективная система контр-пропаганды терроризма и религиозного экстремизма будет построена невелика. Идентичность группы «мы» равно как и идентичность группы другие, согласно моделям Ингрэма, являющиеся основным фундаментом хорошей, качественной пропаганды отсутствуют в нашем обществе. И в первую очередь, необходимо решать эту проблему.

ЛИТЕРАТУРА

1 Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 – 2022 годы. - Астана, 2018. - 19 с.

2 Муминов А. Анонимайзеры вне закона. Казахстанцев будут сажать за прокси-серверы? - Режим доступа URL: <http://online.zakon.kz> - (дата обращения: 22.03.2018)

3 Крупный VPN-сервис заблокировал суд в Казахстане. – Режим доступа URL: <http://today.kz/news/kazakhstan/> - (дата обращения: 18.03.2018)

4 Около 500 казахстанцев воюют в Сирии и Ираке на стороне ИГИЛ. - Режим доступа URL: <http://today.kz/news/mir/> - (дата обращения: 17.03.2018)

5 Haroro J. Ingram. The Charismatic Leadership Phenomenon in Radical and Militant Islamism. - Routledge, 2014. p.262

6 Bartlett J., Miller C.. The edge of violence: Towards telling the difference between violent and non-violent radicalization // Terrorism and Political Violence. - 2012. - № 24(1. –P. 1–21.

7 Juergensmeyer M. Religious terror and global war / In: C. Calhoun, P. Price and A. Timmer, eds. Understanding September 11. - New York: New Press, 2002. - P.17.

8 Зубов А. К чему приведет запрет салафизма? Мечеть Алматы отвечает на вопросы. – Режим доступа URL: <https://k-chemu-privedet-zapret-salafizma-mechet-almaty-otvechaet-na-voprosy> - (дата обращения: 06.04.2018).

9 Глушкова С. Власти заявляют, что ведут с «салафитами» разъяснительную работу. – Режим доступа URL: <https://rus.azattyq.org/a/28741883.html> - (дата обращения: 06.04.2018).

10 В ДУМК объяснили, почему штрафуют за «аминь» в мечетях. – Режим доступа URL:<https://www.nur.kz/> - (дата обращения: 07.04.2018).

11 Талгат Мамырайымов: не все салафиты - экстремисты и террористы. – Режим

доступа URL: <https://www.zakon.kz/> - (дата обращения: 07.04.2018).

12 Представители «салафитского течения» жалуются на нарушение их прав. – Режим доступа URL: <https://rus.azattyq.org/amp>. - (дата обращения: 07.04.2018).

13 Этнорелигиозные идентификации казахстанской молодежи» / Ассоциация социологов и политологов Казахстана (АСиП). - Астана, 2016. - 127 с.

14 Молодежь Центральной Азии. Казахстан. На основе социологического опроса. Изд. Второе / Под науч.рук.проф. Клауса Хуррельманн (Германия, Берлин). Алматы, 2016. – 281 с.

15 Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / Под общ.ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 168 с.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ТЕРРОРИЗМГЕ ЖӘНЕ ДІН ДАМУ ТЕКСЕРМІЗМЕН ҚАРЖЫЛАНДЫРУҒА АРНАЛҒАН КЕЛІСІМ-ШАРТТАРДЫҢ КЛАССЫНДАҒЫ ҰЛТТЫҚ ТҰРАҚТЫЛЫҚТЫҢ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

Клыгов Д.В.¹

¹Абылай хан атындағы ҚазақХҚжәне ӘТУ магистр,
мамандық «6М020200 – Халықаралық қатынастар»
Алматы, Қазақстан

Бұл мақалада автор Қазақстан терроризм мен діни экстремизмге қарсы насихаттау жүйесін құрудың басты элементі ретінде Қазақстандағы ұлттық сәйкестікті қалыптастыру мәселелерін талдайды. Автор Ислам мемлекеті террористтік ұйымының насихаттау жүйесін «қолдауды қабылдау мен поляризациялауды қалыптастыру» және «циклдік когнитивтік нығайту» моделін Х.Дж.Ингрэма.

Тірек сөздер: Қазақстан, насихат, терроризм, діни экстремизм, ұлттық сәйкестік.

Статья поступила 21.09.2018 г.

MEDIA IMAGES OF THE UNITED STATES OF AMERICA AND CHINA IN THE MEDIA

Baigushkarova A.Zh.¹

¹MA student of the Ablai khan
Kazakh University of International relations and world languages,
Specialty “6M020200-International Relations”
Almaty, Kazakhstan

The term “soft power” is playing an increasingly important role in all levels of policy each year. Various cultural figures, constant advertising spots and various kinds of agitation and propaganda are involved, state structures actively take part in this, and money for this sometimes goes directly from the state budget. Sometimes the goal is not only to praise the achievements of their own state, but also to tarnish the opponent, while this may involve not only private individuals, but the whole state apparatus.

Keywords: Soft power, media, benefit, control, censorship, filtering.

УДК 326
МРНТИ 11.24

МЕДИА ОБРАЗЫ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КИТАЯ В СМИ

Байгушкарова А.Ж.¹,

¹магистрант Казахского университета международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана,
Специальность «6М020200-международные отношения», Алматы, Казахстан

Так именуемая ‘мягкая сила’ год за годом играет все более весомую роль во всех уровнях политики страны. Привлекаются различные деятели культуры, постоянные маркетинговые ролики и разного рода агитация и пропаганда, государственные структуры деятельно принимают в этом участие, средства на это порой идут непосредственно из бюджета страны. Порой задача не только лишь в восхвалении достижений собственного государства, но и в очернении конкурента, при этом в данное могут быть вовлечены не только лишь частные лица, но и целый государственный аппарат.

Ключевые слова: Мягкая сила, СМИ, выгода, контроль, цензура, фильтровка.

Независимо от растущей глобальной экономики, внедрения передовых технологий, большое число населения в мире не путешествует на международном уровне; СМИ играют важную роль в создании имиджа иных государств. Средства массовой информации имеют все шансы содействовать пониманию людьми или же непониманию друг друга. Исследовательская литература по освещению международных новостей и проблем охватывает обширный круг тем и включает в себя ряд всевозможных концептуальных подходов. В некоторых исследованиях рассмотрены образы зарубежных стран, особенно реальных или потенциальных противников, представленные в средствах массовой информации отдельных государств.

Также интересно наблюдать за тем, как с развитием технологий, произошел такой термин как “мягкая сила”. Он, естественно, существовал и до сего, но именно в современных реалиях обрёл абсолютно новые краски. Страны стали уделять этому довольно много внимания, на данный момент практически нет ни одного государства в мире, которое бы не уделяло должного внимания созданию собственного позитивного имиджа [1].

В любом демократическом обществе, несмотря на личную собственность, видится воздействие правительства на СМИ. Исследование TheNewYorkTimes и TheWashingtonPost сравнительного освещения новостей о демократических движениях Кванджу и Тяньаньмэнь в контексте американских отношений и взаимозависимых отношений США показали, собственно что указанные газеты

изображали движение Тяньаньмэнь более позитивно, чем движение Кванджу. Выводы также показали, что в сообщениях о движениях Тяньаньмэнь и Кванджу на данные газеты в значительной степени оказывали влияние реакции правительства США на движения и его внешнюю политику. Одним словом, американская пресса, информируя и воздействуя как на общую, так и на внимательную публику на мировые события, влияет на сущность внешней политики Соединенных Штатов. Степень и характер освещения событий в средствах массовой информации были неизбежным моментом в обсуждениях на высоком уровне.

Средства массовой информации США дали существенное благоприятное освещение тем странам, где задействованы политические, экономические и военные интересы. Иными словами, средства массовой информации США поддерживают политику США в отношении иностранных дел и обрамляют изображения зарубежных стран в соответствии с интересами правительства. Напротив, в некоторых исследовательских работах указывалось, что СМИ США также выступают против государственной политики, но эта оппозиция является маргинальной и специфической по своему характеру в зависимости от участия интересов США и интенсивности государственных медиа-разногласий по этим вопросам [2].

Таким образом, средства массовой информации США в целом поддерживают национальные интересы и политику США при формировании образа других стран, в следующих случаях: (1) Когда есть интересы США высокого уровня, связанные с проблемой или страной, СМИ США уделяют этому больше внимания. (2) СМИ США защищают и разрабатывают национальные интересы в отношении конкурирующих держав США, таких как Китай и Россия.

На сегодняшний день лидерство в проведении глобальной информационной политики принадлежит США, однако нельзя оставлять без внимания Китай, который всё более уверенно заявляет о своей экономической и политической мощи.

Несмотря на столь большое количество пользователей, китайский Интернет отличается от Интернета ряда развитых стран – он характеризуется довольно жестким контролем со стороны государства, необходимостью предоставлять личные идентификационные данные для получения доступа в глобальную Сеть и т.д. Стоит заметить, что Интернет США, Европы или России выглядит в глазах китайского правительства образцом «хаоса и беспорядка». Если проанализировать

внутренние меры, реализуемые Китаем в интернет-пространстве, то нельзя не отметить стремление правительства осуществлять пропаганду политического режима, а также сохранять контроль над информацией с помощью сетевой цензуры. Особую роль играет Административное бюро по пропаганде в Интернете, созданное при Информационном агентстве Государственного совета. Именно эта структура направляет и координирует государственную пропаганду в Сети, освещает и отслеживает общественное мнение [3].

Бурное становление информационно-коммуникационных технологий предопределяет возникновение новых СМИ. В Китае, как и во многих странах, появился новый вид коммуникации, который реализуется в блогосфере. Особенностью блогосферы Китая является то обстоятельство, что в сопоставлении с традиционными СМИ, а также сайтами официальных органов, китайские блоги контролируются и регулируются государством в меньшей степени, на страницах китайских блогов нередко поднимаются проблемы и затрагиваются такие тематики, которые не находят место в иных видах национальных СМИ. Особый интерес к новым технологиям связан прежде всего с развитием конвергенции в сфере коммуникации. Она связана не только с компьютерами, но и с современной сотовой телефонией.

Важным нюансом политики КНР выступают СМИ, поскольку они обладают возможностью воздействовать на процессы, происходящие в глобальном информационном пространстве. Нужно принимать во внимание то, что, несмотря на реформы, все китайские СМИ являются государственной собственностью, в эту сферу запрещено привлекать зарубежные вложения, а на всех уровнях жестко контролируется политическая направленность материалов, печатных и электронных средств массовой информации [4].

Возникновение новых СМИ создает эффект плюрализма воззрений в Китае. Впрочем не стоит забывать, что каждое издание подвергается цензуре. Абсолютно бесспорно, что увеличение количества китайских СМИ, ориентированных на зарубежную аудиторию, имеет основной целью расширение пропагандистского воздействия на иностранные государства. При этом Китай активно использует Интернет для реализации своих политических целей. Особого внимания заслуживает не конфронтационная методика пропагандистской работы. Многие негативные публикации о западных странах, их политике, финансовом положении, общественных событиях и процессах размещаются в китайских СМИ и на интернет-сайтах со ссылкой на иностранные

информагентства. Пекин умело использует наличие на Западе широкого спектра открытых источников информации и свободы воззрений, дабы распространять необходимые материалы, причем подготовленные самими иностранцами [5].

Подводя итог, идеологическая позиция медиаорганизации, правительственные манипуляции, воздействие корпораций и собственности, стереотипы, предрассудки СМИ также играют весомую роль в формировании имиджа зарубежных стран в средствах массовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Кольцова Е. Враги объективности // Отечественные записки. – 2003. – № 4.
- 2 Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 234 с.
- 3 Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире. – М.: УРСС, 2000. – 453 с.
- 4 Entman R. M. Обрамление: к разъяснению переломанной парадигмы. – М., 2013.
- 5 Боулдинг К.Э.. Национальный имидж и международная система // Международная политика и внешняя политика. – М., 2016. – С.422-431.

БАҚ-ҒЫ АМЕРИКА ЖӘНЕ ҚЫТАЙ ОБРАЗДАРЫ

Байгушкарлова А.Ж.¹

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің магистранты
Мамандық «6М020200- Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан,

«Жұмсақ күш» деп аталатын ел саясатының барлық деңгейлерінде жыл сайын артып келе жатқан үрдіс. Әртүрлі мәдениет қайраткерлері, үнемі маркетингтік бейнелер және әртүрлі үгіт-насихат жұмыс істейді, мемлекеттік құрылымдар бұл қызметке белсене қатысады, бұл қаражат тікелей кейде мемлекеттік бюджеттен шығады. Кейде бұл міндет тек өз мемлекетінің жетістіктерін мақтап қана қоймай, сонымен қатар бәсекелесті тек жеке адамдарға ғана емес, жалпы мемлекеттік аппаратқа да қатыстыра алады.

Тірек сөздер: Жұмсақ қуат, БАҚ, пайда, бақылау, цензура, сүзгілеу.

Статья поступила 21.09.2018 г.

ANALYSIS OF COVERAGE OF ISSUES OF WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS ON THE EXAMPLE OF DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE 2016-2017

Kubashev A.E.¹,

¹MA student of the Abylai khan

Kazakh University of International relations and world languages,

Specialty “6M020200-International Relations”

Almaty, Kazakhstan

In my topic concerning the coverage of issues of world politics and geopolitics in international profile publications, I would like to draw attention to several factors. It is necessary to take into account the various PR technologies, varying degrees of engagement of various media covering any issue from the field of global geopolitics. The main feature of international relations is the absence in them of a single central core of power and government. They are built on the principle of polycentricity and polyhierarchy. Therefore, in the international relations, an important role is played by spontaneous processes and subjective factors.

Keywords: Media, image of the country, geopolitics, economics, international relations.

УДК 327.18

МРНТИ 11.25

АНАЛИЗ ОСВЕЩЕНИЯ ВОПРОСОВ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 2016-2017

Кубашев А.Е.¹,

¹магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана,

Специальность «6M020200-международные отношения», Алматы, Казахстан

В своей теме, касаемо освещения вопросов мировой политики и геополитики в международных профильных изданиях, я бы хотел обратить внимание на несколько факторов. Нужно принимать во внимание различные пиар технологии, различную степень ангажированности тех или иных СМИ, освещающих какой-либо вопрос из области глобальной мировой геополитики. Главной особенностью международных отношений является отсутствие в них единого центрального ядра власти и управления. Они строятся на принципе полицентризма и полииерархии. Поэтому в международных отношениях большую роль играют стихийные процессы и субъективные факторы.

Ключевые слова: СМИ, геополитика, экономика, медиаобразы, имидж.

Международные отношения - это совокупность экономических, политических, правовых, идеологических, дипломатических, военных, культурных и других связей и взаимоотношений между субъектами,

действующими на мировой арене. Независимые государства не развиваются в вакууме, они взаимодействуют друг с другом и выступают субъектами политики более высокого уровня - мировой политики. То есть государства действуют в сфере международных отношений.

Международные отношения выступают тем пространством, на котором сталкиваются и взаимодействуют на разном уровне (глобальном, региональном, многостороннем и двустороннем) различные силы: государственные, военные, экономические, политические, общественные и интеллектуальные [1].

Прежде всего, следует помнить о том, что СМИ – это ключевая аудитория, с которой нужно установить коммуникацию. Основа взаимоотношений со СМИ – формирование постоянного информационного потока. И даже если речь идет о зарубежной аудитории – формирование этого потока в первую очередь внутри страны, поскольку у зарубежных СМИ источниками информации будут и национальные медиа. Поэтому одна из главных целевых групп – работающие в данной стране и с информацией о данной СТРАНЕ иностранные журналисты. Следует систематически находить информационные поводы, которые позволят непрерывно формировать информационный поток. Для этого нужно предоставлять как можно больше сведений о стране. Многие ее преимущества зачастую воспринимаются собственными гражданами «само собой разумеющимся», и не считается необходимым специально информировать о них зарубежные аудитории. Также будет очень интересно узнать, как возможно использовать черный пиар, очернять или искусственно возвеличивать отдельно взятых политиков, или даже целые страны [2].

Те же, крайне влиятельные издания, такие как Economist, WashingtonPost, NewYorkTimes, в последнее время и к таким солидным изданиям есть множество вопросов касательно их объективности и независимости редакционной политики. К примеру, взять последние выборы президента в Америке. СМИ, несмотря на их обязанности по беспристрастному освещению ходов предвыборной кампании и самих выборов, явно не были совсем уж беспристрастными. Было отчетливо видно, что все ведущие издания явно агитируют за кандидата от Демократической партии, пытаясь выставлять все, что связано с демократическим кандидатом в более выгодном тоне. Кандидат же от Республиканской партии был подвергнут значительному давлению

со стороны СМИ, которые не брезговали применением различных пиар-технологий по очернению кандидата от Республиканцев. Со стороны СМИ было выдвинуто множество обвинений как в расизме, так и в сексизме и делением людей по социальным классам. В ответ медиа упрекались в том, что идет сознательная информационная кампания по дискредитации одного из основных кандидатов, идет сознательная дезинформация собственных зрителей и сознательное введение в заблуждение со стороны ведущих СМИ, налицо открытая и явная агитация. В результате таких взаимных обвинений, прошедшие выборы президента США были беспрецедентными по количеству различного рода скандалов, по взаимным обвинениям и различным информационным вбросам. Этот негатив продолжился далее, так как президентом США стал Трамп, и его война с национальными СМИ стала только набирать обороты.

Насколько объективны, или наоборот необъективны, оказались те или иные медиа, постоянные информационные вбросы с целью дезинформации собственных зрителей также должны изучаться внимательнейшим образом. Очень активно работают различные НПО и НКО, у них также есть достаточно большое влияние на информационную повестку в СМИ, их активное участие в мировых процессах и роль в информационной повестке также должна учитываться и быть принята во внимание. Нельзя обойти стороной затянувшееся противостояние Российской Федерации с коллективным Западом, нужно будет обратить особое внимание на то, насколько большую роль играют медиа в данном противостоянии [3].

В реалиях сегодняшнего дня, оказалось, что не только экономика, как локальная, так и мировая, очень зависима от политической конъюнктуры, но и независимые СМИ, которые на поверку оказались не такими уж и независимыми. Насколько государство влияет на информационную повестку отдельно взятых медиа, сейчас очень активно обсуждается взятие и просторов интернета под государственный контроль, о чем уже открыто заявили, к примеру, в Китае, где правительство вплотную занялось этим вопросом. Насколько ангажированы СМИ, связанные с государственными структурами, как это влияет на их освещение той или иной информации. Как подогреваются различные стереотипы и фобии времён холодной войны, как идет милитаризация общества и нагнетание истерии с обеих сторон.

На сегодняшний день в американских международных исследованиях сложился блок литературы, посвященной теоретическому

осмыслению таких проблем, как политика в условиях международных экономических кризисов, международная экономическая интеграция и судьба национального государства, национальные интересы в рамках международных экономических режимов, международное сотрудничество в условиях квазианархичности международных отношений и др. Этому посвящены труды С.Гилла, Дж.Голдстейна, Ст.Хоффмана, К.Кнора, Ст.Краснера, О.Янга, Дж.Рагги, работы Ч.Киндлбергера, Р.Гилпина.

К исторической проблематике тесно примыкает тема, неизменно вызывающая интерес исследователей, - теория и практика гегемонистской стабильности. Гегемония США в мире - тема, принижающая все американские политико-экономические исследования. Среди специальных трудов по этой тематике необходимо выделить ключевую работу Стефана Краснера [4].

Еще одним направлением американских исследований являются процессы глобализации. В американской литературе эта тема сильно пересекается с темой транснациональных корпораций. Заметим, что такое своеобразное видение глобализации вполне объяснимо для Соединенных Штатов, чьи ТНК возглавляют список наиболее могущественных корпораций мира.

Уровень работы СМИ все более важен в сегодняшних реалиях, многие страны воспринимают это даже как потенциальную военную угрозу. В той же России, к основным внешним военным опасностям относят использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления противоречащих международному праву действий, направленных против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности государства. Под такими лозунгами, местное руководство планирует всерьез ограничить права граждан в интернет, взят под контроль государства и просторы интернета. Этим уже активно занимается тот же Китай и многие страны Ближнего Востока. Но и западные информагентства далеко не безупречны, порой открыто ведется сознательная пропагандистская деятельность направленная против многих стран мира, особенно активны попытки испортить имидж России в мире. Согласно данным GoogleTrends, наибольший интерес к России зарубежные медиа сформировали у жителей США, Канады, Австралии, Прибалтики, Польши, Великобритании, Италии, Португалии – что косвенно свидетельствует об эффективности информационных атак. Удар по репутации России ожидаемо затруднил

международные взаимодействия, что отчасти поспособствовало ухудшению инвестиционного климата, увеличению оттока капитала, уходу из страны иностранных компаний.

Касаемо примеров нашей страны, хотелось обратить особое внимание на освещение вопросов потенциального вмешательства правительства Казахстана в президентские выборы в Кыргызстане. Та же истерия по поводу встречи президента РК с одним из кандидатов в президенты, хотя на самом деле президент Казахстана встречался с обоими кандидатами. Но шумиха была поднята только по одному конкретному вопросу встречи Назарбаева с Бабановым.

ЛИТЕРАТУРА

1 Адорно Т. Коммуникация как средство информационно-психологического воздействия - М., 2013. – 214 с.

2 Антонов В.И., Ямцилова З.С. Проблема стереотипов как один из барьеров в контексте коммуникации культур//Россия и Запад: Диалог культур. Вып.7. - М., 1999. – 345 с.

3 Березкина О.П. Политический имидж в современной политической культуре. - Спб., 1999. - 374 с.

4 Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире. – М.: УРСС, 2000. – 142 с.

2016-2017 жж. ОТАНДЫҚ ЖӘНЕ ШЕТЕЛДІК ӘДЕБИЕТТЕР МЫСАЛЫНДА ӘЛЕМ САЯСАТЫ МЕН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРҒА ТАЛДАУ ЖАСАУ

Кубашев А.Е.¹,

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университетінің магистранты

Мамандық «6M020200- Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан

Халықаралық мамандандырылған басылымдарда әлемдік саясат пен геосаясаттың мәселелерін қамтитын тақырыпта мен бірнеше факторға назар аударғым келеді. Әлемдік геосаясат саласындағы сұрақты қамтитын белгілі бір БАҚ-тардың әр түрлі дәрежедегі PR технологияларын ескеру қажет. Халықаралық қатынастардың басты ерекшелігі - оларда бірыңғай орталық билік пен басқарудың болмауы. Олар полианкризм және полиерархия қағидаты бойынша құрастырылған. Сондықтан халықаралық қатынастарда өздігінен жүретін үдерістер мен субъективті факторлар маңызды рөл атқарады.

Тірек сөздер: бұқаралық ақпарат құралдары, геосаясат, экономика, медиа-кескіндер, имидж.

Статья поступила 21.09.2018 г.

THE SILK ROAD ECONOMIC BELT AND THE PRIORITIES OF THE EURASIAN STATES' JOINT DEVELOPMENT

Bektemissova K.T.¹,

¹ MA student of the Abylai khan

Kazakh University of International relations and world languages,
Specialty "6M020200-International Relations"
Almaty, Kazakhstan

On September 7, 2013 during a speech at Kazakhstan's Nazarbayev University Chinese President Xi Jinping proposed a "Silk Road Economic Belt" project. This project is a strategy for the development of international and economic cooperation between China and Eurasia. It should be noted that the Silk Road is a transport corridor connecting Western Europe and Western China through Russia. The Silk Road is the safest, the most convenient and efficient highway of the 21st century. In addition, many projects in the field of infrastructure, industry, trade and services are integrated into this project.

Keywords: Economy, Central Asia, Silk Road, China, logistics.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС «ШЕЛКОВОГО ПУТИ» И ПРИОРИТЕТЫ СОВМЕСТНОГО РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Бектемисова К.Т.¹,

¹ магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана,

Специальность «6M020200-международные отношения»,
Алматы, Казахстан

Проект Экономический пояс Шелкового пути был предложен председателем КНР Си Цзиньпином 7 сентября 2017 года в Назарбаевском университете в Астане (Казахстан). Этот проект является стратегией развития международного и экономического сотрудничества между Китаем и Евразией. Следует отметить, что Шелковый путь был транспортным коридором, соединяющий Западную Европу и Западный Китай через Россию. Шелковый путь не только самый безопасный, но и самый удобный и эффективный магистраль 21 века. Кроме того, многие проекты в области инфраструктуры, промышленности, торговли и услуг объединяются в этот проект.

Ключевые слова: Экономика, Центральная Азия, Шелковый путь, Китай, логистика.

Председатель КНР Си Цзиньпин осенью 2013 года объявил о начале реализации проекта Экономический пояс «Шелкового пути». Данный проект является одним из самых крупномасштабных экономических проектов последних лет, который соответствует общим мировым тенденциям глобализации. Реализация проекта Экономический пояс «Шелкового пути» для Китая, России и стран Центральной Азии важна и необходима, так как не только сможет решить вопрос по урегулированию дисбаланса внутри стран, при котором одни части страны развиты намного слабее, но и будет способствовать

созданию транспортного, энергетического, торгового коридора между странами Центральной Азии и Европы, следовательно, сможет благоприятствовать сближению стран евразийского региона.

Инициатива нового Шелкового пути китайского правительства, закреплена в идее создания наземных и морских транспортных коридоров, простирающихся от городов Китая до Европы. Сухопутные маршруты пролегают через Центральную Азию. Все пять центральноазиатских стран - Казахстан на севере, и на юге - Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан - обречены на выигрыш от инициативы Китая и могут стать экономическим центром в Евразии [1].

«Экономический пояс Шелкового пути» способствует превращению Евразии в экономический развитый регион. Эффективные и безопасные маршруты и транспортировки объединяют экономическую часть Европы, Восточной и Южной Азии через Казахстан и Центральную Азию.

Евразия также играет важную роль в структуре экономического пояса Шелкового пути. Исторический маршрут, через который проходила торговля, является примером взаимовыгодных международных отношений между странами. В настоящее время евразийские страны планируют участвовать в этом проекте, а также развивать промышленность и активизировать старую линию. В связи с этим можно развивать торговое и взаимовыгодное экономическое сотрудничество между Китаем и Евразией [2].

Китайские компании, которые заметили, что сотрудничество между странами укрепляется, будут развивать политическую экономику через инвестицию. В то время инвестиции будут сосредоточены не только на традиционных энергетических и горнодобывающих отраслях, но также на финансах и кредитах, логистике, информационной технологии, платежных системах и коммуникационных технологиях 4G и 5G. Что касается логистики, китайский порт Ляньюньган готов к такому сотрудничеству. Большинство стран Центральной Азии не могут добраться до моря. Поэтому интеграция нашей системы транспорта и логистики позволит странам Центральной Азии выйти на развитые рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. Проект «Шелковый путь экономического пояса» укрепит международные отношения и будет способствовать развитию логистики и энергетики. Кроме того, рост экономических связей между Китаем и Азии напрямую связан с развитием сотрудничества в топливно-энергетическом секторе.

Развитие отношений в этой области, важно не только для КНР, но и для стран Центральной Азии [3].

По инициативе Китайской Народной Республики проект «Экономический пояс Шелкового пути» должен связать Китай, Центральную Азию, Ближний Восток, Россию и Европу с наземным коридором. Ожидается, что в проекте, который является полноценным районом между Тихоокеанским и Балтийским морями, будут участвовать более 60 стран, которые производят около одной трети мирового валового внутреннего продукта и 75% глобальных энергетических резервов. По словам экспертов, если проект будет реализован, объем грузов, перевезенных из Китая в Европейский Союз и остальные страны, возрастет с 117 миллионов тонн до 170 миллионов тонн к 2020 году. Торговый оборот может составить \$ 800 млрд. - \$ 1 трлн.

Не смотря на то, что Центральная Азия имеет большой потенциал, Азия уже давно далека от основных центров в сфере политики и экономики. Но с 2015 года начинается период для осуществления международного политического и экономического сотрудничества и, совместного развития для Евразии. Шелковый путь также предоставляет возможности для развития безопасных и высокоэффективных транспортных и логистических коридоров, которые связывают продуктивный и потребительский потенциал Европы и Азии [4].

По некоторым оценкам, на ее реализацию понадобится около 30 лет. В дальнейшем планируется создание семи «поясов»:

- транспортного,
- энергетического,
- торгового,
- информационного,
- научно-технического,
- аграрного,
- туристического.

Ожидается, что ЭПШП снизит операционные издержки и облегчит торговые потоки внутри и между границами. Это объясняется тем, что проект позволит экономическим субъектам, отдельным лицам, фирмам и правительствам реагировать на новые виды спроса в разных местах. Кроме того, ожидается, что проект снизит затраты на ресурсы для предпринимателей или сделает существующие предприятия более прибыльными, создав тем самым рабочие места, в том числе

в общественных работах. Проект имеет потенциал для наращивания человеческого капитала, например, путем улучшения доступа к рынкам и расширения связи между соответствующими странами [5-6].

В заключении, рост экономических связей между Китаем и Азией напрямую связан с развитием сотрудничества в топливно-энергетическом секторе. Развитие отношений в этой области, важно не только для КНР, но и для стран Центральной Азии[7].

Экономический пояс «Шелковый путь» - это проект, связанный с развитием торговых и транспортных коммуникаций в евразийском регионе, а также в геоэкономике Евразийского топливно-энергетического комплекса. Этот проект направлен на привлечение иностранных инвестиций, продвижения торговли и предприятий. Китай и Евразия развивают взаимовыгодное сотрудничество, достигая своих целей в этом проекте.

ЛИТЕРАТУРА

1 Starr S.F. The Key to Success in Afghanistan. A Modern Silk Road Strategy // Silk Road Paper, 2010. – May.–P. 50.

2 Мирзаев Р.С. Роль и значение транспортных коммуникаций Шелкового пути в современных международных отношениях. - М., 2005. – 436с.

3 Ремыга В.Н., Падалко В.И. Новая глобальная стратегия Китая. - Экономический пояс Шелкового пути. - М., 2015. - С.61-71.

4 Кузьмина Е.М. Внешние экономические интересы как фактор экономического развития Центральной Азии: Научный доклад. - М.: Институт экономики РАН, 2013. – 50с.

5 Лю Ц. Стратегии развития нового Шелкового пути в XXI веке // Молодой ученый. - 2015. - №15.- С. 391-394.

6 Zholamanova A.Zh. Cultural and civilization processes in modern Kazakhstan // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2017. – № 3. – С.84.

7 New Silk Road Economic Belt to Open Markets with Oil-rich Kazakhstan, Asia, Europe. – Режим доступа: <http://kazworld.info/?p=55992> - (дата обращения 10.02.2018).

ЖІБЕК ЖОЛЫНЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ БЕЛДЕУІ ЖӘНЕ ЕУАЗИЯЛЫҚ МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ ӨЗАРА ДАМУ БАСЫМДЫҚТАРЫ

Бектемисова К.Т.¹,

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университетінің магистранты

Мамандық «6M020200- Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан

«Жібек жолы экономикалық белдеуі» жобасын 2017 жылы 7 қыркүйекте Астанадағы Назарбаев Университетінде (Қазақстан) ҚХР Төрағасы Си Цзиньпин ұсынды. Бұл жоба - Қытай мен Еуразия арасындағы халықаралық және экономикалық ынтымақтастықты дамыту стратегиясы. Жібек жолы Ресей арқылы Батыс Еуропа

мен Батыс Қытайды байланыстыратын көлік дәлізі болғанын айта кету керек. Жібек жолы - ХХІ ғасырдың ең қауіпсіз, бірақ ең қолайлы және тиімді жолы. Бұған қоса, осы жобаға инфрақұрылым, өнеркәсіп, сауда және қызмет саласындағы көптеген жобалар қосылады.

Тірек сөздер: Экономика, Орталық Азия, Жібек жолы, Қытай, логистика.

Статья поступила 21.09.2018 г.

MAIN FACTORS OF INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF MODERN WORLD POLITICS

Uskenbayeva U.M.¹,

¹ MA student of the Abylai khan

Kazakh University of International relations and world languages,
Specialty “6M020200-International Relations”, Almaty, Kazakhstan

Dynamic development of international relations and world politics, determination of the degree of balancing and alignment of regional power in the new world order requires a full study and evaluation of the current factors that construct a particular form of world politics – are economic, geopolitical, demographic, socio-cultural, resource and other factors. In this scientific study, an attempt is made to reveal the key factors that in one way or another can affect the development of world politics.

Keywords: factor, world politics, international relations, globalization, global processes.

УДК 327 (82)
МРНТИ 11.25

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Ускенбаева У.М.¹,

¹магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана,

Специальность «6M020200-международные отношения», Алматы, Казахстан

Динамичное развитие международных отношений и мировой политики, определение степени балансирования и расстановки региональной мощи в условиях нового миропорядка требует полноценного изучения и оценки ныне действующих факторов, которые конструируют ту или иную форму мировой политики, – это экономические, геополитические, демографические, социокультурные, ресурсные и иные факторы. В настоящем научном исследовании предпринята попытка раскрыть ключевые факторы, которые тем или иным образом могут повлиять на развитие мировой политики.

Ключевые слова: фактор, мировая политика, международные отношения, глобализация, глобальные процессы.

Фактор (от лат. *factor* производящий, делающий) понимается в качестве движущей силы, причиной различных явлений и

процессов. Факторами, которые традиционным образом определяют историческое начало того или иного общества, можно считать природу (климат, континентальность, равнина, горы и др.), этнический/расовый/национальный элемент (темперамент), исторический (государственность, многонациональность, образование, культура, войны), религиозный (этика и вероисповедание) [1]. Указанные факторы – универсальны – применимы для раскрытия любого типа общества и, вне всякого сомнения, взаимообусловлены и взаимосвязаны. В зависимости от определенных случаев, факторы, влияющие на политику, могут иметь множество конфигураций, однако всегда осмысливаются в рамках следующих сфер: географический, экономический, этнический, культурный, религиозный, исторический и социально-политический.

Факторная категория политологии и других социально-гуманитарных наук как научный феномен формировался и совершенствовался постепенно, проходя длительное духовное и историческое развитие общества. Вопрос о зависимости политики от того или иного фактора ставится во главу угла уже в работах античных авторов. Геродот, к примеру, в своем главном труде «История» делает акцент на влиянии природно-географических условий. Свое дальнейшее обогащение «факторная» традиция получает в трудах гениев Возрождения и Нового времени – Н. Макиавелли, Ф. Бэкона, Т. Гоббса [2].

В настоящее время «факторология» переживает активную фазу своего развития. Такие видные современные политологи, как Ж. Корм, И. Звягельская, Дж. Рейнс, А. Митрофанова [3-5], в качестве ключевого объекта стали религиозные и цивилизационные факторы мировой политики в условиях постмодернизма.

Усиление глобальных процессов, размывание национальной идентичности и стирание государственных границ стали причиной отдельного изучения влияния «человеческого фактора». Постановка подобного рода темы обусловлена актуальностью вопроса о том, что в современном прагматичном мире зачастую забывается необходимость обсуждения и решения гуманитарных проблем, т.е. те аспекты, которые напрямую связаны с естественным благополучием общества и его моральным состоянием.

Политическая антропология ставит перед собой цель исследовать воздействие международного сообщества на «эволюцию сущности и человека и его положение в стране и мире» [6]. Сторонниками данного

направления выдвигаются серьезные вопросы для размышления всего человечества: «Дать ответ на вопрос, что такое человек, станет возможно лишь тогда, когда появится реальное человечество.

Иными словами, когда отдельные его части, представленные отдельно живущими народами сольются в единое целое. При этом будет происходить формирование человека «международного», то есть человека выходящего в своем сознании, ценностных и жизненных ориентациях, практической деятельности за пределы одного государства» [6, с.93].

Безусловно, направление находится на ранних этапах своего развития, следовательно, анализировать его основные идеи и тезисы в настоящей работе, мы считаем нецелесообразным.

XX-XXI вв. – временной рубеж, где остро встает вопрос о необходимости поиска эффективных и рациональных методов для решения глобальных проблем и вызовов. В центр внимания, как со стороны исследователей, так и всего мирового сообщества выдвигались различные глобальные проблемы.

Римский клуб, который был создан в 1968 г., поставил перед собой задачу привлекать внимание мировой общественности на существующие глобальные проблемы. Прежде всего, были рассмотрены проблемы с исчерпанием природных ресурсов на Земле. В докладе «Пределы роста» (1972 г.) [7] отмечалось, что «если тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения природной среды, производства продовольствия, истощения ресурсов сохранятся, то мир подойдет к пределам роста. Уже к 80-м годам XX в. запасы некоторых из видов полезных ископаемых полностью закончатся, а к началу XXI в. будут исчерпаны все важнейшие природные ресурсы, необходимые для функционирования мировой экономики» [8].

Крайне тревожная перспектива, безусловно, преследовала важнейшую цель – привлечь как можно больше внимания представителей науки, политики и в целом общественности к этой серьезной проблеме.

Члены Римского клуба тогда сумели убедить практически всех участников и не участников заседаний. Однако в дальнейшем было выявлено, что прогнозы, которые были обнародованы в «Пределах роста», были крайне пессимистичными. Все это произошло по двум причинам. Во-первых, авторы доклада без учета многих факторов экстраполировали темпы прироста пользования природных ископаемых, которые имели место еще в середине XX в. Во-вторых,

они не задумывались о возможном появлении новых месторождений природных ресурсов.

Есть еще одна вероятность – возможно, положение мира было драматизировано осознанно, дабы наиболее красочно описать сложное состояние Планеты и человечества в ней. Сегодня ситуация не выглядит таковой [9]. По прогнозам экспертов, были разведаны большие запасы минерального сырья и углеводородных энергоносителей, которых хватит надолго. Одни специалисты полагают, что их хватит на несколько десятков лет, другие же склонны считать, что на сотни или даже тысячу лет.

Более того, система по добычи природных ископаемых из недр земли постоянно совершенствуется, создаются новые и технические и технологические методы ее обеспечения, постепенно становятся наиболее точными расчеты геологоразведки. Одновременно с этим, увеличиваются шансы и возможности нахождения альтернативных источников энергии и сырья, которые считаются невозможными. Но глобальная проблема исчерпания природных ресурсов при любых условиях в дальнейшей перспективе сохранит за собой актуальность. Так, был выявлен еще один фактор – «экологический».

Одним из наиболее очевидных и тревожных сегодняшних глобальных вызовов является демографический кризис. Прежде, чем приступить к вызовам демографической глобализации, следует рассмотреть общую характеристику исторических предпосылок, теоретических основ, понятийно-категориального аппарата самого явления «демография».

С древнейших времен мыслители не ограничивались размышлениями об устройстве, системе государства, о взаимоотношениях его с обществом, они также уделяли не меньшее внимание вопросам отдельных элементов функционирования государства, в частности о соотношении численности населения, о демографии.

Одним из первых, кто выдвинул вопрос об оптимизации численности населения, был древнекитайский мыслитель Конфуций. Оптимальную пропорцию он высчитал в зависимости от количества обрабатываемой земли. Согласно его взглядам, нарушение этого баланса может привести к серьезным последствиям, а именно к:

- ухудшению обрабатываемости пашни и отказу взимания налогов при малочисленности населения;
- праздной жизни, обнищанию, напряженности среди общества

при большой плотности населения.

По его мнению, государству следует регулировать численность населения, переселять людей из густонаселенных в малонаселенные районы. Кроме этого, Конфуций изучал факторы (экономические, социальные и биологически), которые могут повлиять на рост или убыль численности населения по причине недостатка пищи, войн, высокой детской смертности и т.д.

Вопросы, касающиеся народонаселения, беспокоили и древнегреческих мыслителей, поскольку присутствовал дефицит территориального пространства полиса (города-государства).

С точки зрения Платона, численность населения идеального государства должна составлять не более 5040 граждан. Необходимо указать, что им не учитывалась численность женщин, детей и рабов, так как в государстве их не рассматривали в качестве полноправных граждан. Согласно Платону, этого количества людей достаточно, чтобы защитить город от внешних угроз и эффективно управлять им. Философ категорически выступал против чрезмерного роста численности населения. Для решения вопроса избыточного населения, он предлагал создавать колонии и перемещать его туда.

Платон также утверждал, что правитель полиса должен делать расчет по количеству браков с учетом того, чтобы численность не увеличилась. Мужчинам запрещалось иметь детей до 30 лет. Для того чтобы не обременять заботами государство, родившиеся с физическими недостатками, незаконнорожденные либо дети пожилых родителей обязаны уничтожаться.

Схожих взглядов по поводу чрезмерного населения придерживался и другой древнегреческий философ Аристотель. Он опасался того, что высокий уровень деторождения приведет в результате к неспособности власти обеспечить весь народ земельными участками. В итоге увеличится бедность, которая будет в дальнейшем способствовать началу возмущений и преступлений. В отличие от Платона, Аристотель не являлся сторонником переселения граждан.

Переходя к вопросу исследования населения как основного субъекта и проводник глобализации, следует определить, что «демографический аспект глобализации – это исследование, появляющихся ранее не существовавших популяций (расовых, этнических, культурных групп и др.), изменений стратификационной структуры человечества в зависимости от роли разных страт в общем глобализационном процессе, трансляции образа и стиля жизни на планетарном уровне

и вызванных этим изменений важнейших сфер жизнедеятельности – медицины, образования, информации и др. [10].

Пока же продолжается демографический переход, вызовы народонаселения по всему миру будут разными. К примеру, в странах Западной Европы и России, проблемой выступает низкая рождаемость, что приведет к сокращению численности населения. В странах Азии и Африки, наоборот, прослеживается высокая рождаемость и излишне высокие темпы прироста населения. Следствием этой проблемы служит угроза омоложения населения. Известно, что большинство жителей африканского континента составляют дети и молодежь. А это создает и еще более серьезную опасность – проблему занятости населения, массовой нищеты, конфликтности внутри общества.

В настоящее время демографические вызовы глобализации естественным образом переплетаются с экологическими и продовольственными проблемами. Данный конкретный пример является постулатом и основанием для того, чтобы предпринимать должные меры по их регулированию и решению.

Таким образом, все еще отсутствует понимание того, что трансформированный и связанный с ним глобальный мир не может быть воспринят иначе, нежели через изучение с точки зрения целостности этого мира, а также учета факторов, которые могут определенным образом повлиять на развитие мировой политики. Результатом данного положения является то, что в глобальном мире важнейшие угрозы человечеству (ядерные, биологические, химические войны, проблемы экологии, демографии, террористическая и экстремистская деятельность и другие глобальные проблемы) идут впереди разработок эффективных мер и средств по их устранению. Такое противоречие в первую очередь связано с отсутствием адекватной интерпретации, в особенности в научном сообществе, процессов глобализации и факторологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переяшкин А.В. Религиозный фактор в современной мировой политике: дисс.....к.п.н. // ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», 2015. - 211 с.
2. Гоббс Т. Человеческая природа / Сочинения: в 2-х т. - М., 1989. Т.1. – С. 507-573.
3. Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2012. - 288 с.
4. Звягельская И.Д. Религиозный фактор в палестино-израильском конфликте // Религия и конфликт. – М.: Росспэн, 2007. – С.153-174.
5. Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и

проблема «цивилизаций» // Век глобализации. – 2008. - №1. – С. 109-119.

6. Баталов Э.Я. Антропология мировой политики и международных отношений. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 93.

7. Медоуз Д. и др. Пределы роста. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 208 с.

8. Ачкасов В.А., Ланцов С.А. Мировая политика и международные отношения: Учебник. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 480 с.

9. Медоуз Д.Х. Пределы роста: 30 лет спустя. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – 358 с.

10. Галецкий В.Ф. Социально-экономические последствия демографической глобализации // Проблемы прогнозирования. – 2003. - № 6. – С. 128-138.

ЗАМАНАУИ ӘЛЕМДІК САЯСАТТЫҢ ДАМУЫНА ӘСЕР ЕТУШІ НЕГІЗГІ ФАКТОРЛАР

Ускенбаева У.М.¹,

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің магистранты

Мамандық «6M020200- Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан

Халықаралық қатынастардың және әлемдік саясаттың қарқынды дамуы, жаңа әлемдік тәртіп жағдайында аймақтық биліктің теңдестіруі мен теңестіру дәрежесін анықтау әлемдік саясаттың бір немесе бірнеше нысанын салатын қазіргі факторларды мұқият зерттеуді және бағалауды талап етеді - экономикалық, геосаяси, демографиялық, әлеуметтік-мәдени, ресурстық және басқа факторлар. Бұл ғылыми зерттеуде әлемдік саясаттың дамуына әсер ететін негізгі факторларды анықтауға әрекет жасалды.

Тірек сөздер: фактор, әлемдік саясат, халықаралық қатынастар, жаһандану, жаһандық үрдістер.

Статья поступила 18.09.2018 г.

UDC 327 (82)

IRSTI 11.26

THE WORLD ASSOCIATION OF KAZAKHS AS A MECHANISM FOR IMPLEMENTATION OF PUBLIC DIPLOMACY OF KAZAKHSTAN

Sagynay D.¹,

¹MA student of the Abylai khan

Kazakh University of International relations and world languages,
Specialty “6M020200-International Relations”, Алматы, Kazakhstan

The article covers the implementation of public diplomacy in the Republic of Kazakhstan through the world association of Kazakhs as a mechanism. Public diplomacy does not replace traditional diplomacy, but helps to prepare a fertile ground for holding official events in the foreign policy arena. This direction of diplomacy is referred to the so-called “soft power” - to the ability to persuade, relying on the existing reputation; as well as on ideological, cultural and institutional attractiveness. Public diplomacy is linked to the «soft power» of the state. As stated Joseph Nye “soft power” has three sources: culture,

values and political activities. Public diplomacy involves the establishment of long-term relationships, creating favorable conditions for public policy.

Keywords: public diplomacy, «soft power», the world association of Kazakhs, foreign policy, image of the state, formation of the image, culture, values, long-term relationships, national interests.

Unlike traditional diplomacy carried out at the government level and often hidden from public opinion, public diplomacy is an open communication process aimed at developing contacts and mutual understanding at the level of governments, non-governmental organizations and simply citizens of foreign countries as a whole. The main methods of public diplomacy are extensive information, cultural and educational programs.

Public diplomacy is defined by some researchers as “strategic political communication” and implies “the creation, dissemination, control, use, processing of information as a political resource by governments, organizations or individuals” [1]. Public diplomacy programs are also interpreted as “official state efforts aimed at the formation of a foreign information environment in which foreign policy is conducted in order to reduce the misunderstanding of complex interstate relations” [2]. Today, “public diplomacy is capable of ensuring national security and other interests by informing a foreign audience, as well as influencing governments and citizens of other countries” [3]. Public diplomacy tends to be boosted by two main tasks. One of them is to inform foreign citizens about the country’s polity and its foundations, to inspire confidence in the country and its policy. The other is to inform foreign citizens about the lifestyle of this country, especially how it was formed under the pressure of the form of government of a given country, and to promote a broad perception of this way of life [4].

Public support for public policy is something that does not just allow you to get assistance in carrying out certain economic or military programs, but is also part of a healthy economy and a way to ensure security. According to the government assessment, “public diplomacy makes a significant contribution to the achievement of fundamental goals and to the effectiveness of foreign policy and creates the most favorable atmosphere” [5]. Experts do not cease to pay attention to the fact that in a world where people have great influence, attracting the right audience at the right time can resolve conflicts that can lead to war, create markets for profitable trade and solve problems of terrorism, drugs, immigration and the environment.

Joseph Nye emphasizes at the same time that the connection between public diplomacy and soft power does not necessarily have a simple linear nature. First, potentially public diplomacy can not only help to strengthen soft power, but also hinder, because in itself it is only a communication mechanism and hypothetically can broadcast an incorrect message that will

not improve the attitude towards the country. Secondly, public diplomacy is only one of the factors influencing the formation of attitudes towards the country, and in any particular episode of time other factors can exert a more significant influence on soft power, because foreign audiences form their perceptions of countries not only on the basis of organized governments of communication channels. Thirdly, critics of the soft power concept argue that changes in international public opinion do not have a significant impact on the specific political decisions taken by the country's leadership[6]. Accordingly, if we return to the definition of Nye's soft power as the ability to seek action from others, it turns out that public diplomacy, which improves the attitude towards the country, does not necessarily contribute to the achievement of concrete political results. On this thesis, by the way, a significant part of the criticism of the soft power concept is based, since it is quite difficult, based on soft power, to assess the real ability of actors to influence others. Nye to this criticism invariably responds that it is important to distinguish between the resources on which any power is based and the power itself, that is, the ability to influence the behavior of other actors. The relationship to the deep values, culture and political actions of any state may be different, as is their variability. For example, state policy can change relatively quickly. This can happen when the political leadership changes or simply as a result of a change in the course, and also the perception of the country in the eyes of the foreign public can change quite quickly [7]. As a result of the increased attention and demand for knowledge in the field of public diplomacy, scientific thought in this area also sharply intensified. The new task of state international communication (influencing through foreign societies not only the governments of other countries, but also directly people as actors of world politics) has led to new wording in the definition of public diplomacy. At first, such definitions as "the battle for the hearts and minds of people" and various developed its derivatives were actively disseminated, which implied that the goal of public diplomacy is to replace some ideas existing in the minds with others. Finally, the concept of public diplomacy attracted the attention of experts to the concept of one and the same term as the branding of the state. Looking to commercialize marketing and looking at the image of the state at the earliest times, the state was widely recognized as one of the most prestigious classics of marketing by Philip Kotler, who was abandoned in 1997 monograph on the theme. Today, the branding state recognizes in its broadest sense that the states, the states, the regions, the cities and towns of the region, or any sector of the market, are represented by them. One of the most authoritative authors in the field, Simon Anholt, is the author of the rankings of the state brand names in the rankings, forming the hexagonal brand of the brand, forming

the “hexagon of the state of the state”: export, government, culture, survival, tourism, immigration, immigration, immigration and investments. “Export” is a trade additive that is produced in the country. The “government” shows how many blessed worshippers of the world are taking the lead. The “living” reflection attracts lovers of goodness, personal envy and personal qualities. “Culture” demonstrates the relevance of the cultural heritage, as well as contemporary art [8].

The subsequent evolution of theoretical grounds led experts to think about the need to develop a system of bilateral dialogue and the involvement of foreign audiences as an example for Kazakhstan is The world association of Kazakhs.

In multiethnic Kazakhstan, the Assembly of the People of Kazakhstan, created with the goal of preserving internal unity and diversity, set out the work on the transformation of ethno-cultural associations, in particular the international community, into the main institutions of dialogue with other states. Without a doubt, this is a key element of “soft power” for influence on the public diplomatic.

The Assembly of the People of Kazakhstan is an institution that promotes the development and implementation of national policies. However, if we take a closer look at the Assembly’s laws and regulations on the Assembly, the specific tasks of the Assembly include its external objectives:

- propaganda of the Kazakhstan model of interethnic and interreligious harmony in the country and abroad;
- preservation and development of the Kazakh Diaspora abroad in matters of preserving and developing the native language, culture and national traditions, strengthening its ties with the historical Motherland;
- promotes interethnic tolerance and community engagement in the country and abroad interaction with civil society institutions and international organizations on inter-ethnic and inter-religious consensus [9].

Ethno-cultural associations of the Assembly of the people of Kazakhstan are recognized as a special type of activity. First of all, cultural and spiritual support of civilization on the territory of Kazakhstan. Secondly, in the role of the Diaspora as a state. This gives rise to the development of public diplomacy of their homeland, which means that through these associations of ethnic’s we can get the culture of the ethnos, live information in a specific country and expand our spiritual, cultural and scientific endeavors.

The formation of a positive image of the state, as is known, is one of the factors improving its investment attractiveness. Today almost all countries of the world allocate considerable funds for the promotion and maintenance of their international image, which is an important component of the so-called “soft power” in foreign policy. Information and image work is a

part of our agency's daily activities, the so-called "public diplomacy" [10]. It is aimed at consolidating existing and forming new positive trends in Kazakhstan's perception on the international arena in general and in selected foreign countries, in particular.

The worldwide association of Kazakhs, which unites the whole world, is more than 20 years old. Twenty years of Independence has given a unique opportunity to develop the Kazakh language and modernize language culture. This situation contributed to unification of all Kazakh diasporas far from their historical homeland. Changing time invitations requires the creation of new ways of co-operating with foreign diasporas and their cultural, educational, spiritual, informational support. With the support of our diplomatic missions, cultural centers are being opened, the activities of Kazakh diasporas living abroad are becoming more active. So, last year, together with the European Association of Kazakhs in Berlin, another small Kazakh "kurultai" was organized with the participation of ethnic diasporas from Great Britain, France, Germany, Hungary, Austria, Switzerland, Sweden, Denmark, Norway, the Netherlands and Turkey. The necessity of the World Association of Kazakhs as a mechanism to implement public diplomacy should be up-to-date, so that through the World Association of Kazakhs, foreign mass audience should demonstrate and propagate our state and cooperate at the community level.

Today, Kazakhstan should actively involve in public diplomacy, or utilizing its position in the information space for the near future and continuing to vector the social position in the best. By parallel with the economy, the state follows the program of public diplomacy, even within the limits of the state budget, as it affects the effectiveness of all the external and economic movements. Nonetheless, our diplomats and government officials have a strong commitment to working with Kazakhstani media outlets, as it is the case with Kazakhstani establishment, as well as foreigners and journalists. Apparently, the image of the image is formed only by the promotion of the popularization and directing of information, and all the granny of the society and the economy are expensed. There is a great deal of contact with all the countries, starting with the newspaper and completing the meetings with the citizens. Assuming that the world association of Kazakhs is one the most key mechanisms for implementation of Kazakhstan's public diplomacy.

REFERENCES

- 1 Manheim J.B. The War of Images: Strategic Communication in the Gulf Conflict // The Political Psychology of the Gulf War. Leaders, Publics, and the Process of Conflict.- Pittsburgh/London: University of Pittsburgh Press, 1993.- P. 16.
- 2 Tuch H.N. Communicating with the World: U.S. Public Diplomacy Overseas. - New York: St. Martin's, 1990.- P.16.
- 3 Public Law 107-228. Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Year 2003. - The Freedom Promotion Act, 2003.

4 Кашлев Ю. Международные отношения в зеркале информационной революции // Международная жизнь.- 2003.- №1.- С. 120.

5 Kissinger H. World Order. - New York: Penguin Books, 2015.- P. 227-228.

6 Nye J. Soft Power: the Means to Success in World Politics. - New York: Public Affairs, 2004. - 192 p.

7 Nye J. Limits of Leadership: Changes in the Nature of American Power. – Oxford University Press, 1990.

8 Papadopoulos N. Place branding: Evolution, meaning and implications // Place Branding. - 2014. - Vol. 1,1. - P. 36.

9 Law of the Republic of Kazakhstan on “ The assembly of the people of Kazakhstan” of 20.10.2008 // Access mode: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=38658983. Accessed 11.06.2018.

10 Conception of “SOCIAL MODERNIZATION OF KAZAKHSTAN: Twenty Steps to the Society of General Labor” of 10.10.2012. – Astana, 2012.

ҚАЗАҚТАРДЫҢ ДҮНИЕЖҮЗІЛІК ҚАУЫМДАСТЫҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК ДИПЛОМАТИЯСЫНЫҢ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ ТЕХНИКАСЫ

Сағынай Д.¹,

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университетінің магистранты

Мамандық «БМ020200- Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан

Мақалада Қазақстан Республикасында қоғамдық дипломатияны жүзеге асыру механизмі ретінде Дүниежүзілік қазақтар қауымдастығы арқылы талқыланады. Қоғамдық дипломатия дәстүрлі дипломатияны алмастырмайды, бірақ сыртқы саяси аренада ресми оқиғаларға арналған құнарлы жерге дайындалуға көмектеседі. Дипломатияның бұл жолы «жұмсақ күш» деп аталады - қазіргі беделге сену, сену мүмкіндігі; сондай-ақ идеологиялық, мәдени және институционалдық шағым. Қоғамдық дипломатия мемлекеттің «жұмсақ күшімен» байланысты. Джозеф Найдың айтуынша, «жұмсақ күш» үш көзге ие: мәдениет, құндылықтар және саяси белсенділік. Қоғамдық дипломатия ұзақ мерзімді қарым-қатынасты орнатуды, мемлекеттік саясат үшін қолайлы жағдайлар жасауды көздейді.

Тірек сөздер: қоғамдық дипломатия, «жұмсақ күш», қазақтардың әлемдік ассоциациясы, сыртқы саясат, мемлекеттің имиджі, имиджді қалыптастыру, мәдениет, құндылықтар, ұзақ мерзімді қатынастар, ұлттық мүдде.

ВСЕМИРНАЯ АССОЦИАЦИЯ КАЗАХОВ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАЗАХСТАНА

Сағынай Д.¹,

¹Магистрант Казахского университета международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана,

Специальность «БМ020200-Международные отношения»,
Алматы, Казахстан

В статье рассматривается реализация публичной дипломатии в Республики Казахстан через всемирную ассоциацию казахов как механизм реализации. Публичная дипломатия не заменяет традиционную дипломатию, но помогает подготовить благодатную почву для проведения официальных мероприятий на внешнеполитической арене. Это направление дипломатии относится к так называемой «мягкой силе» - к способности убеждать, опираясь на существующую репутацию; а также на идеологическую, культурную и институциональную привлекательность.

Публичная дипломатия связана с «мягкой силой» государства. Как заявил Джозеф Най, «мягкая сила» имеет три источника: культуру, ценности и политическую деятельность. Общественная дипломатия предполагает установление долгосрочных отношений, создание благоприятных условий для государственной политики.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая сила», всемирная ассоциация казахов, внешняя политика, образ государства, формирование имиджа, культура, ценности, долгосрочные отношения, национальные интересы.

Статья поступила 20.09.2018 г.

«HIZMET» - TRANSNATIONAL SPIRITUAL EMPIRE OF FETHULLAH GULEN

Bulatov D.¹,

¹ MA student of the Ablai khan

Kazakh University of International relations and world languages,
Specialty “6M020200-International Relations”, Almaty, Kazakhstan

The article examines the figure of Gülen, the spiritual leader of the movement “Hizmet”, which had a huge impact on the development of Turkey’s domestic policy over the past few years. The author analyzes the development of this organization and studies the main reasons that served as the basis for the accusation of involvement in an attempted coup.

Keywords: “Hizmet” movement, attempt of military coup in Turkey, Recep Tayyip Erdogan, Fethullah Gülen, Justice and Development Party.

УДК 130.2
МРНТИ 017

«ХИЗМЕТ» - ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ДУХОВНАЯ ИМПЕРИЯ ФЕТХУЛЛАХА ГЮЛЕНА

Булатов Д.¹,

¹магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Специальность «6M020200-международные отношения», Алматы, Казахстан

В статье рассматривает фигура Гюлена, духовного лидера движения «Хизмет», имевшего огромное влияние на развитие внутренней политики Турции на протяжении последних лет. Автор анализирует развитие этой организации и изучает основные причины, послужившие основанием для обвинения в причастности к попытке государственного переворота.

Ключевые слова: движение «Хизмет», попытка военного переворота в Турции, Реджеп Таип Эрдоган, Фетхуллаха Гюлен, Партия Справедливости и Развития.

То, что произошло в Турции в ночь с пятнадцатого по шестнадцатое июля 2016 года, поистине потрясло мировую общественность. Пока Президент Турции, Реджеп Таип Эрдоган находился в отпуске, часть турецких военных предприняла попытку военного переворота и захвата

стратегических объектов по всей стране. В столице Анкаре летали истребители и наносили авиаудары по президентскому дворцу, зданию Парламента, были взяты под контроль международные аэропорты Стамбула и Анкары, мосты через Босфорский пролив. Путчисты объявили военное положение и комендантский час.

Однако попытка не увенчалась успехом. Президенту Эрдогану удалось выйти в телеэфир через одну из незахваченных на тот момент телекомпаний с заявлением о незаконности военного переворота и призывом к сторонникам выйти на улицы Анкары и Стамбула для противодействия путчистам, что и было осуществлено народными массами.

Официальные власти поспешили обвинить Фетхуллаха Гюлена в использовании своих рычагов влияния в армии и попытке свергнуть власть. Проповедник, давно покинувший Турцию и ныне приживающийся в США, штате Пенсильвания, отрицает свою причастность к попытке военного переворота. Но обвинения властей Анкары, безусловно, порождают вопросы. Кто же такой Фетхуллах Гюлен, откуда у него возможности влиять на внутреннюю политику Турции и почему Эрдоган так сильно его не любит?

Общественный активист, писатель, проповедник, ученый и автор многих книг, Гюлен родился в 1941 году в небольшой деревне близ города Эрзурум. Предрасположенный к исламу, он выучил Коран, когда ему было десять, первую проповедь провел в четырнадцать. Уже в семидесятых годах прошлого столетия он образовал свое религиозное течение, которые, впрочем, очень быстро приобрело политический оттенок. Получая весьма серьезные пожертвования от турецких бизнесменов, Гюлен сосредоточился на образовательной программе, которая бы отбирала талантливую, но, увы, необеспеченную молодежь, давала ей блестящее образование и, незаметно, вводила бы ее в систему, которая разрослась до уровня транснациональной корпорации.

В числе его последователей: бизнесмены, журналисты, преподаватели, юристы и другие представители интеллектуальных профессий, которые во многом обязаны своим успехом и статусом, поддержке, оказанной Гюленом и его движением. В силу своего почтенного возраста, и не самых теплых отношений с турецкой властью, он живет в уединении в США, штате Пенсильвания. Интересно, что когда в 2006 году миграционная служба США попыталась депортировать господина Гюлена на его родину, его поручителями выступили экс-посол США в Турции, господин Мортон Айзек Абрамовиц, и ряд высокопоставленных сотрудников ЦРУ [1].

Политические интриги, впрочем, не мешают ему быть: «самым влиятельным интеллектуалом планеты», входить в число «500 самых

влиятельных мусульман» и даже в «1000 самых влиятельных людей мира». Безусловно, он заслужил такие почести. За годы работы он выпустил: 65 книг, семь тысяч статей, участвовал в создании 1200 школ в 140 странах мира и владел университетом «Фатих» в Стамбуле, пока его не закрыли в 23 июля 2016 года. Но и это не все. Он может похвастаться многомиллионной армией последователей, причем не только в Турции, но и по всему миру и ежегодной прибылью в размере \$25 млрд. от гигантской бизнес империи, известной как движение «Хизмет» [2].

Восхождение Гюлена началось с записи своих проповедей на аудио и видеокассеты, выпускавшиеся огромными тиражами, где проповедник утверждал, что молодые турки потеряли свой путь и что образование - лучший выход. Семена проросли, и уже в 1980 году, Гюлен получил плоды своего труда, начал участвовать в бизнес проектах своих прихожан⁽³⁾. Используя огромные власть и влияние, которые росли с каждым днем, он начал оказывать авторитетную помощь своим прихожанам, в решении тех проблем, которые не могли быть решены иначе, в силу коррумпированности власти или же иных, непреодолимых для среднего класса преград. Гюлен сводил необходимых людей вместе, и они, обязанные многим его личности, решали, как обойти насущные проблемы.

Приходивших к нему бизнесменов он убеждал отдавать своих детей в его школы, где преподавали самые лучшие учителя, да и оплата была более чем приемлемой. При этом, нужно отметить, что несмотря на то, что Гюлен был проповедником, его образовательные учреждения не насаждали ислам, по крайней мере открыто. Безусловно, тайная деятельность велась, но это происходило за закрытыми дверями.

Движение «Хизмет» стало настолько влиятельным, что говорили, якобы они «крышуют» мафию и получают деньги из ЦРУ. Все это было лишь слухами. Пока в 1999 году турецкий канал «АТВ» не показал видеозапись одного из выступлений проповедника, перед своими прихожанами, в которой он раскрыл свою цель – установление в Турции шариатского режима. Нужно отметить, что всякий раз, как только к власти в Турции приходили люди, намеревавшиеся кардинально изменить ее статус в пользу ислама, военные вменяли таких людей. Телепередача вызвала большой скандал. Гюлен рассказал о методах, которые рекомендует адептам для достижения этой цели: проникать в государственные органы, чтобы захватить в стране власть, когда наступит удобный момент [3].

Интересно, что опасным, движение считают не только в Турции. Голландский исламовед Эрик-Ян Цюрхер, директор Амстердамского института социальной истории, отмечал, что для последователей Гюлена характерна так называемая «такия» — концепция, согласно

которой допустимо скрывать свои истинные убеждения и взгляды. По мнению голландского исламоведа, данная концепция характерна для взаимоотношений движения со странами Запада⁽³⁾. По мнению немецкого исламоведа Урсулы Шпулер-Штегеман, гюленисты – это «ведущее и самое опасное исламистское движение в Германии» [4].

Во многих странах, школы, открытые последователями движения «Хизмет» были закрыты, а в Казахстане переименованы. Турецкий писатель, приверженец идеалов светского государства Нэджип Хаблемитоглу посвятил проблеме проникновения организации Гюлена в полицию и спецслужбы целую книгу под названием «Крот». 18 декабря 2002 года Хаблемитоглу был застрелен прямо возле своего дома. Показательно, что до этого он неоднократно получал угрозы от лиц, которые даже не скрывали, что являются приверженцами организации Гюлена [5].

Нуреттин Верен, в прошлом главный советник Гюлена, позднее порвавший с движением, написал разоблачительную книгу о деятельности этой организации. Он привел улики в пользу того, что Гюлен получает деньги из ЦРУ, рассказал о той разрушительной деятельности, которую организация проводила в Средней Азии в 1990-е годы. Также из этой книги общественность узнала, что в школах его международной образовательной сети работают кадровые агенты ЦРУ [3].

Пугающими были не только истинные мотивы Гюлена, но и размеры его империи, которая разрослась до уровня транснациональной корпорации. по данным WikiLeaks, в 2010 году американские дипломаты считали организацию Фетхуллага «самой мощной исламистской группировкой Турции». По их мнению, «Хизмет» контролирует крупный бизнес, торговлю, издательскую деятельность и часть политических элит. Также, движению принадлежит: более тридцати чартерных школ в Соединенных Штатах, пятьдесят две международные научные академии на территориях Центральной Азии, Кавказа, России, Балкан, Африки, Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока, Ближнего Востока и Европе, двадцать четыре аффилированных школ в Турции, тридцать четыре образовательных и консультационных учреждений, двадцать две из которых находятся на территории США, шесть издательств, включая газету «Заман» в Турции, различные бизнес концерны, включая сеть ресторанов Хасибаба, Атлас, строительной и продовольственной фирме, работающей на территории штата Техас, более десятка других организаций и благотворительных фондов, среди которых: ISHAD (Business Life Foundation), MARIFED (Marmara Business Federation), TUSCON (Turkish Confederation of Businessmen and Industrialists) [6].

При этом сам Гюлен считает, что определенные силы, пытаются преподнести движение более влиятельным, чем оно есть на самом деле.

Он заявляет, что не имеет никакого отношения к попытке переворота. Более того, многие из уволенных или переведенных на другие позиции чинов в полиции и прокуратуре не имели никаких связей с движением Хизмет, а в Турцию он не возвращается, потому что не хочет спровоцировать больших проблем, чем уже есть [7].

Но всё-таки, как получилось, что именно Эрдоган и Гюлен стали врагами? Гюленисты были в хороших отношениях с разными турецкими правительствами. Однако их настоящим союзником стала именно пришедшая в 2002 году к власти Партия Справедливости и Развития. Под их руководством учебные заведения гюленистов особенно расцвели. «Хизмет» активно поддерживал ПСР на выборах. Однако популярность Гюлена и его движения были не по вкусу Эрдогану. По мере того, как росли политические амбиции премьер-министра, не желавшего ни с кем делить власть, его все сильнее раздражал влиятельный конкурент. Усугубляло ситуацию и то, что Гюлен позволял себе критиковать некоторые политические шаги турецкого премьера.

Это не понравилось турецкому лидеру, считавшему этих министров своими близкими соратниками. Затем Гюлен осудил жесткие меры полиции по отношению к протестующим против уничтожения парка Гези в центре Стамбула. Акция носила сугубо мирный характер, все можно было решить переговорами. Однако власти разогнали демонстрантов. Неоправданная жестокость настолько возмутила турецких граждан, что по всей стране люди вышли на улицы. В столкновениях с полицией погибли несколько человек. Эрдоган обвинил во всем сторонников «Хизмета», отметив, что беспорядки были инспирированы из-за рубежа, а именно проживающим в США с 1999 года Гюленом. И приказал закрыть все его учебные заведения, начиная с подготовительных курсов.

Вскоре в Турции провели операцию «Большая взятка». Были арестованы 52 человека из окружения Эрдогана. В основном — видные предприниматели, члены ПСР, топ-менеджеры государственного банка Halkbank. За решетку угодили и сыновья трех министров. Получил повестку в суд и сын самого Эрдогана - Билал. Правда, привлечь его к ответственности так и не удалось.

В 2014-м стамбульский суд по запросу прокуратуры выдал ордер на арест Гюлена, которого обвинили в организации незаконной прослушки руководства страны. Позднее правительство объявило гюленовское движение террористической организацией, а книги, написанные проповедником, причислили к экстремистской литературе [8].

Все это наталкивает на выводы, что с движением Гюлена как минимум следует быть осторожнее, а как максимум проводить особую работу с его последователями, если Казахстан действительно собирается остаться светской страной, где религия не влияет на государственный аппарат.

Проанализировав все сказанное, можно прийти к выводу, что движение, вдохновленное престарелым проповедником, создавало «параллельное» государство прямо под носом Эрдогана. В нашей стране также не мало людей, вышедших из школы Гюлена, и занимающих высокие посты. Все это должно настораживать.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Велиев Р. США не выдают Турции Гюлена // Новое Время. - 2016. - 26.07.
- 2 Фетхуллах Гюлен – исламский саентолог и масон из Турции...// Политпазл. - 2015. – 07.09.
- 3 Чесноков Э. Вдохновитель переворота в Турции: агент ЦРУ и проповедник-миллиардер с бизнесом в России // Комсомольская правда. – 2016. - 17.06.
- 4 Подробно о Фетхуллахе Гюлене и его ЦРУшно-мафиозной секте // Геополитика. - 2016. - 17.06.
- 5 Киреев Н. Серые кардиналы» исламизации // Независимая газета. - 2010. - 01.09.
- 6 FETHULLAH GULEN: WHY ARE HIS FOLLOWERS TRAVELING? – Access mode: https://wikileaks.org/plusd/cables/06ISTANBUL832_a.html. – Accessed 23.05.2018.
- 7 Франкс Т. Кто такой Фетхулла Гюлен, и в чем его конфликт с Реджепом Эрдоганом?» // Русская служба. - 2016. – 16.06.
- Мельникова К. Гидра Гюлена // Лента.ру. – 2016. - 29.09.

«ХИЗМЕТ» - ФЕТХУЛЛАХ ГЮЛЕННИҢ ТРАНСҮЛТТЫҚ РУХАНИ ИМПЕРИЯСЫ

Булатов Д.¹,

¹Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және
әлем тілдері университетінің магистранты

Мамандық «6M020200- Халықаралық қатынастар», Алматы, Қазақстан

Мақалада соңғы жылдары Түркияның ішкі саясатының дамуына үлкен ықпал еткен «Қызмет қозғалысы» рухани көшбасшысы Гюленнің фигурасы қарастырылады. Автор осы ұйымның дамуын талдайды және мемлекеттік төңкеріс әрекеттеріне қатысуға айыптаудың негізгі себептерін қарастырады.

Тірек сөздер: Қызмет қозғалысы, Түркиядағы әскери төңкеріс әрекеті, Реджеп Тайип Ердоған, Фетхуллах Гюлен, Әділет және даму партиясы.

Статья поступила 13.09.2018 г.

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӨТУ
ХАБАРШЫСЫ
«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және АЙМАҚТАНУ» сериясы

ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

BULLETIN
of Ablai Khan KazUIRandWL
series «INTERNATIONAL RELATIONS and REGIONAL STUDIES»

3 (33) 2018
ISSN 2411-8753

Отпечатано в издательстве “Полилингва”

Директор издательства:
Есенғалиева Б.А.

Технический редактор, компьютерная верстка:
Кынырбеков Б.С.

Подписано в печать 28.09.2018 г.
Гарнитура “Times New Roman, MS Minsho”
Формат 70x90 1/8. Объем 17,5 п.л.
Заказ № 682. Тираж 300 экз.

Издательство “Полилингва” КазУМОиМЯ имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 24-09
E-mail: kazumo@ablaikhan.kz, ablaikhan@list.ru